

№ 240

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ

ОДОБРЕННЫЙ

ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНІЯ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЙ В. Н. МАЙКОВЫМЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

№№ 5 и 6. МАЙ, ІЮНЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1862.

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ПОДСИЖНИКЪ

ЖАНАРЪ

ИЗЪСТАТО И ИОНККАЛО ДОСТАТО

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ОДОБРЕННЫЙ

ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНІЯ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЙ В. Н. МАЙКОВЫМЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

№№ 5 и 6. МАЙ и ЮНЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, 18 Августа дня 1862 гола.

Ценсоръ *А. Постниковъ.*

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ И ШЕСТОЙ КНИЖЕКЪ.

Солдатки (<i>истинное происшествіе</i>). М. Ростовская.	1
Бѣглець (<i>разсказъ Одюбона</i>).....	24
Анхинга (<i>разсказъ Одюбона</i>).....	34
«Бѣдный мальчикъ, весь въ огонь! А. Майковъ..	61
Завоеваніе Перу (<i>Окончаніе</i>).....	63
Слонъ (<i>съ англійскаго</i>).....	118

СОДЕРЖАНИЕ ПЯТОЙ И ШЕСТОЙ КНИЖЕКЪ

1	СОСТАВЪ (исключено въведеніе) Н. ПОТОРСКІЯ
24	ПАРЛАМЕНТЪ (въведеніе) ОБЪЕДИНЕНІЯ
34	АНХИЛА (въведеніе) ОБЪЕДИНЕНІЯ
61	«БРАТНІЙ МАЛАНІКЪ» ИСКЪ НА СЛУХЪ А. НАЙКОВА
68	ЗВУКОВЫЕ ПІЕСЫ (Оригиналы)
118	СЛОТЪ (съ англійскаго)

СОЛДАТКИ.

(истинное происшествіе).

Въ одномъ большомъ губернскомъ городѣ, очень далеко отъ Петербурга, на лучшей улицѣ, стоялъ красивый домъ.

Когда, тому лѣтъ десять, его отстроивали, кто, бывало, идетъ мимо, остановится и смотреть: надо сознаться, впрочемъ, что было чѣмъ и полюбоваться. Хозяинъ былъ молодой человѣкъ, который только что женился въ Петербургѣ, пріѣхалъ хозяйничать по своимъ имѣніямъ въ свою родовую губернію, купилъ домъ въ губернскомъ городѣ и самъ его отдѣлывалъ, желая всѣмъ сердцемъ угодить любимой и молодой женѣ.

Домъ вышелъ прелесть. Парадная лѣстница, какъ игрушка, большая терраса, каминъ, — барынинъ кабинетъ оклеили пунцовыми гладкими обоями, на которыхъ и картины, и статуэткы такъ рельефно выдаются. Потолки были вездѣ расписаны съ артистическимъ вкусомъ; все, все было одно къ одному, кажется, до

послѣдняго гвоздика, каждая бездѣлица была облумана и прилажена съ умѣніемъ и знаніемъ дѣла.

Зажила въ немъ молодая барыня припѣваючи.

Они были люди не бѣдные, гостепріимные, здоровые и жизнь ихъ покатилаь какъ шумящая жемчужная, веселая волна; издали было слышно, что въ домѣ и поютъ и танцуютъ, всегда гости, всегда освѣщено, и дни бѣжали неуволимо скоро, и время проходило невозвратно.

Хозяйка, назовемъ ее хоть Софьей Ивановной, была добрая женщина; она была и умная и образованная, говоря по свѣтски, но если бы разглядѣть поближе и пострже, то есть по христіански, ея веселую жизнь, можно было придти къ сознанію, что не дѣлать добровольнаго зла, еще добромъ назвать нельзя, и что жить, чтобъ только веселиться, не должно быть нашею единственною цѣлюю.

Нижній этажъ прекраснаго ея дома отдавался въ наймы; въ немъ жила другая молодая женщина, которую, пожалуй, мы назовемъ Вѣрой Алексѣвной.

У этой было человѣкъ шесть ребятишекъ, малъ-мала-меньше. Она, какъ наѣдка, возилась съ ними съ утра до вечера. Иного обшиваетъ, другого моетъ, того убаюкиваетъ, этому карточные домики строить, и все-то она съ своими дѣтьми! Старшаго даже она начала сама учить и азбукѣ, а ему едва-едва минуло семь лѣтъ.

Мужъ ея былъ человѣкъ служащій, безъ всякаго состоянія; онъ проводилъ все утро на службѣ, и за

скудные четыреста рублей въ годъ, кромѣ канцелярскихъ бумагъ, ничѣмъ въ домѣ заняться не успѣвалъ.

Вся тягость домашней жизни и семейныхъ хлопотъ лежала на плечахъ Вѣры Алексѣевны.

Но она не унывала; она любила мужа и дѣтей и въ ея немощи сила совершалась, какъ говорится въ Святомъ Писаніи, и домъ процвѣталъ, все было въ порядкѣ, если и бѣдно, за то чисто. Что только зависѣло отъ нея собственно, все было прибрано, положено какъ должно. И у нея было и шумно и весело, только жизнь проходила совсѣмъ инымъ образомъ, чѣмъ въ верхнемъ этажѣ.

У нея шумѣли и рѣзвились главное дѣти,— а объ пирахъ и угощеніяхъ и помину не было.

Молодые женщины познакомились и, не смотря на то, что одна была богата, а другая бѣдна, сошлись и даже подружились. Обѣ хорошо образованныя, воспитанныя, онѣ понимали другъ друга, и находили большое удовольствіе въ близкомъ сосѣдствѣ.

Софью Ивановну восхищали чужіе ребятишки. Заботъ ей съ ними не было, по этому часъ, другой посидѣть въ ихъ шумной бесѣдѣ ее всегда забавляло. Цѣлуя и прижимая ихъ къ груди, она приговаривала:

— Экая вы счастливая, Вѣра Алексѣевна, что у васъ такая семейка!

Избалованная съ молодости большимъ состояніемъ, она и въ умъ себѣ не брала, сколько хлопотъ, и какого труда стоило расти и воспитать такую семью, безъ денежныхъ средствъ.

Вѣра Алексѣевна, съ своей стороны, находила въ обществѣ Софьи Ивановны пріятное отдохновеніе отъ вселдневныхъ своихъ занятій. Ея образованный умъ, начитавность, веселый и ровный характеръ были причиной, что ей всегда съ нею было весело.

Бывало, онѣ сойдутся и болтаютъ, болтаютъ безъ церемоніи, откровенно, мало впрочемъ входя въ душевную жизнь одна другой.

Добрыя обѣ, онѣ полюбили другъ друга, искренно, и не разбирая строго того или другого, видѣли хорошую сторону обоихъ характеровъ и дружились все ближе и тѣснѣе.

Къ Вѣрѣ Алексѣевнѣ ходило много разныхъ бѣдныхъ. Извѣстно, что бѣдный къ бѣдному всегда скорѣй придетъ, да едва ли бѣдный бѣдному не скорѣй и поможетъ, потому пословица правду говоритъ, что *сытый голоднаго не понимаетъ*. Она удѣляла имъ что могла, и посылая ихъ къ Софьѣ Ивановнѣ наверхъ, всегда находила этимъ возможность прибавить кое что къ своей небогатой милостинѣ.

Для Софьи Ивановны полтинникъ былъ тоже, что для Вѣры Алексѣевны пять копѣекъ, и обѣ равно добрыя, онѣ обѣ давали, что могли.

Между бѣдными ходила къ нимъ солдатка, вдова лѣтъ сорока, больная и очень жалкая. У нея ноги очень пухли, и въ лицѣ такъ же былъ сильный отѣкъ. Она продавала толстые башмаки своей работы, а наши дамы, изъ состраданія, каждый мѣсяць давали ей отъ себя: Вѣра Алексѣевна четвертакъ, а Софья Ивановна цѣлковый. Онѣ знали, что у солдатки была больная

мать, сестры, большая семья, и потому съ радостью ей помогали; солдатку звали Аксиньей.

Одинъ разъ Софья Ивановна сидѣла въ своей прелестной красенькой комнатѣ и ожидала гостей къ обѣду, когда вошла къ ней Вѣра Алексѣевна съ очень озабоченнымъ видомъ.

— Вообразите, Софья Ивановна, сказала она: — наша Аксинья умерла!

— Неужели? съ удивленіемъ спросила та: — она, дни три назадъ, была у насъ,—не больше. Чѣмъ же она, бѣдная, была больна?

— Не знаю; прислали какого-то мальчика, лѣтъ тринадцати, просить — не дадимъ ли во что одѣть и похоронить... я и прибѣжала къ вамъ.

— Какъ не дать? пойдемте, я дамъ рубашку, и бѣлый капоть... Да какъ же это они не прислали сказать, что она занемогла.

— Мальчикъ рассказываетъ, что она и не хворала, что пили они чай, и вдругъ она покатила — и духъ вонъ.

Софья Ивановна вздохнула, и пошла къ себѣ въ уборную. Смерть всегда насъ озадачиваетъ, потому что мы почти никогда объ ней не думаемъ,—а когда человекъ не видимъ больнымъ, намъ и въ умъ не приходитъ, что онъ каждую минуту можетъ умереть.

Софья Ивановна собрала что было нужно, и прибавивъ денегъ, отдала все Вѣрѣ Алексѣевнѣ.

— Можно бы еще что нибудь сдѣлать для семейства,—сказала она съ участіемъ.

— Я тамъ велю разспросить, отвѣчала та, и поспѣшила внизъ къ посланному.

Между тѣмъ Софья Ивановна встрѣтила своихъ гостей, разговаривала съ ними, но мысль объ бѣдной Акинѣе ее преслѣдовала.

Жаль ей было эту женщину .. Цѣлую зиму она ходила къ нимъ постоянно, и вдругъ узнать, что уже ея нѣтъ въ живыхъ...

На другой день утромъ Вѣра Алексѣевна опять къ ней пришла.

— Софья Ивановна, сказала она, поѣдьте сами провѣдать семейство Акинѣи, хотите? Говорятъ, они всѣ такіе несчастные.

— Очень хочу, а гдѣ они живутъ?

— Въ трехъ верстахъ отъ города — тутъ есть слободка за монастыремъ. Прикажите заложить сани, погода славная. Поѣдьте вмѣстѣ.

— Поѣдьте, поѣдьте. Сказано и сдѣлано.

Черезъ полъ-часа послѣ этого разговора, закутанныя въ шубы и въ теплыхъ капорахъ, въ одиначку въ саняхъ наши молодыя дамы летѣли по туго утоптанной снѣжной дорогѣ, за городомъ, далеко за заставой. Морознымъ вѣтромъ ихъ такъ и осыпало.

Это было на второй недѣли поста — день былъ чудный, но еще вполне зимній. Солнце ослѣпительно освѣщало серебристую, безконечную поляну, по которой кое-гдѣ издали виднѣлись церкви, селенія, мельницы.

Розовый оттѣнокъ золотыхъ лучей лежалъ на небѣ и на снѣгу; по дорогѣ тянулись обозы, и красивая вороная лошадь Софьи Ивановны, покрытая пѣной, быстро мчалась мимо ихъ, подымая вокругъ

саней серебряную блестящую пыль. Наши путешественницы весело разговаривали, исчезая въ ея тонкихъ облакахъ. Зимній, красный день навѣвалъ на нихъ какую-то пріятную бодрость, отъ которой чувствуешь себя въ особенномъ расположеніи сдѣлать что нибудь доброе.

За монастыремъ дорога поворачиваетъ на право подъ гору.

Слободка, буквально, была занесена снѣгомъ, который высокими сугробами лежалъ наравнѣ съ крышами и воротами. Дорога была, впрочемъ, расчищена на столько, чтобы можно было проѣхать въ крестьянскихъ саняхъ. Но она все становилась уже и плотнѣе прижималась къ незатѣйнымъ, крошечнымъ избушкамъ.

— Дальше ѣхать нельзя, замѣтилъ кучеръ, обращаясь къ барынѣ.

— А вотъ мы спросимъ, гдѣ тутъ живетъ солдатка Ненилла, сказала Вѣра Алексѣевна, отстегивая полость.

Въ эту минуту изъ калитки вышелъ мужикъ и на ея спросъ, показалъ рукою въ самый край слободки.

Обѣ дамы вышли изъ саней и отправились пѣшкомъ по узенькой дорожкѣ между двухъ высокихъ снѣжныхъ стѣнъ. Поворотивъ еще вправо, онѣ подошли къ крошечной избѣ на курьихъ ножкахъ, которая, казалось, сейчасъ развалится: она стояла совсѣмъ на боку.

Дворъ былъ съ наперстокъ, огороженъ кое-какъ заборомъ. Онѣ вошли въ калитку, потомъ толкнулись въ стѣни, въ избѣ залаяла собаченка, низенькая дверь открылась и мальчикъ, лѣтъ шести, спросилъ, — хватаю

руками собаку, чтобы она не кидалась въ ноги прѣзжимъ:

— Вамъ кого?

— Нениллу, отвѣчала Софья Ивановна.

— Бабушка, тебя спрашиваютъ, продолжалъ мальчикъ, обращаясь къ женщинѣ лѣтъ шестидесяти, блѣдной и болѣзненной, лежавшей на сколоченныхъ доскахъ, противъ русской печи.

— Милости прошу, проговорила старушка: — не взывайте, сударыни, что не встаю: Богъ ноги взялъ, такъ ужь и выходитъ, что не моя вина. Вамъ что угодно?

Стоитъ описать какова была изба. Она была такъ мала, что когда наши дамы въ шубахъ въ нее вошли, то оказалось ужь и тѣсно; къ тому же ихъ такъ и обдало спертымъ, тяжелымъ воздухомъ, чтобъ не сказать еще гораздо хуже.

Русская печь занимала почти половину маленькой этой горницы. Въ лѣвомъ углу стоялъ жалкій, полуизломанный столъ. Около него сидѣла дѣвочка, желтая, какъ воскъ, лѣтъ десяти, слѣпая; она что-то вязала на толстыхъ спицахъ. Въ крошечное оконце, не больше какъ въ четверть аршина квадрата, въ эту минуту ярко свѣтило солнце и жалкое это жилище являлось во всей своей наготѣ и грустномъ безпорядкѣ. Тамъ и сямъ лежали и висѣли на стѣнахъ кое-какіе обноски въ лахмотьяхъ. На полу и грязь и соръ, на несчастныхъ лицахъ бабушки и внучки болѣзнь и страданіе. На всей обстановкѣ страшный отпечатокъ тупого невѣжества, грубости и нищеты.

Объ молодые дамы переглянулись, невольно пораженные удивленіемъ и жалостію.

Только мальчикъ и собачка не были въ гармоніи съ этой тяжелой картиной.

Мальчикъ прекрасной наружности, плотный, широкоплечій, черноглазый и курчавый, смотрѣлъ богатыремъ, а живая и бойкая сабака, прыгая около него и ласкаясь, составляла какой-то поразительный контрастъ со всемъ ея окружающимъ.

Противъ самаго окошечка, съ котораго вода ручьемъ бѣжала, видна была на лавкѣ только что оставленная кѣмъ-то работа. Тутъ лежали скроенные опойковые сапоги, шило, ремень и дратва.

— Чѣмъ же ты нездорова, милая, спросила съ участіемъ старушку Софья Ивановна.

— Вотъ уже слишкомъ годъ, какъ мои ноги парализемъ разбило, отвѣчала та.

— Ты мать приходишься покойницѣ Аксиньѣ?

— Мать родная, — сегодня третьи сутки, что ее сердечную схоронили. Не вы ли, матушки сударыни, и помогли? Не вы ли ей завсегда и милости оказывали?

— Мы вотъ приѣхали на васъ посмотрѣть, да раз-
узнать, чѣмъ и какъ вы живете? Вѣдь она была у
васъ главной работницей?

— Правда, правда, сударыня, она и Надежда.

— Кто же это Надежда?

— А моя вторая дочь.

— Гдѣ же она?

— Вотъ сей часъ вышла, пошла, никакъ, ножъ
поточить; вотъ ея и работа; теперь она только на-

шей кормилицей и осталась, — а все же насъ шесть душъ.

— Скажи, пожалуста, гдѣ же ваши хозяева-мужья?

— Да все померли. Мой первый умеръ, ужъ прошло годовъ съ пятнадцать. А тамъ померъ старшій зять, Аксиинья-то мужъ, а тамъ и Лукерья... Сударыня, вы не пугайтесь, а моя меньшая-то дочь Лукерья—вонъ тамъ на печкѣ сидитъ. Она послѣ мужа-то осталась на сносяхъ, — знаете, горе было тяжкое, да и труда не приведи Господи!—Родила она въ самую зимнюю пору, и родила, знаете, благополучно, да послѣ-то, ужъ Богъ знаетъ отъ чего, — можетъ, отъ холода, — у насъ въ избенкѣ даже вода мерзла — и угаръ былъ страшный, только она очень тяжело была больна, — а тамъ все хуже да хуже, и теперь совсѣмъ съ ума сошла: ничего-таки не разумѣетъ, все съ себя рветъ и мечетъ, — и не моется, и волосъ никогда не расчесываетъ.... Вонъ она.

Обѣ дамы взглянули на печку и увидѣли самое жуткое созданіе, какое только можетъ прийтись въ бреду разстроеннаго воображенія.

Блѣдная, какъ смерть, растрепанная, въ самыхъ отвратительныхъ лахмотьяхъ, женщина, еще молодая, сидѣла скорчившись, прижимаясь головой къ колѣнкамъ. Безсмысленные черные глаза блуждали безъ цѣли и сей часъ было видно, что въ нихъ не свѣтится болѣе разумъ Божій! Она была точно какой-то дикой звѣрь, да еще безумный и злой.

— *Misère humaine!* сказала шопотомъ Софья Ивановна.

— Вы не беспокойтесь, она ничего ни понимаетъ и по русски, да и не говорить, сказала мать, — даже сыночка своего не признаетъ, — а парнишка вонъ ужь какой становится большинькой, продолжала солдатка, указывая на прекраснаго ребенка, который, обнявъ собачку, ласкалъ ее и цѣловалъ.

— Ахъ, Боже мой, ее бы надо полечить, съ глубокимъ участіемъ замѣтила Вѣра Алексѣевна.

— Ужь какое тутъ леченье! сударыня, продолжала равнодушно Ненилла, какъ будто материнское чувство въ ней притупѣло, — вотъ пятый годъ, что она такая.

— Все же лучше бы ее отдать въ больницу — вѣдь она никакой пользы принести вамъ не можетъ, а забота съ ней большая....

— Чего ужь, продолжала старушка: — въ иной часъ, особенно въ новолуніе, такая бываетъ сердитая, что не приведи Господи. Мы только затѣмъ и смотримъ, чтобы она тогда кого изъ дѣтей не уходила. Она, по правдѣ сказать, никогда съ печки не сходитъ, когда смирна; ее и силой не стащить, ну, а за то, какъ найдетъ часъ — просто страсти!

— Хочешь, я похлопочу, чтобы ее куда нибудь въ больницу помѣстили? спросила Софья Ивановна.

— Оно бы, конечно, было хорошо, только боязно. — Скажу вамъ, сударыня, продолжала съ разстановками старушка: — мы какъ остались безъ мушницъ — такъ ужь и не захотѣли жить въ Олонецкой-то губерніи и ушли сюда тайкомъ.

— Какъ тайкомъ?

— А такъ, просто, понакопили кое какія-деньжонки, и никому не сказывая ни одного слова — ночью собрались и ушли.

— Зачѣмъ же тайкомъ?

— Боялись, что начальство не пустить. Все же здѣсь моя родина—я въ этой самой слободкѣ родилась.

— Когда же вы здѣсь поселились?

— А вотъ, въ самое Успенье минетъ ровно три года.

— И весь этотъ длинный путь, изъ Олонецкой губерніи, неужели вы прошли пѣшкомъ?

— Что же? мы вѣдь съ роздыхомъ шли.

— Ну, а кто эта дѣвочка? спросила Вѣра Алексѣевна.

— Моя внучка, покойной Аксины дочь, и еще есть у ней братъ; онъ вотъ у нашего калачника на хлѣбахъ. Около монастыря съ калачами, знаете, сидитъ, и мальчикъ умный, расторопный... Калачникъ ему слѣпо вѣрить; ну, а намъ и ладно — все же однимъ меньше, съ хлѣба долой.

— Да развѣ вы ничего изъ казны не получаете?

— Паякъ шелъ въ Олонецкой губерніи; точно, что получали, да скучно тамъ было; все же чужая сторона. Богъ съ нимъ и съ пайкомъ.

— Дѣвочка вѣрно худо у васъ видитъ, у нея никакъ глаза болятъ?

— Послѣ оспы осталась слѣпота, отвѣчала равнодушно Ненилла: — Она ничего не видитъ.

— Господи, сколько горя въ этой избушкѣ, подумала Софья Ивановна, не сводя глазъ съ бѣдной дѣвочки, которая вязала свои толстые шерстяные чулки какъ-то машинально, и по видимому не принимала ни малѣйшаго участія въ разговорѣ присутствующихъ. Потомъ Софья Ивановна задумчиво смотрѣла на изнеможенную старушку, лежащую безъ движенія ногъ и съ сильной одышкой, потомъ невольно подымала взгляды на еще болѣе несчастную, жалкую Лукерью. И припоминая, что тому только три дни тутъ еще стоялъ гробъ бѣдной страдальницы Аксиньи, у нея крѣпко сердце сжималось и любовь къ ближнему живо его шевелила, внушая непреодолимое желаніе помочь, утѣшить, успокоить.

— Чѣмъ же вы живете, скажите, Бога ради? спросила Софья Ивановна.

— А вотъ покойница Аксинья, да Надежда башмаки и сапоги шили—ну, а теперь ужъ и не знаемъ—какъ Богъ дастъ.

Обѣ молодыя женщины были глубоко тронуты—онѣ отдали сколько имѣли денегъ и хотѣли было уѣхать, чтобы не слышать всѣхъ выраженій благодарности за милостину, которая была такъ ничтожна передъ нищетою, страданіями и болѣзнями всей этой несчастной семьи, какъ дверь вдругъ отворилась и вошла Неждада.

Она была лѣтъ тридцати пяти женщина, розовая, здоровая и крѣпкая. Можно было только подивиться, какъ уцѣлѣла эта свѣжесть послѣ всего, что она должна была вынести въ этой трудной жизни, въ зара-

женной лухотѣ, которую она дышала въ полуразвалившейся ихъ бѣдной избушкѣ.

Она не находила словъ, чтобы выразить свою благодарность нашимъ молодымъ дамамъ.

— Ты такъ же мужа схоронила? спросила у нея Софья Ивановна.

— Я никогда замужемъ не была. Слава Богу.

— И теперь кермишь чужую семью?

— Какъ чужую? Материнскую: я, благодаря Бога, съ руками прокормить прокормлю, а все же не легко, говорила она со вздохомъ.

Когда мать ей сказала, что поспѣвательницы обѣщаютъ похлопотать, чтобы Лукерью куда нибудь въ лечебницу пристроить, она отвѣчала:

— Только бы въ такое мѣстечко, гдѣ бы ее не били. А то жаль, — ничего-таки не разумѣеть, хуже малаго ребенка... Все же она намъ родная, ее жалѣть и Богъ велитъ.

— Да ужъ постараемся, что бы ей было тамъ хорошо, иначе и хлопотать не стоитъ, сказала Вѣра Алексѣевна.

Распростившись съ жалкимъ этимъ семействомъ, обѣ молодыя дамы пошли садиться въ сани, пробираясь одна за другой по узенькой дорожкѣ.

Надежда и Оединька ихъ провожали, наутствуя благословеніями и молитвами.

Онѣ сѣли въ сани и уѣхали.

Погода была такая же прекрасная, солнце такъ же весело разсыпало по безоблачному небу золотые

лучи, снѣгъ вился такими же серебристыми клубами, но и той и другой было грустно.

Подъ вліяніемъ видѣнной ими жизни цѣлаго семейства Нениллы, онѣ обѣ молчали, какъ будто не рѣшаясь начать тяжкаго разговора. Въ первый, можетъ быть, еще разъ болѣзнь и нищета, во всей ихъ жалкой паготѣ, явились передъ ними, не въ краснорѣчивомъ описаніи какого нибудь выдуманнаго романа, а въ живой дѣйствительности, онѣ ихъ видѣли своими глазами, онѣ ихъ чувствовали собственнымъ христіанскимъ состраданіемъ!

Когда сани остановились у подъѣзда и первая выпрыгнула изъ нихъ Софья Ивановна, она поспѣшила сказать ласковымъ голосомъ: — приходите ко мнѣ на верхъ кофе пить; мы обѣ озябли, да и потолковать надо, чтобы предпринять для нихъ, бѣдныхъ?

— Сейчасъ прибѣгу, отвѣчала та, только загляну на дѣтей.

Минуть черезъ десять, когда Вѣра Алексѣевна вошла въ красненькую комнату, то застала Софью Ивановну сидящую за кофеемъ, въ живомъ разговорѣ съ мужемъ, которому она съ увлеченіемъ описывала все положеніе бѣдной Нениллы. Онѣ тотчасъ же взялся устроить, что только возможно для успокоенія ея несчастнаго семейства.

— Меня мучаетъ совѣсть, сказала Вѣра Алексѣевна, покачивая головой съ грустнымъ выраженіемъ лица. Какъ, цѣлую зиму Аксинья ко мнѣ ходила, и во мнѣ догадки не было подробнѣе разспросить, разузнать, какъ онѣ, бѣдныя, тамъ живутъ?

— Вообразите, эта самая мысль мучаетъ и меня отвѣчала Софья Ивановна:— я гляжу кругомъ себя, и по неволѣ спрашиваю, за что же около меня это довольство, этотъ покой, это веселье, за что я и здорова и беззаботна, когда столько людей страдаютъ отъ нужды и болѣзней?

— Тебѣ Богъ далъ больше другой, чтобы было чѣмъ и подѣлиться, отвѣчалъ съ веселою улыбкой мужъ. Только не надо забывать, что есть на свѣтѣ много бѣдныхъ.

— Это правда, объ этомъ надо чаще думать! Я ужь слишкомъ закружилась въ неумныхъ удовольствіяхъ, чувствую это сама. Знаешь что,— продолжала Софья Ивановна, по минутномъ молчаніи:— назначимъ одинъ день въ недѣлю для полезныхъ занятій. Какъ ты думаешь, милой другъ, обратилась она къ мужу, если бы мы, дамы, согласились взять на свое попеченіе нѣсколько семействъ?... По утрамъ можно было бы ихъ объѣзжать, чтобы видѣть какъ кто живетъ, какія у кого нужды, и по вечерамъ собираться вмѣстѣ и работать для бѣдныхъ, шить бѣлье, платья, вязать чулки, теплые косынки, шарфы.

— Что же, отвѣчалъ онъ, это было бы хорошее дѣло. Мало ли мы убиваемъ время на пустяки! почему же и бѣдными не заняться, какъ должно, разумно, съ серьезнымъ взглядомъ на это христіанское дѣло. Устройвай, Соня, я иду къ тебѣ въ секретари, и начинаю съ Лукерьи. Надо, первое, ее пристроить.

— Миѣ работать нѣкогда, замѣтила шутя Вѣра Алексѣевна:— я своихъ бѣдныхъ, кровныхъ (говоря про

дѣтей) обшиваю, а все-таки, прошу и меня принять въ участницы добраго дѣла. Я буду отыскивать бѣднѣйшія семейства—вѣдь надо же пользоваться воздухомъ, я же всегда сама съ дѣтьми гуляю.

— И очень хорошо, у всякаго своя будетъ обязанность, продолжала весело Софья Ивановна.

Дней пять послѣ этого разговора задуманное дѣло кипѣло дѣятельностію добрыхъ людей.

Со всѣхъ сторонъ посылались къ Софьѣ Ивановнѣ деньги и ситецъ, и бѣлье.

Надо замѣтить, что вообще людей добрыхъ вездѣ много и что если добро не такъ успѣшно идетъ, какъ бы слѣдовало, такъ это потому, что во всякомъ дѣлѣ нужны предприимчивые передовые, вожатые и что этихъ-то именно дѣятелей у насъ въ Россіи еще мало. Софья Ивановна, сама того не воображая, вдругъ стала въ главѣ новаго и благого предпріятія и дѣло тотъ часъ же пошло на ладъ.

Общество посѣщенія бѣдныхъ, безъ особеннаго названія, безъ канцелярскихъ расходовъ и официальныхъ затѣй, шло такъ успѣшно, что къ празднику Пасхи пятнадцать семействъ были надѣлены и платьемъ и бѣльемъ, и деньгами и куличами, однимъ словомъ, истинная, разумная благотворительность, удѣляя частицу своихъ излишковъ людямъ бѣднымъ и немощнымъ, вмѣстѣ съ этимъ создала для столь добрыхъ женщинъ отрадное препровожденіе времени и полезныя занятія, что цѣлые вечера проходили въ веселомъ шумномъ обществѣ, а работа все прибавлялась и цѣлые ящики наполнялись разными необхо-

димыми вещами для вседневнаго употребленія больныхъ и нищихъ.

Въ страстную пятницу, Софья Ивановна и Вѣра Алексѣевна поѣхали къ солдаткѣ Нениллѣ, чтобы и ее къ празднику кое-чѣмъ надѣлать. Зимній путь былъ уже на исходѣ, солнце сильно пригрѣвало, снѣгъ таялъ, вездѣ стояли большія лужи, но молодыя барыни не стѣснялись дурною дорогою, ѣхали, весело разговаривая и очутились въ слободкѣ прежде, чѣмъ замѣтили это сами.

У Нениллы ихъ встрѣтили благословенія. Лукерья была уже въ больницѣ, въ избѣ было и просторнѣе, и воздухъ былъ чище. Дѣти, порядочно одѣтые, какъ-то весело глядѣли, а сама старушка, цѣлуя руки у своихъ посѣтительницъ, поспѣшила имъ сказать:

— Ужь какое вамъ спасибо, матушки, родныя, много, много вы намъ сдѣлали добра!

Съ этими словами она залилась слезами.

— О чемъ же ты плачешь? спросила ее Вѣра Алексѣевна.

— Сударыня, боюсь выговорить, чтобы васъ не прогнѣвать.

— Что же такое, говори смѣло, не бойся!

Хотѣлось бы знать, какъ она тамъ въ больницѣ поживаетъ? моя Лукерья-то?

— Да ты послала бы къ ней Недежду.

— Не смѣемъ, матушка, ну, какъ не пустять.

— Все бы попытаться можно... отъ чего, кажется, не пустить.

— А я сегодня всю ночь промучилась, продолжала старушка:—все ее видѣла во снѣ, и все-то она кричала, да плакала, и за меня хваталась!

— А что, съ трудомъ ее отсюда увезли?

— И не приведи Господи! Два служивые ее держали, пока фершалт одѣвалъ: а она, просто, благимъ матомъ кричала. Въ каретѣ, матушка, повезли.

— Хочешь, мы къ ней сейчасъ съѣздимъ и завтра же даставимъ тебѣ живую вѣсточку? спросила Софья Ивановна съ веселой улыбкой. Я никогда въ городской больницѣ не бывала. Это даже очень интересно.

— Матушка, сколько милостей! Ужь будто, ты такъ сама и поѣдешь?

— А почему же и нѣтъ?

— Помилуй тебя Богъ. Пошли Онъ всего тебѣ лучшаго продолжала старушка и крестилась.

— Покуда вотъ это все вамъ къ празднику, возьмите, сказала Вѣра Алексѣевна, развязывая узелъ.

Много чего было привезено, даже для ребятъ яйца крашенныя, и тѣ не забыли.

— Только вы, пожалуста, избу вымойте, продолжала Софья Ивановна.

— У насъ ужъ и вода на то грѣется, отвѣчала Надежда. Все будетъ чисто, теперь въ избѣ такой просторъ. Анисью Богъ взялъ, а Лукерья въ больницѣ.

— Надо бы только, чтобы ваши мальчики, то есть, хотя бы старшій, Вася, учился грамотѣ.

— Опъ и то матушка у дьячка выпросилъ азбуку. Самъ собою учится. Никто его не принуждалъ.

— Это дѣло.

Разбирая вещи, Ненилла и Надежда приходили въ совершенный восторгъ, и надо сознаться, мало мы думаемъ объ истинныхъ радостяхъ людей бѣдныхъ, когда бросаемъ столько денегъ на совершенно бесполезныя вещи.

Вообще, глядя на обстановку этой жалкой избушки, наши молодые барыни могли почувствовать нѣкоторое услажденіе. Ихъ попеченіями, нищета въ ней далеко не такъ была страшна, не такъ была грустна и ужасна! Не надо забывать, что пересоздать весь бытъ женщины лѣтъ Нениллы, невозможно, тогда какъ усладить этотъ бытъ, облегчить тягость его нуждъ и лишеній, направить его къ лучшему, лучшая обязанность людей богатыхъ, образованныхъ и воспитанныхъ.

Подать милостину, — такъ ничтожно, — такъ мелко передъ великимъ дѣломъ сдѣлать истинное добро, съ христіанскою любовью, — и счастливъ тотъ человѣкъ, который пойметъ это на дѣлѣ.

Софья Ивановна съ каждымъ днемъ находила болѣе наслажденія въ своихъ заботахъ о бѣдныхъ; ея душа прививалась къ этимъ работамъ съ свойственнымъ ея живому характеру увлеченіемъ. Она нашла, что тутъ дѣло идетъ объ высшихъ нашихъ радостяхъ — объ радостяхъ, передъ которыми такъ блѣднѣютъ и даже исчезаютъ все свѣтскія удовольствія. — Поэтому, когда, разпростившись съ семействомъ Нениллы, дамы сѣли въ сани, она сказала рѣшительно кучеру:

— Ступай въ городскую больницу.

— Неужели вы рѣшаетесь идти сами въ больницу? спросила Вѣра Алексѣевна.

— А почему же нѣтъ? А вы не хотите?

— Куда вы, туда и я.

— Вотъ и прекрасно. Поѣдемте; право, это очень любопытно. И мнѣ хочется посмотрѣть, какъ содержать всѣхъ этихъ несчастныхъ.

Онѣ подъѣхали къ крыльцу, вышли изъ саней и по лѣстницѣ отправились на верхъ. Солдатъ ихъ встрѣтилъ и онъ же ихъ повелъ далѣе,

Больныхъ было пропасть. Воздухъ былъ очень тяжелый, не смотря на то, что все содержалось довольно чисто и порядочно.

Наши дамы проходили по палатамъ и надписи страшныхъ прилипчивыхъ болѣзней надъ дверьми невольно привели ихъ въ какое-то смущеніе.

— *Où nous sommes nous engagées*, спросила съ робостью Софья Ивановна свою подругу.

Ne reculons pas devant une bonne action, allons jusqu'au bout, отвѣчала Вѣра Алексѣевна.

— Далеко ли еще до женскихъ палатъ? спросила Софья Ивановна солдата.

— А вотъ, сейчасъ.

Онъ прошелъ еще цѣлыхъ три длинныхъ горницы и остановился въ четвертой.

— Вонъ тамъ, сумасшедшая солдатка, сказалъ онъ, указывая въ конецъ.

Онѣ пошли далѣе и увидѣли, что Лукерья—чисто одѣтая въ халатъ, съ опрятно расчесанными волосами,

и повязанная платкомъ, сидѣла на деревянномъ ставчикѣ—и хотя и безмысленно смотрѣла, но не казалась ни сердитой, ни запуганной.

Наши дамы стали ей говорить объ матери, о Оедѣ, она улыбалась, ничего не понимая, но не смотря на это, и въ ея положеніи можно было замѣтить перемѣну къ лучшему. Она меньше была похожа на дикаго звѣря.

— Она смирна? спросила Вѣра Алексѣевна сидѣлку.

— Ничего, смирна, только нѣмая, даже пить попросить и то не можетъ, вотъ все такъ сидитъ.

— Ты ее поберегай, пожалуйста, продолжала убѣдительно-нѣжнымъ голосомъ Софья Ивановна, гозорять у нея бываютъ какіе-то припадки, въ самое новолуніе — такъ, ради Бога, походи за нею, вотъ я тебѣ за это кое-что подарю, да и впередъ буду платить. По ней сокрушается ея мать, а сама она безъ ногъ, такъ что и навѣстить ее не можетъ.

Сидѣлка очень благодарила, низко кланялась и принимала деньги Софьи Ивановны съ замѣтнымъ удивленіемъ, что доказывало что, ей, бѣдной, онѣ были въ диковинку.

Разговаривая съ сидѣлкой, молодыя дамы поглядывали на больныхъ женщинъ, и это жилище скорби и болѣзни должно было произвести на нихъ грустное и тяжелое впечатлѣніе. Видѣть одного человѣка трудно-больного и то не легко, а какого же ихъ видѣть двадцать въ одной комнатѣ!..

Уѣзжая домой, Вѣра Алексѣевна, замѣтивъ блѣдность лица Софьи Ивановны, сказала:

— Васъ этотъ визитъ разстроилъ.

— Нѣтъ, отвѣчала та, но признаюсь, мнѣ очень тяжело. Бѣдное человѣчество! Сколько здѣсь страданій!

— Какое еще благополучіе, что есть больницы, продолжала Вѣра Алексѣевна.

— Конечно, великое благополучіе — бѣднымъ всѣмъ этимъ людямъ, большею частію, некуда было бы голову приклонить! Какъ хорошо, что мы заѣхали сюда сами! Я даже рада, что пострадала съ ними добровольно. Это такъ и должно быть. Не все же, въ самомъ дѣлѣ, съ людьми только веселиться?

Молодая женщина была права. Долгъ нашъ, долгъ всѣхъ людей вообще — жить другъ для друга, облегчать немощи одинъ другому, помогать по силамъ, словомъ, дѣломъ и любовью — и тогда только цѣль нашей жизни въ точности будетъ достигнута и мы не закружимся въ житейской суетѣ.

М. РОСТОВСКАЯ.

ВЪГЛЕЦЪ.

(разсказъ Одюбона.)

Никогда не забуду я впечатлѣнія, произведеннаго на меня одною встрѣчею, которую я опишу въ этой статьѣ, и я не сомнѣваюсь, что разсказъ мой возбудитъ въ душѣ читателя самыя разнородныя ощущенія.

Дѣло было послѣ полудня, въ одинъ изъ самыхъ душныхъ дней, когда атмосфера въ болотахъ Луизианы наполняется самыми вредными испареніями. Становилось поздно и я возвращался домой, согнувшись подъ тяжестью пяти или шести лѣсныхъ ибисовъ и моего ружья, замедлявшаго мою походку даже и въ ту пору, когда силы мои были въ полномъ цвѣтѣ.

Я пришелъ къ берегу одного залива, который имѣлъ только нѣсколько шаговъ въ ширину, но вода въ немъ была такъ мутна, что я не могъ различить его глубины и потому не отважился войти въ него съ моею ношею. Вслѣдствіе этого я перекинулъ моихъ большихъ птицъ на другой берегъ, одну

за другой, потомъ отправилъ такимъ же путемъ ружье, пороховницу и сумку, и взявъ въ руки охотничій ножъ, чтобы защититься при случаѣ отъ нападенія аллигаторовъ, вошелъ въ воду въ сопровожденіи моей вѣрной собаки. Я шелъ медленно и осторожно, собака плыла возлѣ меня, и утомясь отъ жара, наслаждалась свѣжестью воды. Между тѣмъ вода все дѣлалась глубже и мутнѣе, я удвоилъ осторожность и наконецъ достигъ берега. Едва успѣлъ я стать твердо на ноги какъ собака подбѣжала ко мнѣ, выказывая явные признаки ужаса. Глаза ея, казалось, хотѣли выскочить, она оскаливала зубы съ выраженіемъ ненависти и глухо рычала. Я подумалъ, что это происходило отъ того, что она напала на слѣдъ медвѣдя или волка, и уже держалъ на готовѣ ружье, какъ вдругъ услышалъ громкій голосъ, закричавшій мнѣ: «стой, или убью!» Подобный окликъ среди этихъ лѣсовъ могъ изумить хоть кого. Однимъ движеніемъ я приподнял и зарядилъ мое ружье. Я не видалъ еще того, кто мнѣ издалъ такой рѣшительный приказъ, но приготовился оспаривать у него свободный проходъ по нашей свободной землѣ.

Вдругъ высокій негръ, крѣпкаго сложенія, выскочилъ изъ густого кустарника, гдѣ онъ скрывался до тѣхъ поръ, и усиливая свой громкій голосъ, повторилъ мнѣ свое страшное приказаніе. Мнѣ стоило спустить курокъ и его бы не стало; но замѣтивъ, что оружіе, направленное имъ на меня, было весьма плохое ружье, которое никогда и не могло бы выстрѣлить, я нисколько не испугался его угрозъ и не счелъ вужнымъ при-

бѣгнуть къ отчаяннымъ мѣрамъ. Я опустилъ ружье, сдѣлалъ собакѣ знакъ, чтобы она лежала смирно и спросилъ у этого человѣка, чего онъ хочетъ отъ меня. Моя умѣренность и привычка несчастнаго къ повиновенію произвели свое дѣйствіе.

«Я *блгый*, сказалъ онъ мнѣ; можетъ быть, мнѣ удалось бы убить васъ, но Боже сохрани меня отъ этого! Мнѣ кажется, что я слышу въ эту минуту Его приговоръ за такое преступленіе. Теперь я самъ умоляю васъ сжалиться надо мною; ради самаго неба, не убивайте меня!»

«А зачѣмъ, спросилъ я, убѣжали вы изъ вашего жилища, гдѣ конечно вамъ было бы покойнѣе, чѣмъ въ этихъ ужасныхъ болотахъ?»—«Ахъ! отвѣчалъ онъ, исторія моя коротка, но очень печальна. Убѣжище мое педалеко отсюда и такъ какъ я знаю, что вамъ сегодня не поспѣть домой, то даю вамъ честное слово, что если вы согласитесь послѣдовать за мною, то проведете ночь въ совершенной безопасности, а завтра утромъ, если позволите, я самъ выведу васъ на вашу дорогу и донесу вашихъ птицъ.»

Большіе и умные глаза негра, его открытыя и вѣжливыя манеры, тонъ его голоса, — все убѣждало меня согласиться на его предложеніе, и такъ какъ я считалъ себя по крайней мѣрѣ равной съ нимъ силы, да имѣлъ къ тому же собаку, то и отвѣчалъ ему, что *пожалуй, я пойду за нимъ*.

Онъ замѣтилъ торжественность, съ которою я произнесъ эти послѣднія слова, и казалось такъ хорошо понималъ ихъ смыслъ, что оборотившись ко мнѣ ска-

заль: «вотъ возьмите мой ножъ, а кремень и порохъ я самъ кину, глядите!»

Читатель, я былъ пристыженъ! Это было уже слишкомъ: я отказался взять его ножъ и сказалъ ему, чтобы онъ оставилъ ружье въ порядкѣ на случай встрѣчи съ медвѣдемъ или кугуаромъ.

Великодушіе встрѣчается вездѣ. Самый великій монархъ признаетъ его власть и всѣ вокругъ него, начиная съ скромныхъ служителей до гордыхъ вельможъ, окружающихъ его тронъ, испытываютъ въ извѣстныя минуты всю силу этого чувства.

Я радушно протянулъ бѣглецу руку. «Спасибо» сказалъ онъ мнѣ, и пожалъ еѣ такъ, что доказалъ не только доброту своего сердца, но и силу своей руки. Съ этой минуты мы спокойно продолжали нашъ путь черезъ лѣса. Собака моя нѣсколько разъ принималась обнюхивать его, но слыша, что я разговаривалъ съ нимъ обыкновеннымъ тономъ моего голоса, оставила насъ и бѣжала не подалеку, быстро возвращаясь на зовъ.

Слѣдуя за негромъ, я замѣтилъ, что онъ велъ меня по направленію заходящаго солнца, совершенно въ противную сторону отъ моего жилища. Я сказалъ ему объ этомъ: «это дѣлается для нашей безопасности», отвѣчалъ онъ просто.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ утомительной ходьбы, вовремя которой мы должны были переходить нѣсколько небольшихъ рѣчекъ, на берегу которыхъ онъ постоянно останавливался, перекидывалъ на другой берегъ ружье и ножъ, и дожидался, чтобы я перешелъ первый, —

мы пришли къ границѣ огромнаго поля, засѣяннаго сахарнымъ тростникомъ, гдѣ я много разъ охотился за ланями. Мы вошли въ него и пробирались, какъ я это дѣлалъ и прежде, то стоя, то на четверенькахъ; онъ шелъ постоянно впереди меня, раздвигая переплетенные стебли, и всякій разъ, какъ намъ попадался на пути пень какого нибудь дерева, онъ заботливо помогаль мнѣ перейти черезъ него. По его знакомству съ лѣсами я убѣдился, что имѣлъ дѣло съ настоящимъ Индѣйцемъ, ибо онъ шелъ также прямо и вѣрно, какъ любой изъ краснокожихъ, съ которыми мнѣ когда нибудь приходилось путешествовать.

Вдругъ онъ испустилъ громкій и пронзительный крикъ, довольно похожій на крикъ совы; я до того былъ изумленъ этимъ, что тотчасъ же приподнялъ ружье.

«Не бойтесь, сказалъ онъ мнѣ, я даю знать о моемъ возвращеніи женѣ и дѣтямъ.»

Такой же крикъ, но болѣе слабый и дрожащій, долетѣлъ до насъ изъ за-дереьевъ. Губы бѣглеца раскрылись съ выраженіемъ радости и любви; блестящій рядъ его зубовъ казался улыбался сквозь тьму, которая окружала насъ.

«Хотя жена моя и черная, сказалъ онъ мнѣ, но она также хороша на мои глаза, какъ и жена президента на его глаза; это моя царица, а на дѣтей своихъ я смотрю, какъ на принцевъ. Но вотъ вы увидите ихъ, потому что, благодаря Бога, они не далеко.»

На самой серединѣ поля я увидѣлъ настоящій лагерь. Небольшой огонь былъ разложенъ и на раскаленныхъ угольяхъ поджаривалось нѣсколько ломтей дичи. Мальчикъ лѣтъ девяти или десяти сдувалъ золу, прикрывавшую картофель, который имѣлъ весьма аппетитный видъ. Разныя принадлежности хозяйства были заботливо разставлены вокругъ, а большой коверъ изъ медвѣжьихъ шкуръ, казалось, служилъ постелью всему семейству.

Жена не поднимала на меня глазъ, а дѣти, которыхъ было трое, забились въ уголь, точно пойманные молодые ракуны. Но бѣглець, болѣе смѣлый и казавшійся совершенно счастливымъ, успокоилъ ихъ и они сочли меня посланнымъ самимъ Провидѣніемъ, чтобы успокоить ихъ отъ всѣхъ тревогъ. Они взяли мое платье и развѣсили его сушить; негръ спросилъ у меня не хочу ли я, чтобы онъ вычистилъ мое ружье, я согласился; въ это время жена отрѣзала большой ломоть дичи для моей собаки, которую дѣти уже принялись ласкать.

Читатель, подумайте о моемъ положеніи. Я находился по крайней мѣрѣ за десять миль отъ своего жилища, въ лагерь бѣглыхъ невольниковъ и совершенно въ ихъ власти. Глаза мои невольно слѣдили за всѣми ихъ движеніями, но когда я замѣтилъ въ нихъ сильное желаніе приобрести во мнѣ друга, то недовѣрчивость моя успокоилась мало по малу и я наконецъ отбросилъ въ сторону всѣ подозрѣнія.

Дичь и картофель имѣли весьма соблазнительный видъ, а въ моемъ настоящемъ положеніи, я былъ рас-

положенъ найти превосходнымъ гораздо скромнѣйшій ужинъ. По этому, когда они пригласили меня раздѣлить ихъ трапезу, я съ удовольствіемъ согласился на это.

Послѣ ужина огонь погасили и зажгли небольшую еловую шишку, которую поставили въ продолбленную тыкву. Я замѣтилъ, что мужу и женѣ очень хотѣлось сообщить мнѣ что-то; я самъ, успокоившись отъ всѣхъ опасеній, желалъ, чтобы они открыли мнѣ свою тайну.

Наконецъ бѣглець разсказалъ мнѣ исторію слѣдующаго содержанія. Мѣсяцевъ около восьми тому назадъ, одинъ изъ окружныхъ сосѣднихъ плантаторовъ, испытавъ большія денежные потери, былъ принужденъ продать своихъ невольниковъ съ молотка. Стоимость его негровъ была неизвѣстна, такъ что въ некоторыхъ изъ нихъ соединили въ одинъ кушъ, а другихъ распредѣлили по одному, соображаясь съ выгодами ихъ владѣльца. Бѣглець, который считался самымъ цѣннымъ изъ всѣхъ негровъ, былъ проданъ одинъ и за очень дорогую цѣну. Что же касается до жены, то она велѣдъ за нимъ была продана, тоже отдѣльно, за восемьсотъ долларовъ, которые были отсчитаны безъ торгу. Потомъ очередь дошла до дѣтей, которыхъ тоже продали очень дорого. Остальные невольники были также распроданы, смотря по ихъ стоимости.

Бѣглець достался управляющему плантаціею; жена же была куплена однимъ господиномъ, жившимъ за сто миль оттуда; дѣти попались въ разныя руки. Сердце мужа и отца не вынесло такого тяжкаго не-

счастія. Въ глубокомъ отчаяніи прослужилъ онъ нѣсколько времени своему новому господину, но запомнивъ имена различныхъ лицъ, которыя раскупили по частямъ его дорогое семейство, онъ притворился больнымъ—если только можно назвать притворнымъ страшное положеніе человѣка, всѣ привязанности котораго были разорваны такимъ жестокимъ образомъ, и въ продолженіи нѣсколькихъ дней отказывался отъ пищи къ вѣщшему неудовольствію управляющаго, который такимъ образомъ обманулъ въ ожидаемомъ барышѣ отъ покупки.

Въ одну бурную ночь бѣдный негръ убѣжалъ. Онъ въ совершенствѣ былъ знакомъ съ окружающими болотами и прямо направился къ тому мѣсту, гдѣ я нашелъ его убѣжище. Въ одну изъ послѣдовавшихъ ночей, онъ добрался до той плантаціи, гдѣ находилась его жена, а въ послѣдующую ночь увелъ её. Послѣ этого ему удалось украсть одинъ за другимъ всѣхъ своихъ дѣтей и такимъ образомъ соединить подъ свое покровительство всѣхъ, кто былъ дорогъ его сердцу.

Забота прокормленія пяти человѣкъ была дѣломъ труднымъ въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ; тѣмъ болѣе, что при первомъ извѣстіи объ удивительномъ исчезновеніи этого необыкновеннаго семейства, оно было окружено и безостановочно преслѣдуемо со всѣхъ сторонъ. Нужда, говорятъ, выгоняетъ волка изъ лѣса. Вѣглецъ каждую ночь отправлялся на плантацію своего перваго господина, гдѣ съ нимъ обходились всегда очень хорошо. Служители дома всѣ знали его и помогали ему всѣми мѣрами, какія были только въ ихъ

рукахъ, и каждое утро онъ возвращался въ свое убѣжище съ богатымъ запасомъ пищи.

Однажды, когда онъ собиралъ дикіе плоды, онъ нашелъ убитого медвѣдя и возлѣ него ружье, которое съ намѣреніемъ положили тутъ же рядомъ. Онъ поднялъ ружье и добычу, и отнесъ къ себѣ. Друзья его постарались доставить ему пороху и по сумрачнымъ и сырымъ днямъ онъ отваживался на охоту за дичью, сначала вокругъ убѣжища, а потомъ ободрившись мало по малу распространилъ кругъ своихъ дѣйствій.

Въ одну изъ подобныхъ прогулокъ я встрѣтился съ нимъ. Онъ увѣрялъ меня, что шумъ, произведенный мною при переходѣ черезъ заливъ помѣшалъ ему убить великолѣпнаго оленя. Правда, прибавилъ онъ, что моя старая винтовка часто осѣкается.

Бѣглецы, повѣривъ мнѣ свою тайну, приподнялись оба съ мѣста и съ глазами, полными слезъ, сказали мнѣ рыдая: «добрый господинъ, ради самаго Бога, помогите намъ и нашимъ дѣтямъ.»

Бѣдныя малютки въ продолженіи всего разказа спали крѣпкимъ сномъ невинности.

Кто бы могъ услышать подобный разказъ безъ умиленія? Отъ всего сердца обѣщаль я помочь имъ, какъ только могу. Оба они провели ночь безъ сна, охраняя мое спокойствіе, а я проспалъ всю ночь рядомъ съ ихъ крошками, какъ на самой мягкой постели.

Слѣдующій день былъ такъ хорошъ, свѣтелъ и веселъ, что я сказалъ, что само небо улыбается имъ, въ знакъ надежды и что я не сомнѣваюсь испросить имъ полнѣйшее прощеніе. Я посовѣтывалъ имъ взять

дѣтей съ собою и обѣщаль идти вмѣстѣ съ ними на плантацію ихъ перваго господина. Они съ поспѣшностью повиновались. Ибисовъ моихъ мы повѣсили вокругъ нашего лагеря, какъ воспоминаніе о ночи, которую я въ немъ провелъ. Я вырубилъ значки на многихъ деревьяхъ и за тѣмъ простился, можетъ быть на всегда, съ этимъ полемъ сахарнаго тростника.

Вскорѣ мы добрались до плантаціи. Владѣлецъ ея, съ которымъ я былъ очень хорошо знакомъ, встрѣтилъ меня съ тѣмъ радушіемъ, которое отличаетъ плантаторовъ Луизіаны. Не прошло и часу какъ бѣглецъ и его семейство были снова водворены на своемъ прежнемъ мѣстѣ жительства; немного времени спустя онъ выкупилъ ихъ отъ новаго владѣльца и обращался съ ними съ такою же добротою, какъ и прежде.

Они снова могли быть счастливы и спокойно продолжать любить другъ друга съ тою нѣжностью, которая послужила сперва источникомъ ихъ бѣдствій, а въ окончательномъ результатѣ была причиною ихъ счастья.

Въ послѣдствіи я узналъ, что законъ запретилъ разлучать невольниковъ, принадлежащихъ къ одному семейству, безъ ихъ собственнаго согласія.

АНХИНГА. *)

(рассказъ Одубона.)

Какими чистыми радостями была ознаменована моя бродячая жизнь! Безъ всякаго сомнѣнія, я испыталъ бы ихъ гораздо меньше и онѣ не были бы столь мирнаго свойства, если бы съ самаго ранняго возраста я не былъ одержимъ тою восторженною, тою неодолимою страстью къ дивнымъ явленіямъ природы, которая осталась у меня навсегда. Тотъ, кто меня знаетъ, не удивится, если я скажу, что для меня никогда не было удовольствія, которое могло бы сравниться съ тѣмъ, какое испытывалъ я, преслѣдуя и описывая съ самою большою точностью ту или другую изъ нашихъ Американскихъ птицъ, которая до той поры была неизвѣстна или плохо наблюдалась.

*) *Анхинги* (*plotus*) принадлежатъ къ семейству *пелекановыхъ* (*pelecanida*) и отличаются длинною змѣевидною шею и прямымъ заостреннымъ клювомъ. Живутъ въ прѣсныхъ водахъ южнаго полушарія и питаются преимущественно рыбою.

Но зато сколько тяжелых дней я долженъ былъ посвятить изученію интересныхъ нравовъ Анхинги, во время суровой зимы, посреди заразительныхъ болотъ и дикихъ лѣсовъ Луизианны, съ сердцемъ замиравшимъ отъ волненія и въ совершенномъ одиночествѣ! Я любилъ подсматривать за самкою, которая съ такою нѣжностію высиживала свои яйца, въ гнѣздѣ устроенномъ ею, внѣ всякой опасности, на вѣткѣ неизмѣримой длины какого нибудь громаднаго кипариса, какъ будто какимъ-то волшебствомъ посаженнаго здѣсь и возвышавшагося по срединѣ обширнаго озера. Я какъ будто вижу её передъ собою: внимательнымъ взоромъ слѣдить она за всякимъ движеніемъ угрюмаго сарыча или хитраго ворона; она бдительно наблюдаетъ за ними, опасаясь, чтобы эти мародѣры не похитили у нея плодовъ ея любви. Въ это время товарищъ ея радостей и трудовъ паритъ высоко въ воздухѣ. Расправивъ крылья во всю длину, распустивъ хвостъ вѣромъ, онъ сначала кидаетъ безпокойный взоръ на ту, которую любить, а потомъ гнѣвно, съ видомъ вызова, взглядываетъ на cadaго изъ своихъ многочисленныхъ враговъ. Описывая смѣлые круги, подымается онъ все выше и выше; скоро онъ кажется едва примѣтною точкою и наконецъ совершенно исчезаетъ въ синевѣ необъятнаго неба. Но вдругъ, онъ падаетъ какъ метеоръ, съ закрытыми крыльями, и я вижу его усѣвшима на краю гнѣзда, откуда онъ съ нѣжностію поглядываетъ на предметъ всѣхъ своихъ заботъ.

Проходятъ три недѣли; вокругъ кипариса разбросаны обломки скорлупы, выброшенные изъ гнѣзда догад-

ливою матерью и плавающіе на зеленой тинѣ болота. Я взлѣзаю къ гнѣзду и вижу птенцовъ, покрытыхъ такимъ нѣжнымъ пухомъ, что никакая хлопчатая бумага, даже самая мягкая, не можетъ съ нимъ сравняться; птенцы вытягиваютъ свою длинную и дрожащую шею; раскрывъ клювъ и зобъ, они просятъ, какъ и всѣ дѣти, пищи приличной ихъ нѣжному тѣлосложенію. Тогда я отхожу въ сторону, чтобы имѣть возможность наблюдать все, не мѣшая имъ. Скоро возвращается мать съ запасомъ пищи, которую она старательно разжевала и смягчила: пища эта состоитъ изъ разныхъ рыбъ, доставляемыхъ птицѣ озеромъ. Она выкидываетъ ее изъ зоба и надѣляетъ своихъ птенцовъ одного за другимъ.

Всѣ члены этого молодого семейства выросли на моихъ глазахъ; я наблюдалъ каждый день за ихъ успѣхами, болѣе или менѣе быстрыми, смотря по перемѣнамъ температуры и состоянію атмосферы. Наконецъ, послѣ долгаго и устойчиваго ожиданія, я увидалъ ихъ держащимися почти прямо; пространство, которое они занимали, съ трудомъ вмѣщало всѣхъ ихъ.

Родители казалось знали объ опасности ихъ положенія, однако, не смотря на ихъ обыкновенную нѣжность къ дѣтенышамъ, не выказывали имъ болѣе прежняго участія; я замѣчалъ это и огорчался. Да! для меня было истиннымъ горемъ видѣть, недѣлю спустя, какъ они выталкивали дѣтей изъ гнѣзда и тѣ падали въ воду, разстилавшуюся подъ гнѣздомъ. Правда, что передъ тѣмъ, стоя въ гнѣздѣ, молодыя анхиingi испытывали силу своихъ крыльевъ, время отъ

времени уларя ими по воздуху нѣсколько минутъ сряду.

Не смотря на это, хотя я и былъ твердо увѣренъ, что онѣ могли отважиться на скачекъ, однако не могъ удержаться отъ нѣкотораго страха, когда увидѣлъ, какъ они кувыркались въ воздухъ и погружались въ воду. Но и тутъ, какъ всегда, природа распорядилась умно; я скоро узналъ, что, выгоняя подобнымъ образомъ дѣтей изъ гнѣзда, родители имѣли въ виду очистить мѣста для вывода новыхъ птенцовъ, до начала зимы.

Множество сочинителей, которыхъ я не буду называть здѣсь, описали то, что имъ вздумалось назвать правами Анхинги; есть даже такіе, которые не задумываясь написали длинныя комментаріи на ихъ счетъ, сочиняя и обобщая разныя теоріи безъ всякаго толку.

Надо послушать, съ какою самоувѣренностью они повѣствуютъ намъ объ этихъ птицахъ, тогда какъ всѣ наблюденія ихъ ограничивались сухою кожею и нѣсколькими перьями! Оставимъ этихъ орнитологовъ забавляться въ кабинетѣ; что же касается до насъ, то будемъ продолжать наблюдать и изучать саму природу.

Анхинга живетъ постоянно въ обѣихъ Флоридахъ и въ низменныхъ мѣстахъ Луизианы, Алабамы и Георгіи, нѣкоторыя проводятъ зиму въ южной Каролинѣ и также въ другихъ округахъ, лежащихъ на востокъ отъ этого штата.

Иныя пробираются весною до сѣверной Каролины и гнѣздятся вдоль береговъ. Я встрѣчалъ нѣкоторыхъ въ маѣ мѣсяцѣ въ Техасѣ на рѣкѣ Св. Гіацинта, гдѣ

они выводятъ птенцовъ и остаются, какъ мнѣ говорили, всю зиму. Рѣдко поднимаются они въ верхъ по Миссиссипи за Натчезомъ и его окрестностями, и почти все возвращаются къ устью этой большой рѣки и поселяются на безчисленныхъ прудахъ и озерахъ, находящихся по сосѣдству съ нимъ, и я видѣлъ ихъ тамъ во всякое время года, также какъ и во Флоридахъ.

Такъ какъ эта птица оригинальностью своихъ нравовъ привлекаетъ любопытство самаго посторонняго зрителя, то и получила пропасть названій: креолы въ Луизианѣ, около Новаго Орлеана, называютъ её *Ves á lancette*, вслѣдствіе формы ея клюва; при устьяхъ Миссиссипи она носитъ названіе *водяной вороны*; въ южной Флоридѣ — *греческой дамы*; для жителей низменной Каролины это *бакланъ*; и во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ она извѣстна также подъ именемъ *птицы-змеи*.

Анхиинги, изъ которыхъ одиѣ поднимаются вверхъ по Миссиссипи, а другія посѣщаютъ Каролину, являются на мѣсто своего назначенія въ началѣ апрѣля, иногда даже въ мартѣ мѣсяцѣ, и остаются тамъ до первыхъ чиселъ октября. Иногда случайно встрѣчаешь этихъ птицъ въ сосѣдствѣ моря и часто гнѣздо ихъ недалеко отъ его береговъ. Однако я никогда не видалъ ни одной изъ нихъ ловящей рыбу въ соленой водѣ: онѣ отдаютъ явное предпочтеніе рѣкамъ, озерамъ, лагунамъ внутри земель и всегда выбираютъ самыя ровныя и пизменные мѣста въ странѣ.

Чѣмъ удивленіе и диче мѣстность, тѣмъ болѣе она имъ правится. Въ самомъ дѣлѣ, часто находилъ я ихъ на маленькихъ озерахъ, которыя неожиданно, негаданно открывалъ въ такихъ глухихъ частяхъ лѣса, что появленіе ихъ было для меня сюрпризомъ.

Поэтому—то Флориды нравятся имъ преимущественно: тамъ стоячія воды озеръ и прудовъ въ изобиліи снабжены рыбою, гадами и насѣкомыми. Температура во всѣ времена года благопріятна для нихъ и онѣ наслаждаются такимъ миромъ и безопасностью, которыхъ онѣ бы не нашли въ другомъ мѣстѣ. Вездѣ, гдѣ соединены всѣ эти условія, Анхинги попадаютъ въ количествѣ сорозмѣрномъ протяженію страны. Почти никогда не видишь ихъ на быстрыхъ потокахъ, еще менѣе на свѣтлыхъ водахъ; и во всѣхъ моихъ экскурсіяхъ я только разъ видѣлъ подобный случай. Замѣьте также слѣдующее: въ какомъ бы мѣстѣ вы не встрѣтили эту птицу, вы всегда увидите, что она приберегла себѣ средства къ бѣгству. Въ самомъ дѣлѣ, вы никогда не встрѣтите этихъ птицъ на болотѣ или прудѣ со всѣхъ сторонъ окруженномъ большими деревьями, которыя затрудняютъ бѣгство. Онѣ охотнѣе выбираютъ какое нибудь непроходимое и глубокое болото, изъ середины котораго возвышается купа деревь, съ вышины которыхъ удобно наблюдать за приближеніемъ непріятеля и во-время обратиться въ бѣгство. Анхинга никогда не кидается сверху на добычу, а тихо скатывается съ своего наместа въ воду и этимъ отличается отъ скопы.

Анхинга можетъ считаться птицею, живущею обыкновенно въ обществѣ, но составъ котораго часто мѣняется. Такъ иногда, особенно зимою, ихъ видишь въ числѣ восьми и больше, иногда же только двухъ, какъ въ пору любви. Внутри южной Флориды мнѣ случалось, хотя рѣдко, видѣть ихъ числомъ до тридцати собравшимися на одномъ озерѣ; а во время моихъ странствованій вдоль рѣки Св. Иоанна я много разъ встрѣчалъ нѣсколько сотенъ этихъ птицъ, соединенныхъ вмѣстѣ. Я въ большомъ количествѣ убивалъ ихъ на этой рѣкѣ, также какъ и на сосѣднихъ озерахъ и тѣхъ, которыя лежатъ въ восточной части полуострова.

Я долженъ еще упомянуть о томъ, что у этой породы птицы, также какъ и у баклановъ, цаплей и многихъ другихъ, молодые птенцы держатся отдѣльно отъ старыхъ, къ которымъ они присоединяются только на слѣдующую весну, когда совсѣмъ оперятся.

Анхинга— птица совершенно дневная и любитъ, если ей не помѣшаютъ, каждый вечеръ возвращаться на одинъ и тотъ же насѣсть. Я часто видѣлъ, какъ эти птицы—числомъ отъ трехъ до семи—усаживались на ночь на голую верхушку высокаго дерева, и это продолжалось нѣсколько недѣль сряду. Но если я убивалъ или ранилъ когонибудь изъ нихъ, остальные покидали это мѣсто, и послѣ жестокой борьбы съ другой стаей, устроившейся за двѣ мили отъ того мѣста, кончали тѣмъ, что опускались вмѣстѣ съ ними. Въ такихъ случаяхъ онѣ не держатся одна выше другой, какъ бакланы, а оставляютъ между

собою пространство въ нѣсколько футовъ, смотря по нѣжности вѣтокъ. Они спятъ стоя, совершенно прямо и во время сна издають, время отъ времени, родъ храпа, производимаго, какъ полагають, дыханіемъ. Когда идетъ дождь, онѣ часто большую часть дня проводятъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, выпрямившись, вытянувъ голову и шею впередъ и совершенно неподвижно, какъ бы затѣмъ, чтобы вода удобнѣе стекала съ ихъ тѣла.

По временамъ однако онѣ проворно встряхиваются, перья ихъ поднимаются, но тотчасъ же опадаютъ и птицы скоро принимаютъ свое оригинальное положеніе.

Эта привычка возвращаться на одинъ и тотъ же насѣсть такъ сильна, что когда ихъ прогонять съ него, онѣ большею частію возвращаются въ теченіи дня, и такимъ образомъ, если быть внимательнымъ, то можно легко ихъ поймать. Когда я жилъ на одной плантаціи, то имѣлъ обыкновеніе почти каждый день посѣщать длинный и извилистый заливъ въ нѣсколько миль длиною, на которомъ зимою Анхинги водятся во множествѣ. Аллигаторы, выдры и множество птицъ добывали въ немъ обильную пищу, а я непрерывно наблюдалъ за ними. Я не замедлилъ открыть убѣжище Анхингъ: оно было на толстомъ засохшемъ деревѣ, но добраться до него не было ни малѣйшей возможности. Вслѣдствіе этого я рѣшился плыть въ лодкѣ прямо къ нимъ, въ сопровожденіи моего вѣрнаго и смышленаго терренѣва. Замѣтивъ мое приближеніе, Анхинги улетѣли, и такъ какъ я зналъ, что онѣ не воротятся раньше нѣсколькихъ

часовъ, то отправилъ въ слѣдъ за ними лодку съ нѣсколькими неграми, приказавъ гнать всѣхъ тѣхъ, которыхъ они встрѣтятъ, а самъ спряталъ мою лодку между тростникомъ и остался въ ней дожидаться птицъ, съ ружьемъ наготовѣ и не спуская глазъ съ дерева. Спустя нѣсколько времени одна изъ этихъ красивыхъ птицъ опустилась надъ моею головою, рассматривая по-сторонамъ все ли благополучно. Несчастливая! Она не подозрѣвала опасности. Я далъ ей нѣсколько минутъ отдыха, чтобы наблюдать за ея движеніями; потомъ выстрѣлилъ и птица тяжело упала въ воду. Выстрѣлъ мой, повторенный эхо, испугалъ всѣхъ птицъ въ окрестности, посмотрѣвъ вверхъ, я увидѣлъ нѣсколько Анхингъ, которыя спасались бѣгствомъ въ различныхъ направленіяхъ.

Собака моя, послушная какъ самый покорный слуга, не трогалась никогда съ мѣста безъ моего приказанія; я сдѣлалъ ей знакъ: она тихо вошла въ воду, подплыла къ мертвой птицѣ и принесла еѣ къ моимъ ногамъ. Изъ моей засады я убилъ въ одинъ день четырнадцать Анхингъ и ранилъ многихъ другихъ.

Всѣ деревья, на которыхъ я видѣлъ опускавшихся Анхингъ, находились постоянно надъ водою, то на берегу, то посреди какого нибудь стоячаго болота; туда удаляются онѣ также по насыщеніи и выбираютъ подобное мѣсто кажется для того, чтобы наслаждаться первыми лучами солнца, или согрѣваться въ полдень его знойнымъ жаромъ, равно какъ и для того, чтобы лучше наблюдать за приближеніемъ непріятеля. На сторожѣ на этихъ высокихъ верхушкахъ

и благодаря дальноркости своих блестящихъ глазъ, которые издали видятъ приближеніе лѣсныхъ мародеровъ, или не менѣе опасное прибытіе какого нибудь восторженнаго любителя, какъ вы или я, — Анхинги держатся прямо, то раскрывъ во всю длину крылья и хвостъ, то расправивъ только часть ихъ на солнцѣ. Ихъ длинная шея выгибается самымъ страннымъ образомъ, голова мечется во всѣ направленія, клювъ раскрытъ, а отъ сильнаго жара мѣшокъ, находящійся у нихъ подъ горломъ, вытягивается и виситъ.

Какъ интересно было для меня подобное зрѣлище; съ какимъ безпокойствомъ и съ какимъ стараніемъ подкрадывался я къ этимъ птицамъ, чтобы наблюдать за ними вблизи, чувствуя свѣжесть во всемъ тѣлѣ, испеченномъ солнцемъ, и оставляя сзади меня тучи комаровъ и москитовъ, пожиравшихъ меня; но въ особенности, какое счастье, когда промахнувшись нѣсколько разъ, я подымалъ наконецъ желанную птицу и возвращался на берегъ, гдѣ записывалъ мои наблюденія въ памятную книжку! Съ живымъ удовольствіемъ передаю вамъ эти результаты личныхъ наблюденій, подкрѣпленные замѣтками моего превосходнаго друга доктора Бахмана.

Особенная форма тѣла Анхинги, ея длинныя крылья, ея широкій хвостъ въ видѣ вѣера—могли бы навести на мысль, что природа назначила её быть птицею съ продолжительнымъ полетомъ, а не проводить большую часть своего времени на водѣ, гдѣ, казалось бы, сильное развитіе этихъ органовъ должно служить по-

мѣхою. И однако, какъ далеко отъ истины было бы подобное предположеніе! На сомомъ дѣлѣ Анхинга занимаетъ первое мѣсто между птицами, ныряющими въ прѣсной водѣ. Съ быстротою молвіи исчезаетъ она съ поверхности воды, которая едва всколыхнется отъ ея прикосновенія, и въ то время, какъ вы ищите её вокругъ васъ, изумленный глазъ вашъ замѣчаетъ её за сто шаговъ, съ одною только головою поверхъ воды; иногда даже вы видите одинъ только клювъ, который тихо разсѣкаетъ воду, оставляя небольшую борозду, которую не видно болѣе за пятьдесятъ шаговъ.

Вы легко поймете, что пловецъ такой силы смѣется надъ всѣми вашими усиліями. Когда его подстрѣлили на вѣткѣ—и не смотря на то, что онъ сильно раненъ—онъ падаетъ перпендикулярно клювомъ внизъ, со сложенными крыльями и хвостомъ, ныряетъ и плыветъ подъ водою такъ долго, что почти всегда ускользаетъ. Если случится, что вы увидите его снова, погонитесь за нимъ, онъ снова ныряетъ около берега, зацѣпится ногами за корни деревьевъ и растеній, и остается въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока жизнь его не оставитъ. Если его убьешь съ разу на деревѣ, онъ такъ крѣпко уцѣпится за вѣтки, что иногда пройдетъ нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ онъ упадетъ.

Что же касается до мнѣнія, что Анхинга всегда плаваетъ, погрузившись всѣмъ тѣломъ въ воду, то это совершенная ошибка: она дѣлаетъ это только въ присутствіи непріятеля; но если она ничего не опасается,

она плыветъ по поверхности также ловко и легко, какъ и бакланъ, нырокъ или гагара. Какъ скоро она замѣтитъ непріятеля, то тотчасъ начинаетъ погружаться, какъ это дѣлаютъ эти послѣдніе, и по мѣрѣ того, какъ опасность приближается, исчезаетъ мало по малу, оставляя на повѣрхности одну шею и голову, которая по своей формѣ и движеніямъ довольно напоминаетъ голову пресмыкающаюся; этому обстоятельству она обязана своимъ именемъ *птицы-змѣи*.

Тогда видишь, какъ она вертитъ головою во всѣ стороны, часто раскрывая клювъ, какъ бы для того, чтобы поглотить возможно большее количество воздуха и приготовиться такимъ образомъ оставаться подъ водою до тѣхъ поръ, пока не будетъ внѣ всякой опасности.

Когда анхинга ловитъ рыбу и никто ей не мѣшаетъ въ этомъ занятіи, она ныряетъ совершенно какъ бакланъ, и когда поймаетъ добычу, то возвращается на поверхность; если рыба, пойманная ею, невелика, она встряхиваетъ её, подбрасываетъ вверхъ, а потомъ ловко ловитъ её клювомъ и проглатываетъ. Послѣ этого снова принимается за ловлю. Я крѣпко сомнѣваюсь, чтобы эта птица ловила такую добычу, которую не можетъ проглотить разомъ.

Птицы эти имѣютъ странную привычку нырять подъ всякой предметъ, гонимый вѣтромъ и теченіемъ по поверхности воды, такъ напр. кучи олистевъ и травъ, или другихъ позеленѣлыхъ и гвіющихъ веществъ. Привычку эту онѣ не покидаютъ и тогда, когда совершенно приручены къ домашней жизни. У

друга моего Джоа Бахмана была анхинга, которая ныряла при его приближеніи подъ груду рисовыхъ тюковъ, плававшихъ на одномъ изъ прудовъ съ текучей водою, въ окрестностяхъ Чарлстона. Также, какъ и обыкновенный гусь, анхинга наклоняетъ всегда немного голову, когда плыветъ подъ аркою не очень высокаго моста, подъ вѣткою, или подъ древеснымъ пнемъ, плывущемъ по теченію. Плыва подъ водою, она раскрываетъ нѣсколько крылья, не употребляя ихъ однако въ дѣйствіе; хвостъ совершенно вытянуть, а ногами она дѣйствуетъ какъ веслами, обѣими заразъ, или попеременно.

Количество поглащаемой ею ежедневно рыбы изумительно: разъ утромъ я и другъ мой Бахманъ—мы дали одной изъ этихъ птицъ, семи мѣсяцевъ отъ роду, чернаго окуня, имѣвшаго въ длину девять дюймовъ, а въ ширину два дюйма, голова была гораздо больше остальнаго туловища и его сильныя плавательныя перья очень затрудняли дѣло. Не смотря на это, анхинга проглотила его разомъ, головою впередъ. Спустя полтора часа она уже переварила его, и ей надо было дать еще трехъ, нѣсколько меньшаго объема. Въ другой разъ мы дали ей нѣсколько окуней, отъ семи до восьми дюймовъ длиною. Она не останавливаясь проглотила девять штукъ. Она съѣдала заразъ до сорока, покрайней мѣрѣ, окуней, отъ трехъ до трехъ съ половиною дюймовъ величиною. Она не очень любила, какъ казалась, угрей, покрайней мѣрѣ съѣдала всякую другую рыбу прежде, а эту оставляла подъ конецъ. Въ пруду, находившемся въ концѣ сада,

она ловила раковъ, которыхъ сильно сжимала и колотила, держа въ клювъ, очевидно для того, чтобы ранить или оглушить ихъ, прежде чѣмъ проглотить. Съ рыбою она всегда поступала такимъ же образомъ.

Разъ, находясь въ штатѣ Миссиссипи, я отправился къ одному колонисту, жившему на западномъ берегу Миссиссипи. Войдя въ домъ, я замѣтилъ двухъ молодыхъ анхингъ, взятыхъ изъ гнѣзда, которое находилось на одномъ высокомъ кипарисѣ. Дерево это росло посреди одного озера, лежащаго къ востоку отъ рѣки.

Анхинги сдѣлались совершенно ручными и очень были привязаны къ своимъ хозяевамъ—мужу и женѣ. Онѣ попеременно питались рыбою и небольшими раками, а когда этого не было, то довольствовались варенымъ маисомъ и чрезвычайно ловко хватали каждое зернушко, по мѣрѣ того, какъ имъ его бросали. Я узналъ, что впослѣдствіи, когда онѣ выросли, ихъ пускали на пруды, гдѣ они сами ловили себѣ рыбу и аккуратно каждый день возвращались на ночь на конекъ крыши. Это были два самца, которые часто жестокимъ образомъ дрались между собою. Наконецъ они встрѣтили двухъ самокъ и первое время всѣ четверо вмѣстѣ возвращались на свой насѣсть. Но потомъ, такъ какъ, по всей вѣроятности, самки снесли яйца въ лѣсу то обѣ пары исчезли и тѣ, которые рассказывали мнѣ это, уже болѣе ихъ не видали.

Анхинга дѣлается чрезвычайно дикою, когда живетъ въ густо заселенной странѣ. Но, какъ я уже сказалъ выше, это случается весьма рѣдко, а когда

она не покидаетъ своихъ тихихъ и уединенныхъ убужищъ, гдѣ ея никто не беспокоитъ, — она подпускаетъ къ себѣ очень легко. Иногда даже она не двигается и послѣ того, какъ въ нея выстрѣляютъ нѣсколько разъ. Рыбу ловить она, повторяю, какъ бакланъ, ныряя уже тогда, когда плыветъ по водѣ, а не бросаясь сверху. Да ей и трудно было бы различить рыбу въ мутной водѣ, надъ которой она любитъ сидѣть, нѣсколько высоко.

Она неловко ходитъ по вѣткамъ съ помощью крыльевъ, которыя держитъ открытыми, а иногда и клюва, какъ это дѣлаютъ попугаи. По землѣ она ходитъ и даже бѣгаетъ съ большою легкостью, гораздо ловче, чѣмъ бакланъ, хотя и дѣлаетъ почти тѣ же самыя движенія, какъ и онъ.

Полетъ анхинги легокъ и временами довольно продолжителенъ. Но, подобно баклану, она имѣетъ привычку, подымаясь съ вѣтки или съ поверхности воды, раскрывать крылья и распускать хвостъ, которые весьма часто служатъ цѣлью для выстрѣла охотника. Во время своего полета, она можетъ подыматься очень высоко, описывая красивые круги, которые самецъ, въ пору любви, любитъ разнообразить разными зигзагами, кружась около своей подруги.

Иногда они исчезаютъ оба изъ виду, какъ бы потерявшись въ необъятномъ воздушномъ пространствѣ. Иногда держатся гораздо ниже и впродолженіи нѣсколькихъ минутъ кажутся неподвижно висящими на одномъ мѣстѣ. Во время этихъ эволюцій, крылья ихъ раскрыты по прямой линіи, шея вытянута впередъ,

а хвостъ болѣе или менѣе распущенъ, смотря по тому движенію, которое онѣ хотятъ предпринять. Если онѣ опускаются, то почти закрываютъ хвостъ, а если поднимаются, то раскрываютъ его наклоняя на бокъ. Во время перелетовъ, онѣ ударяютъ воздухъ съ промежутками, на манеръ баклановъ, въ особенности если летать черезъ обширную лѣсистую страну. Иногда же, когда приходится летѣть надъ обширнымъ воднымъ пространствомъ, онѣ парятъ какъ сарычи и нѣкоторые соколы.

Если ихъ беспокоятъ, онѣ быстро улетаютъ, махая безпрестанно крыльями. Я уже сказалъ, что имъ трудно подняться съ насѣста, не раскрывъ прежде крыльевъ. Точно также, прежде чѣмъ опуститься, онѣ употребляютъ ихъ въ дѣйствіе до тѣхъ поръ, пока плотно усядутся на вѣткѣ. Въ этомъ отношеніи онѣ похожи на Флоридскаго баклана.

Гнѣздо птицы-змѣи устраивается различнымъ образомъ, сообразно съ мѣстностью: иногда въ хворостникѣ, на высотѣ восьми или десяти футовъ надъ водою, если мѣсто уединенное. Въ противномъ случаѣ, оно строится на оконечностяхъ вѣтокъ самыхъ высокихъ деревьевъ: воеякомъ случаѣ оно всегда бываетъ надъ водою.

Въ Луизианѣ и въ Штатѣ Миссиссипи, гдѣ я видѣлъ ихъ въ большомъ количествѣ, они обыкновенно находились на толстыхъ кипарисахъ, возвышавшихся изъ середины озеръ и прудовъ, или покрывавшихъ берега лагунъ и рѣкъ, вдали отъ человѣческихъ жилищъ. Иногда они находятъ въ уединеніи, иногда ихъ окружаетъ пропасть гнѣздъ цапель. Какъ бы то ни было,

такъ какъ во всякомъ случаѣ величина этихъ гнѣздъ и матеріалы, изъ которыхъ они строятся, почти одни и тѣ же, то я удовольствуюсь описаніемъ, доставленнымъ мнѣ докторомъ Бахманомъ:

Гнѣздо это, плоской формы, имѣло два фута въ діаметрѣ и напоминало гнѣздо флоридскаго баклана. Первый слой состоялъ изъ сухихъ поленецъ различной толщины — нѣкоторыя имѣли пол-дѣйма въ діаметрѣ — и переплетенныхъ въ кружокъ. Зеленыя вѣточки вмѣстѣ съ листьями, большою частію миртовыхъ, большое количество Испанскаго мха и небольшихъ кореньевъ образовали такое плотное и прочное гнѣздо, какъ ни одной цапли.

Гнѣздо заключало четыре яйца. Птицы эти гнѣздятся нѣсколько лѣтъ сряду на одномъ и томъ же деревѣ и я зналъ одну пару, занимавшую впродолженіи трехъ лѣтъ одно и тоже гнѣздо, которое она увеличивала и поправляла каждый годъ, какъ это дѣлаютъ бакланы и цапли. Яицы длиною въ $2\frac{5}{8}$ дюйма, а шириною въ $1\frac{1}{4}$ дюймъ и имѣютъ форму продолговато-овальную. Снаружи они кажутся грязновато-бѣлаго, однообразнаго цвѣта, но это потому, что они покрыты известковымъ веществомъ, а если его соскоблить осторожно, то увидишь яйцо свѣтло-голубого цвѣта. Въ этомъ отношеніи они совершенно похожи на яйца различныхъ породъ баклановъ, которыя мнѣ знакомы.

Птены, по прошествіи двухъ недѣль, покрыты темноватымъ пухомъ; клювъ у нихъ черный, ноги желтовато-бѣлаго цвѣта, голова и шея почти голыя,

и въ этомъ возрастѣ они похожи на молодыхъ баклановъ, хотя цвѣтъ у нихъ другой. Перья крыла начинаютъ уже показываться сквозь пухъ и имѣютъ темный цвѣтъ. Птенцы одного и того же гнѣзда различаются въ ростѣ и въ толщинѣ, какъ и птенцы баклановъ. Въ этомъ возрастѣ они учатся приподниматься и стоять прямо и для этого упираются клювомъ о край гнѣзда или о ближайшую вѣтку и карабкаются съ помощью своихъ челюстей, которыя раскрываютъ въ подобномъ случаѣ во всю величину. Молодые птицы сохраняютъ эту привычку въ неволи, и она свойственна также и бакланамъ. Старыя анхинги также всегда дѣлаютъ это.

Сначала крикъ молодыхъ анхингъ заключается въ тихомъ свистѣ, и иногда можно подумать, что слышишь крики небольшихъ паръ цапель. Съ самаго рожденія птенцовъ родители выкидываютъ для нихъ изъ зоба пищу, и эта операція повидимому тяжела для старыхъ птицъ, которыя дѣлаютъ при этомъ трудныя движенія и принуждены держать крылья постоянно раскрытыми, а хвостъ приподнятымъ.

Я не могу сказать ничего положительнаго о времени и продолжительности высидиванія; но въ чемъ я совершенно увѣренъ, такъ это въ томъ, что самецъ и самка попеременно сидятъ на яйцахъ. Однако эта послѣдняя остается на яйцахъ гораздо долѣе. Если къ молодымъ анхингамъ подойти въ то время, какъ онѣ сидятъ еще въ гнѣздѣ, то онѣ съ силою прицѣпляются къ гнѣзду, а если кинуть ихъ въ воду, то онѣ плывутъ по поверхности, и тогда ихъ легко поймать. Молодые же бак-

ланы на оборотъ, сами кидаются въ воду и немедленно ныряютъ.

Какъ всё плотоядная и питающіяся рыбою птицы — анхинга можетъ оставаться безъ пищи цѣлые дни и ночи, повидимому не очень страдая отъ этого. Когда ея ранили и хотятъ взять, она безъ страха глядитъ на своихъ неприятелей. Въ подобныхъ случаяхъ я видѣлъ её внимательно наблюдавшею за приближеніемъ моимъ или моей собаки; она держалась такъ прямо, какъ только позволяли ей раны, съ откинутаю назадъ головою, открытымъ клювомъ и зобомъ, раздувшимся отъ гнѣва; потомъ когда мы къ ней приближались, вытягивала впередъ клювъ и часто наносила имъ жестокія раны. Разъ, между прочимъ, она съ такою силою ударила имъ по носу мою собаку, что не могла его высвободить, и собака протащила её такъ до самыхъ ногъ, на разстояніи тридцати шаговъ. Если взять ихъ за шею, онѣ даютъ чувствовать нападающему всю силу своихъ острыхъ когтей и защищаются, ударяя крыльями съ такою силою, какою никакъ у нихъ не предполагаешь. Я также часто замѣчалъ съ какою ловкостью эта птица умѣетъ выпутаться изъ непредвидѣнной опасности, и приведу вамъ одинъ примѣръ, доказывающій присутствіе въ нихъ нѣкотораго разума:

Разъ я плылъ вверхъ по рѣкѣ Св. Іоанна въ обществѣ одного капитана, служившаго во флотъ Соединенныхъ Штатовъ, и мы приплыли въ кругообразный бассейнъ, свѣтлыя и неглубокія воды котораго покрывали песчаное русло. Эти мели, довольно часто встрѣчающіяся здѣсь, производятся весенними дождями,

которые гонять песокъ съ возвышенностей въ мутныя рѣки и озера. Мы не могли иначе проникнуть въ эту маленькую губу, какъ проплывъ между вѣтками деревь, разошихся почти вровень съ поверхностью воды. Другія же деревья, огромной высоты, возвышались надъ нашими головами. Поднявъ глаза, я увидѣлъ анхингу самку, сидѣвшую на противоположномъ берегу бухточки, и такъ какъ я совсѣмъ не желалъ убивать ее, то мы продолжали спокойно грести по ея направленію. Но внимательный глазъ анхинги, уже замѣтилъ насъ, и вытянувъ голову, она принялась смотрѣть по сторонамъ, не теряя изъ виду ни одного нашего движенія. Повторяю, мѣсто было узкое и окруженное очень высокими деревьями, такъ что она могла улетѣть и спастись бѣгствомъ; несмотря на это однако, она упорно оставалась на своей вѣткѣ, но замѣтно встревоженная и на сторожѣ. Наконецъ, когда лодка подплыла на близкое разстояніе она вдругъ откинулась назадъ, сдѣлала опасный прыжокъ подъ прикрытіемъ вѣтвей и прямо полетѣла къ густому лѣсу, гдѣ и скрылась отъ нашихъ глазъ. Я въ первый разъ видѣлъ птицу этой породы, спасавшуюся бѣгствомъ въ лѣсъ.

Теперь я предоставляю рассказывать моему другу Джону Бахману, который опишетъ намъ одно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ любятъ гнѣздиться птицы-змѣи, и куда онѣ возвращаются каждый годъ. То, объ которомъ идетъ рѣчь, находится недалеко отъ Чарлстона, въ южной Каролинѣ.

« 28 Іюня 1834 года я отправился, сопровождаемый докторами Вильсономъ, Драйтономъ и сквайромъ Рам-

еемъ, осматривать одинъ прудъ въ нѣсколькихъ ми-
ляхъ отъ Чарлстона. Моментъ былъ самый благопри-
ятный для изученія анхингъ, которыя всѣ были ис-
ключительно заняты устройствомъ гнѣздъ; кромѣ того
день былъ великолѣпный и не прошло и часа, какъ
лошади наши привезли насъ къ берегамъ болота. Едва
успѣли мы къ нему подъѣхать, какъ увидѣли птицу,
летающую надъ нашими головами и направляющуюся
къ одному уединенному мѣсту, до котораго невозможно
было добраться вслѣдствіе тинистой почвы, густо по-
крытой тростникомъ и дикимъ виноградомъ. При-
близиться къ нему можно было только водою; по-
этому мы притянули маленькій челнокъ, находившій-
ся на прудѣ. Къ несчастію, онъ пропускалъ воду со
всѣхъ сторонъ; мы попробовали законопатить его,
какъ только сумѣли, но это не удалось намъ вполне.
Кромѣ того, такъ какъ онъ былъ очень неудобенъ и
въ него могли помѣститься только двое, то было рѣ-
шено, что въ него сядутъ только я, да мой слуга,
который умѣлъ очень искусно грести.

«Прудъ этотъ, выкопанный рукою человѣка, былъ,
какъ говорятъ туземцы, только резервуаромъ. Выры-
тый на границѣ нѣсколькихъ рисовыхъ полей, онъ
имѣлъ назначеніемъ содержать достаточное количество
воды, чтобы при случаѣ можно было орошать и даже
наводнять плантаціи. На немъ есть нѣсколько остров-
ковъ, на которыхъ растутъ въ огромномъ количествѣ
небольшіе лавровыя деревья изъ породы *Laurus geni-*
culata и черныя ивы, перемежанныя съ разными дру-
гими растеніями и съ множествомъ гнѣздъ цаплей.

«Мы съ трудомъ подвигались впередъ, и съ каждой минуты препятствія увеличивались; вода становилась мелче, тина глубже и гуще, а слуга мой съ большимъ трудомъ везъ лодку между тростникомъ и дикимъ виноградомъ, за которые она безпрестанно цѣплялась. Гигантскіе дубы и не менѣе почтенные кипарисы верхушками своими высились къ небу, а вѣтви и пни ихъ лежали подъ испанскимъ мхомъ, который висѣлъ длинными волокнами до самой поверхности воды и превращалъ тамъ день въ ночь. Большіе аллигаторы утопали въ тинѣ или съ шумомъ бросались въ воду со старыхъ пней, со всѣхъ сторонъ преграждавшихъ намъ путь. Вокругъ насъ кипѣли черепахи, змѣи и другіе гады. Положеніе мое было далеко не веселое, тѣмъ болѣе, что я долженъ былъ безпрерывно отмахиваться отъ легионовъ москитовъ и не менѣе внимательно наблюдать за тѣмъ, чтобы не опрокинуться въ эту лужу.

«И такъ мы подвигались весьма медленно, но все таки подвигались, и наконецъ пробрались въ довольно просторное мѣсто, окруженное не столь высокими деревьями; тутъ я увидѣлъ передъ собою гнѣздо анхинги, замѣченное нами издали. Самка сидѣла въ немъ и, увидѣвъ наше приближеніе, вскорабкалась съ помощью клюва на вѣтку и тамъ осталась неподвижною съ вытянутою шею.

Было бы конечно жестоко тревожить птицу въ ея мирномъ уединеніи, но заботятся ли объ этомъ натуралисты, когда послѣ долгаго ожиданія видятъ преслѣдуемый предметъ передъ глазами и почти подъ рукою.

Мы были въ двадцати шагахъ отъ нея; я направилъ дуло моей коротенькой винтовки прямо въ неё и выстрѣлилъ. Но должно быть постоянное колебаніе челнока, а можетъ быть и неумѣніе мое владѣть этимъ оружіемъ, спасли ей жизнь. Она осталась въ томъ же положеніи, не сдѣлавъ ни одного движенія: я снова зарядилъ ружье и выстрѣлилъ три раза сряду, не попадая въ неё; наконецъ одна пуля перебила вѣтку, на которой она сидѣла, и анхинга, раскрывъ свои большія черныя крылья, устремилась вверхъ и скоро исчезла изъ виду».

Г. Бахманъ досталъ также яйца и птенцовъ этой породы птицъ и описаніе, которое я передаю здѣсь, принадлежитъ также ему:

«Я привезъ къ себѣ домой трехъ молодыхъ анхингъ; двѣ изъ нихъ росли хорошо и начинали дѣлаться ручными, третію я отдалъ на попеченіе одному изъ моихъ друзей. Во время одной изъ отлучекъ моихъ изъ дому, одна анхинга околѣла отъ небрежности моего слуги. Когда обѣ птицы были еще въ одной клѣткѣ, я забавлялся надъ усиліями, какія дѣлала та изъ нихъ, которая была меньше, чтобы просунуть свой клювъ, въ клювъ и даже въ зобъ старшей птицы.

«Когда той надоѣдало это, она раскрывала клювъ, и маленькая анхинга просовывала свою голову до самаго зоба и вытаскивала оттуда рыбу, проглоченную большою анхингою. Старшая анхинга, которая оказалась впоследствии самцемъ, всегда поступала такимъ страннымъ образомъ съ своею молодою сестрою, прибѣгавшею къ ея покровительству, и замѣняла ей ро-

дителей. Эта птица находится у меня до сих поръ и кормится рыбою. Она нѣсколько разъ подбрасываетъ ее въ воздухъ и потомъ ловко ловить ее и проглатываетъ при первомъ удобномъ случаѣ, т. е. когда рыба упадетъ головою внизъ. Сначала, когда дѣло шло о какой нибудь большой рыбѣ, я разрѣзывалъ ее изъ предосторожности на части, полагая, что горло у птицы слишкомъ узко, чтобы достаточно расшириться и пропустить рыбу. Но вскорѣ я увидѣлъ, что это предосторожность совершенно лишняя. Рыба въ три раза толще чѣмъ ее горло проходила въ него однимъ глоткомъ, и вслѣдъ за тѣмъ птица подбѣгала ко мнѣ, щелкая челюстями, чтобы я далъ ей еще рыбы. Любимецъ мой сдѣлался ручнымъ очень скоро; онъ слѣдовалъ за мною всюду, куда я бывало ни пойду, и иногда даже надоѣдалъ мнѣ. Анхивга, которую я далъ моему другу, кормилась рыбою и сырою говядиною; но она никогда не была такъ здорова какъ моя, хотя и достигла полного развитія и умерла отъ судорожнаго припадка.

«Когда моя анхивга была молода, я часто водилъ ее къ пруду, думая, что она съ охотою будетъ купаться, и это ее подкрѣпитъ. Но, напротивъ того, она старалась какъ можно скорѣе добраться до берега и какъ будто боялась стихіи, въ которой ей назначено было природою жить. Когда я кидалъ ее въ воду, она тотчасъ же ныряла; потомъ, минутою спустя, выплывала на поверхность и плавала съ такою же легкостію, какъ обыкновенная утка. Птица эта была права смѣлаго: она держала въ почтительномъ раз-

стоянии куръ и индюшекъ, нападала на всѣхъ собакъ, проходившихъ по двору, награждая ихъ направо и налево сильнымъ ударомъ своего остраго клюва. Иногда она становилась у корыта и не позволяла имъ дотронуться ни до одного куска, не проучивъ ихъ порядкомъ, или заставляла ихъ питаться своими объѣдками.

«Только тогда, когда выросли у ней всѣ перья, указала она желаніе идти въ воду, и съ тѣхъ поръ всякій разъ, какъ она видѣла, что я иду, она провожала меня до садовой калитки, какъ будто говоря мнѣ: «пожалуйста возьми меня съ собою.» Когда я отпиралъ калитку, она шла за мною, переваливаясь съ боку на бокъ, какъ утка, и какъ скоро мы подходили къ водѣ, она кидалась въ нее и долго плавала сначала, а потомъ опускала свою длинную шею въ воду и ныряла за рыбою. Вода была свѣтлая, и я могъ слѣдить за всѣми ея движеніями. Поискавъ и покругившись, она показывалась на поверхности за сорокъ или пятьдесятъ шаговъ. Въ теплые ночи, птица эта спала на дворѣ, усѣвшись на самую высокую перекладину и спрятавъ голову подъ крыло. Въ дождливое время она по цѣлымъ днямъ сидѣла въ одномъ положеніи. Она была очень чувствительна къ холоду; она забиралась въ кухню и оспаривала у поваренковъ и собакъ лучшее мѣсто у огня. Когда покажется лучъ солнца, она расправляла крылья и хвостъ, подымала перья и, казалось, радовалась зимнимъ днямъ. Гуляетъ она ходя, иногда подпрыгивая и никогда не опирается на хвостъ. Когда дадутъ ей рыбу, схватываетъ ее и съ жадностью проглатываетъ. Когда

у насъ недоставало рыбы, мы привуждены были кормить ее мясомъ. Раза два случалось, что ей не давали ничего; тогда она выказывала большое безпокойство, оглушала всѣхъ своими криками и награждала прислугу сильными ударами клюва какъ бы для того, чтобы напомнить имъ о своемъ существованіи.

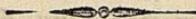
«Однажды ей вздумалось убѣжать, и она полетѣла къ пруду, находившемуся на четверть мили. Случайно тамъ была лодка съ дѣтьми, и птица подлетѣла къ нимъ съ открытымъ клювомъ, потому что была голодна. Тѣ, видя приближеніе этого страннаго животнаго, голова котораго довольно похожа на голову змѣи, испугались и принялись грести къ берегу. Но птица послѣдовала за ними и прежде нихъ поспѣла на землю. Дѣти принялись бѣжать со всѣхъ ногъ и прибѣжали домой, куда прилетѣла вслѣдъ за ними и анхинга. По счастью еѣ узнали и прислали мнѣ. Для избѣженія подобныхъ проказъ на будущее время я окорнאלъ ей крылья».

Я самъ видѣлъ эту птицу въ Чарлстонѣ, у моего друга, зимою 1836 года. Она была убита великолѣпною охотничьею собакою, подаренною мнѣ графомъ Дерби, и смерть ея весьма огорчила насъ, тѣмъ болѣе, что Бахманъ далъ мнѣ ее именно для того, чтобы отослать благородному лорду.

Мнѣ было чрезвычайно удобно изучать анхингу, и я всегда находилъ въ ней по организаци, также какъ и по привычкамъ большую аналогію съ бакланомъ. Вслѣдствіе этого мнѣ пришла мысль провести между ними параллель. Въ однихъ отношеніяхъ, птицы эти показались одинаковыми; въ другихъ же я замѣтилъ

разницу. Но замѣтилъ у обѣихъ птицъ одинаковую странность въ строеніи перьевъ я заключилъ объ ихъ родовомъ сродствѣ.

Разрѣзывая желудокъ большей части анхингъ, я находилъ въ немъ рыбу разныхъ породъ, водяныхъ насѣкомыхъ, раковъ, пиявокъ, лягушекъ, лягушечьи ийцы, яйцы водяныхъ ящерицъ, молодыхъ аллигаторовъ, водяныхъ змѣй и маленькихъ черепахъ, но никогда не видалъ въ немъ песку. Мясо совершенно взрослой анхинги черно, жестко, маслянисто и дурно на вкусъ, за исключеніемъ маленькихъ грудныхъ мускуловъ, которые у самки бѣлы и иѣжны.

«Бѣдный мальчикъ, весь въ огнѣ!
Все ему неловко!
Лягъ на плечико ко мнѣ,
Прислонись головкой!
Я съ тобою похожу;
Подремли, мой мальчикъ!
Хочешь—сказочку скажу?..
Жилъ былъ мальчикъ съ пальчикъ!..
Нѣтъ? не хочешь? сказка — вздоръ,
Нѣсня лучше будетъ?..
*Зашумѣлъ сырѣ-теменѣ борѣ,
Лисѣ лисичку будитѣ;
Во темнѣ сырѣ борѣ...»*
— Чтожъ не спишь, мой крошкѣ?
*Я малинки наберу
Полное лукошко.
Во темнѣ сырѣ борѣ...
Тише, засыпаетъ...
Словно птенчикъ, все въ жару
Губки раскрываетъ.»*
*Во сырѣ борѣ — поетъ
Мать и ходить, ходить!..
Тихо, долго ночь идетъ;
Ночь ужъ день выводитъ —
Мать поетъ; рука у ней
Затекла, устала;
И не разъ слезу съ очей,
Бѣдная, роняла.*

Но едва дитя въ жару
Вздогнетъ, вострепетаетъ, —
Во темнотѣ сыромъ бору
Снова раздается...
Отклони ударъ, уйди,
Смерть, съ своей косою!
Мать дитя съ своей груди
Не отдастъ безъ бою!
Заслонить, средь всѣхъ тревогъ,
Всей душой своею
Свѣтлой жизни огонекъ,
Что затеплеть его,
Что въ малюткѣ засвѣтить,
И самой ей стало
Ясно — сколько чудныхъ силъ
Сердце въ ней скрывало!

А. Майковъ

ЗАВОЕВАНІЕ ПЕРУ.

(Продолженіе).

Разкажемъ въ кратцѣ историческую основу тѣхъ слуховъ, которые дошли до Испанцевъ передъ самымъ ихъ вторженіемъ въ царство Перу.

Въ концѣ XV вѣка царствовалъ въ Перу знаменитый и воживственный Тупакъ Инка Юпанка. Онъ широко раздвинулъ предѣлы своей монархіи: на югъ проникъ въ отдаленныя мѣстности Чили, а на сѣверѣ началъ завоеваніе сосѣдняго королевства Квито. Его сынъ, Гуайна Капакъ, еще болѣе усилилъ Перу окончательнымъ присоединеніемъ образовавшаго Квито. Дологучаго Гуайна Капака дошли лишь слухи о первомъ появленіи Пизарро и Альмагро; эти слухи о невѣдомыхъ бѣлыхъ существахъ произвели на его думъ глубокое впечатлѣніе. Подданные Гуайны не предвидѣли себѣ никакихъ бѣдствій отъ Испанцевъ; имъ они представлялись лишь ничтожнымъ облачкомъ на краю свѣтлаго горизонта; но Гуана Капакъ сразу оцѣнилъ возможность скрытой опасности—и для его глазъ Испанцы были

громовою тучею, которой суждено расширяться, по вести за собою страшную бурю и въ свирѣпомъ ураганѣ затопить и престолъ инковъ, и ихъ монархію...

Говорятъ, что будто и въ народѣ вскорѣ стали ходить разныя ужасныя предчувствія: быть можетъ еще въ то время, а вѣроятно и послѣ, по воспоминаніямъ, народъ искалъ разныя предзнаменованія бѣдъ. Предъ вторженіемъ Испанцевъ блестящая комета пересѣкла небо; землетрясенія поколебали весь край, мѣсяцъ опоясался огненными, цвѣтными кольцами; молніей испепелило одинъ изъ инкскихъ дворцовъ; орелъ, этотъ царь пернатыхъ, былъ заклеванъ, въ воздухѣ, соколами и цалъ бездыханный.....

Умирая, Гуайна Капакъ собралъ вокругъ себя приближенныхъ и предсказалъ, на основаніи издревле существовавшаго пророчества, разрушеніе государства бѣлыми боролатыми людьми. Впрочемъ, можетъ быть это повѣствованіе о предсказаніи Гуана Капака было создано пылкою, полною горести, фантазіею, впоследствии когда пришлось оплакивать разрушеніе царства.

Гуайна Капакъ оставилъ многочисленное потомство, и между нимъ замѣтимъ троихъ изъ его сыновей: *Гуаскара*—наслѣдника Гуайна, сына Гуайновой жены-сестры; *Манко-Капака* и любимца Гуайнова *Атагуальпу*. Мать Атагуальпы была дочь послѣдняго владѣтеля Квито; стало быть въ жилахъ Атагуальпы текла не чистая перуанская кровь, а былъ и чужеземный элементъ. Послѣдніе годы жизни провелъ Гуайна въ Квито. Атагуальпа росъ на глазахъ отца, сопровождалъ его въ походахъ, спалъ съ отцемъ въ

одной палаткѣ, ѣлъ съ нимъ изъ одного блюда. Бойкій, смѣлый и великодушный мальчикъ сильно привязалъ къ себѣ дряхлѣвшаго отца. И жалко стало старику, что любимое его дитя, потомокъ двухъ царственныхъ домовъ, не будетъ самостоятельнымъ государемъ. Гуайна заволновали передъ смертью симпатіи, и вотъ онъ, поддавшись имъ, рѣшился нарушить законъ престолонаслѣдія: рѣшился раздѣлить все инкское царство между законнымъ наслѣдникомъ Гуаскаромъ и любимцемъ это Атагуальпой. Квито должно было принадлежать Атагуальпѣ, все остальное — Гуаскару. Послѣ такого рѣшенія скончался Гуайна (1525). Пять лѣтъ тихо правили братья каждый своимъ царствомъ. Но вотъ затѣялась непріязнь; говорятъ, что виною ея были честолюбивыя притязанія Атагуальпы. Однако трудно видѣть и совершенную невинность, въ требованіи Гуаскара, хотѣвшаго, чтобы Атагуальпа призналъ зависимость Квито отъ Перу. Дошло до кровопролитія. Атагуальпа самъ повелъ свою армію на югъ; имъ руководили опытные вожди *Квицквицъ* и *Чалькучима*. Первая битва произошла у подножій величественнаго Чимборазо и кончилась въ пользу Атагуальпы; потомъ Атагуальпа жестоко покаралъ жителей одного округа, приставашаго было ко врагу. Эти первые усцѣхи и страхъ мести со стороны царя Квито, конечно, помогли дѣлу Атагуальпы. Кромѣ того на сторонѣ Атагуальпы была и та выгода, что его войска хорошо знали свое дѣло и хорошо были дисциплинированы. Въ то время, когда Атагуальпа подвигался на югъ, самъ Гуаскаръ все еще оставался внутри своего цар-

ства. Такъ поступилъ онъ по совѣту жрецовъ. Оба брата сошлись не вдалекъ отъ столицы Перуанскаго царства. Воины Квито сражались съ особою самоувѣренностію и воодушевленіемъ. А какъ много значитъ самоувѣренность! Разумѣется они побѣдили. Битва была такъ кровопролитна, что долго, долго послѣ бранное поле бѣлѣлось костями. Гуаскаръ старался спастись; его отчаянно защищала свита; вся она была истреблена, а ея царь попалъ въ плѣнъ. Говорятъ, будто Атагуальпа, заключивъ брата, предался страшнымъ жестокостямъ и умертвилъ все инкское поколѣніе. Но это уже по одному тому кажется несправедливымъ, что послѣ испанскаго завоеванія еще было много инкскихъ потомковъ.

Торжество Атагуальпы было полное; онъ возложилъ на себя пурпуровую діадиму инковъ. Но не былъ онъ такимъ человѣкомъ, «которому боги позволили пробуждаться самому»: онъ, занятой враждою съ братомъ, какъ то сонно слѣдилъ за тѣмъ облачкомъ, которое встревожило его дальновиднаго отца....

Мы видѣли, что Испанцы высадились на берегъ у города Тумбеца. Они нашли этотъ городъ въ совершенномъ запустѣніи: казалось жители умышленно опустошили его. Не найдены были въ живыхъ два Испанца, добровольно оставшіеся здѣсь еще со времени первой вобывки. Отъ нихъ только и осталось, что лоскутокъ съ вѣщею падаисью:

«Знай, кто бы ты ни былъ, что земля эта содержитъ въ себѣ болѣе золота и серебра, чѣмъ Бискайя желѣза».

Основавъ къ югу отъ Тумбеца первый европейскій городъ въ Перу, по имени—Санъ Мигуэль, а потомъ сплавивъ въ слитки принадлежащую правительству пятую часть собраннаго золота и серебра, Пизарро отправилъ эти слитки въ Панаму. Кромѣ того онъ послалъ и точныя свѣдѣнія о состояніи перуанскихъ дѣлъ: онъ теперь не только зналъ навѣрное о раздорѣ въ инкскомъ семействѣ, но также зналъ и то, что Атагуальпа стоитъ со своей арміей лишь въ двѣнадцати суткахъ разстоянія отъ Тумбеца.

Послѣ этихъ предварительныхъ распоряженій отчаянный испанскій предводитель прямо пошелъ по направленію къ войску Атагуальпы: было у Пизарро съ собою всего *сто семьдесятъ* воиновъ; весь отрядъ имѣлъ только *три пиццали и двадцать семь стальныхъ луковъ*. Какова должна была быть отвага горсти людей пускавшихся завоевать, съ такими средствами, огромное неизвѣстное царство!

Во время дороги Пизарро послалъ впередъ себя отрядъ подъ начальствомъ Гернандо Сото. Цѣлую недѣлю не было и слуха объ этомъ отрядѣ, и казалось, что горсть смѣльчаковъ успѣла побывать у самаго инки. Она воротилась къ Пизарро съ знатнымъ инкскимъ посломъ и съ подарками,—тончайшими тканями, вышитыми золотомъ и серебромъ, и запасами сушеного гусинаго мяса. Посланникъ инки звалъ Пизарро отъ имени своего повелителя въ перуанскій станъ,

расположенный между горъ. Пизарро очень хорошо понималъ, что значили всѣ эти любезности; прислали посла къ нему въ станъ просто, чтобы высмотрѣть силы бѣлыхъ людей, а звали въ горы, чтобы забрать въ свои руки. Однако нельзя было и не понять, что сообщеніе такихъ догадокъ подчиненнымъ могло только отнять у нихъ, драгоценную въ трудныхъ обстоятельствахъ, бодрость духа. И, разумѣется, Пизарро притворился веселымъ: казалось, онъ былъ весьма доволенъ, что завязалъ сношенія съ инкой...

Однако, какъ бы ни скрывалъ Пизарро все страшное отъ своихъ Испанцевъ, ихъ могли бы утратить даже простые рассказы соотечественниковъ, если бы они только способны были утратиться; повсюду видѣлъ Сото и его путники постройки замѣчательной прочности, напр. дома, сложенные изъ камней, такъ хорошо подтесанныхъ одинъ къ другому, что трудно было замѣтить швы; видѣлъ прекрасныя дороги, устланныя большими плитами; видѣлъ и мастерское орошеніе почвы посредствомъ каналовъ.

Чтобы попасть въ лагерь Атагуальпы Испанцамъ предстояло переправиться черезъ Анды. Колоссальныя горы возвышались передъ ними—громада за громадою; снѣжныя вершины сіяли надъ облаками, хижины поселянъ лѣпились по неровностямъ, а покатою покрыты были вѣчно зеленѣющими лѣсами и пересѣкались террасообразными полосами воздѣланныхъ садовъ. Вся эта картина была прямо впереди; справа же тянулась ровная, покойная дорога, ведущая въ Квито. Многіе дрогнули было при той мысли, что придется

переходить крутизны; представили себѣ все труды такого перехода и будущую опасность въ инкскомъ лагерѣ и лучше желали отправиться по удобной дорогѣ направо — прямо къ Квито. Но Пизарро держался противнаго мнѣнія. Онъ сказалъ: «Испанцы вездѣ провозгласили о намѣреніи своемъ посѣтить инку въ его станѣ; объ этомъ сообщено и самому Атагуальпѣ. Идти теперь въ сторону — значитъ навлечь на себя подозрѣніе въ трусости и заслужить презрѣніе; нужно идти прямо черезъ горы, къ мѣсту расположенія индѣйскаго войска. Пусть каждый ободрится: не безпокойтесь о вашей малочисленности: самъ Богъ за насъ; онъ конечно низложитъ гордыню язычниковъ и приведетъ ихъ къ познанію истинной вѣры, единой и великой цѣли нашего похода.» Пизарро былъ солдатъ съ молодыхъ лѣтъ и потому сумѣлъ найти себѣ прямой доступъ въ солдатское сердце. «Веди насъ, кричали въ отвѣтъ воины, — веди насъ, куда знаешь. Мы отъ тебя нигдѣ не отстанемъ, и ты увидишь, какъ мы исполнимъ то, чѣмъ обязаны Богу и королю.»

Францискъ Пизарро двинулся впередъ. Трудностей въ пути оказалось больше, чѣмъ ожидали: искусная горная тропинка была мѣстами такъ крута, что приходилось идти пѣшкомъ, таща лошадей за узду; мѣстами же она шла по окраинамъ пропастей, и одинъ неловкій шагъ увлекалъ несчастнаго въ бездну, бездну часто въ нѣсколько тысячъ футовъ глубины.

Испанцы боялись встрѣтить засаду въ узкихъ ущельяхъ; разъ привела ихъ въ трепеть твердая каменная крѣпость, находившаяся въ узкой долинѣ, но миновавъ ее благополучно, они увѣрились, что Атагуальна рѣшился не противиться ихъ проходу. По мѣрѣ восхода на горы, климатъ становился холоднѣе: люди и лошади терпѣли отъ холода. Съ климатомъ измѣнялась и растительность: великолѣпныя тропическія лѣсныя породы уступили свое мѣсто печальнымъ сосновымъ лѣсамъ, а еще выше пошли малорослыя альпійскія растенія. Казалось, высь была не доступна ничему живому; лишь изрѣдка, на скалѣ, висящей въ воздухѣ, показывалась легконогая викунья.... Виѣсто многочисленныхъ птицъ, яркія перья которыхъ сіяли въ темной глуши экваторіальныхъ лѣсовъ, видѣлась теперь лишь огромная андійская птица—зловѣщій кондоръ; носясь за облаками, онъ слѣдовалъ съ печальнымъ крикомъ за отрядомъ... Казалось, онъ инстинктомъ угадывалъ, что путь оросится кровью и трупами. Наконецъ достигли самаго гребня Кордильеръ, гдѣ почти нѣтъ никакихъ слѣдовъ прозябанія — развѣ только сухая желтая трава. Снизу кажется, что она окружаетъ снѣжные, серебряные пики золотымъ кольцомъ: ея желтый соломенный цвѣтъ принимаетъ подъ лучами солнца видъ золота. Пизарро остановился, поджилая свой арріергардъ. Было сыро и воздухъ отличался острымъ холодомъ. Размѣстили палатки и грѣлись у костровъ. Вскорѣ прибылъ и новый посолъ — благородный инка. Онъ восхвалялъ мужество и воинства способности своего властителя. На это испанскій вое-

начальникъ хотѣлъ показать что, нисколько не пугается такихъ разказовъ. Радуюсь побѣдамъ Атагуальпы, онъ замѣтилъ, что все таки перуанскій инка не болѣе, какъ ничтожный кацикъ въ сравненіи съ государемъ бѣлыхъ: это очевидно изъ той легкости, съ какою распространились Испанцы по матеріку; сюда пришли они, привлеченные славою Атагуальпы: они помогутъ ему въ междуособной войнѣ. Благородный инка выслушалъ все это хвастовство повидимому съ величайшимъ уваженіемъ. Быть можетъ онъ, какъ тонкій политикъ, не хотѣлъ обнаруживать до времени, что понимаетъ, какъ смѣшно храбрится передъ нимъ испанецъ..... Потомъ, на восточныхъ склонахъ Кордильеръ, прибылъ къ Пизарро еще новый посолъ. Онъ пилъ опьяняющій напитокъ *чичу* изъ золотыхъ сосудовъ; отъ алчности у бѣлыхъ людей глаза разгорѣлись ярче, чѣмъ горѣли самые сосуды. Въ то время какъ съ новоприбывшимъ инкой обходились съ высокимъ уваженіемъ, воротился индѣйскій вѣстникъ, посланный туда Пизарро; едва увидѣлъ онъ, какъ обращались съ инкой — онъ въ бѣшенствѣ закричалъ: «стоитъ ли эта перуанская собака, чтобы съ нею обращались такъ, когда я самъ едва не лишился жизни, бывши вашимъ посломъ у моихъ земляковъ». И дѣйствительно, въ перуанскомъ лагерѣ приняли посла Пизарро весьма дурно; это, да еще то, что туземцы опустошили близлежащей отъ лагеря городъ, Кахамалку—казалось чѣмъ те недобрымъ, но инка посолъ хладнокровно замѣтилъ Пизарро: «съ посломъ обошлись дурно потому, что онъ не взялъ удостовѣритель-

ныхъ знаковъ своего званія, а городъ оставленъ, чтобы дать помѣщеніе бѣлымъ людямъ. Такое объясненіе однакоже не вполне успокоило Пизарро.

На шестой день пути по восточному скату Кордильеръ Испанцы достигли окрестностей Кахамалки. Съ высоты они увидѣли великолѣпное зрѣлище: овальная кахамалкская долина нѣжила глазъ богатымъ ковромъ зеленѣющихъ плантацій, составлявшихъ рѣдкую противоположность съ мрачными формами Андоевъ, окружавшихъ ее. Народонаселеніе здѣсь отличалось особеннымъ благосостояніемъ. По лугамъ протекала широкая рѣка, отъ которой всюду проведены были каналы. Городъ, съ бѣлыми своими домами, ярко сіявшими на солнцѣ, лежалъ прямо подъ ногами; Далѣе, у горизонта, поднимались къ небу столбы пара: это были испаренія знаменитыхъ тѣплыхъ источниковъ, въ которыхъ теперь бралъ ванны самъ царь. Но здѣсь же представилось и очень неспокойное зрѣлище для Испанцевъ: по скатамъ холмовъ разбросано было безчисленное множество шатровъ. «Мы преисполнились удивленія, восклицаетъ одинъ изъ Испанцевъ,—когда увидѣли крѣпкую позицію Индѣйцевъ! Зрѣлище ея произвело замѣшательство и даже родъ страха въ сердцахъ самыхъ смѣлыхъ.... Но бѣжать было поздно.... а также и обнаружить малѣйшій знакъ робости; хладнокровно осмотрѣвъ мѣстность и принявъ сколь возможно смѣлый видъ, мы приготовились къ вступленію въ Кахамалку.»

Воинственный отрядъ христіанъ двинулся въ Кахамалку изъ темной глубины горнаго ущелья, при лучахъ

вечерняго солнца: знамена развѣвались, вооруженіе ярко блестѣло. Едва ли смотрѣлъ безтрепетно и Атагуальпа на таинственныхъ чужеземцевъ! Войско Пизарро вступило въ городъ тремя отрядами; двигалось оно среди совершеннаго безмолвія... Пизарро въ тотъ же вечеръ послалъ своего брата Гернандо и де-Сото къ инкѣ. Кавалеристы пустились вскачь по шоссе, соединявшему городъ съ перуанскимъ станомъ. Скоро они достигли и стана. Въ минуту ихъ прибытія пики перуанскихъ воиновъ были воткнуты въ землю, а сами воины прогуливались между мирно сложеннымъ орудіемъ. Съ молчаливымъ изумленіемъ встрѣтили Индѣйцы поѣздъ христіанъ..... Этотъ поѣздъ приближался, какъ какое то странное видѣніе, несомое на крыльяхъ вѣтра. Вооруженіе брянчало; трубы пронзительно звучали. Пріѣхавшимъ указали жилище инки; это былъ павильонъ, покрытый блестящею штукатуркою бѣлою и цвѣтною. На дворѣ дома находилось много знатныхъ Индѣйцевъ въ богатоукрашенныхъ одеждахъ. Между ними нетрудно было узнать повелительнаго инку, онъ былъ одѣтъ проще другихъ. На немъ была пурпуровая бахрама, спускавшаяся до самыхъ бровей; онъ сидѣлъ, подобно турку, на низкомъ стулѣ или подушкѣ; его окружала туземная знать. Осанка инки была важна и выражала спокойное сознаніе своего могущества; но черты лица обнаруживали то равнодушіе, которое любятъ выказывать всѣ американскія племена. Тихо и почтительно подѣхали Испанцы. Они объявляли о цѣли своего пріѣзда и при-

глашали Атагуальпу на слѣдующій день къ себѣ въ гости.

Инка молчалъ, опустивъ глаза въ землю. За него отвѣчалъ переводчикъ. Гернандо Пизарро, сталъ учтиво просить инку—самого высказаться. И тотъ наконецъ проговорилъ съ легкою улыбкою, что по окончаніи своихъ религіозныхъ обязанностей онъ пріѣдетъ къ Испанцамъ. Сото замѣтилъ, съ какимъ любопытствомъ инка разсматривалъ его лихаго великолѣпнаго скакуна: свирѣпо грызъ скакунъ удила и съ нетерпѣніемъ билъ копытомъ о землю. Не говоря ни слова, испанскій кавалеръ пришпорилъ коня поскакалъ во весь опоръ по полю; онъ заставлялъ животное дѣлать—круги, и выказалъ всю его красоту. Наконецъ, осадивъ лошадь на всемъ скаку, онъ заставилъ ее присѣсть на заднія ноги и налетѣлъ чуть не на самого Атагуальпу. Пѣна, покрывавшая бока коня, брызнула на присутствовавшихъ. Атагуальпа сохранилъ невозмутимое спокойствіе, между тѣмъ какъ многіе воины припали со страха къ землѣ. Говорятъ, инка велѣлъ казнить ихъ за столь презрѣнную трусость передъ чужеземцами.....

Таковы были обстоятельства первой встрѣчи съ инкою. При наступленіи ночи, Испанцы увидѣли передъ собою разсыпанные по горамъ бивуачные огни Перуанцевъ; «огни эти были часты, какъ звѣзды.» Отступать передъ такой грозой—значило погубить себя на вѣрное; оставаться въ бездѣйствіи было ни сколько не лучше. Если уже разъ попали въ западню, такъ надо было выпутаться изъ нее какимъ нибудь

отчаянно смѣлымъ дѣйствіемъ. На послѣднее и рѣшились безстрашные Испанцы, они задумали захватить инку въ плѣнъ, когда тотъ пріѣдетъ на слѣдующій день къ нимъ въ гости.... И это въ виду всего индѣйскаго стана! Имѣя Атагуальпу въ своихъ рукахъ, Пизарро могъ предписывать законы всему царству. Поглядѣвъ на страшныя огни Перуанцевъ, воодушевившись въ виду грозной опасности, наши храбрецы разошлись по квартирамъ, но конечно не для сна. По крайней мѣрѣ едва ли могли скоро заснуть тѣ, которые знали, что на завтра — или полный успѣхъ, или безвозвратная гибель!

Ночной мракъ разсѣялся; ясное солнце возшло на слѣдующее утро. Это утро 16 ноября 1532 года — утро замѣчательное въ исторіи Перу. Съ первой зарей трубный звукъ призвалъ Испанцевъ къ оружію.

Надобно сказать, что въ Кахамалкѣ помѣщались они на треугольной площади, окруженной съ трехъ сторонъ рядами низкихъ домовъ, имѣвшихъ просторные дворы съ широкими выходами на площадь. На этихъ дворахъ расположили кавалерію подѣ начальствомъ Гернандо Пизарро и де-Сото; Кандія съ нѣсколькими фальконетами занялъ крѣпость. Всѣмъ приказано было быть на мѣстахъ еще до прибытія инки. Выстрѣлъ долженъ былъ подать сигналъ къ захвату Атагуальпы.

Предводитель озаботился также, чтобы все дѣйствіе совершалось быстро и дружно; только отъ быстроты и совокупности ихъ могъ зависѣть успѣхъ; приказалъ также имѣть въ исправности оружіе и по-

вѣсить на лошадей бубенчики,—чтобы увеличеніемъ шума устрашить Индѣйцевъ. По окончаніи всѣхъ военныхъ распоряженій молили Бога брани осѣнить щитомъ своимъ воиновъ, сражающихся для распространенія торжества креста. День уже много подвинулся, когда пріѣхалъ вѣстникъ и объявилъ, что инка и его люди будутъ вооруженные, потому что и Испанцы были у нихъ съ оружіемъ. Непріятно было такое извѣстіе, но возражать не было возможности. Послѣ полудня двинулась индѣйская процессія. Впереди шло множество слугителей, сбрасывавшихъ камешки и соломенки съ дороги. Высоко надъ толпою виднѣлся инка, несомый сановниками, «сіявшими какъ солнце.» Вдругъ Пизарро съ увлеченіемъ замѣтилъ, что процессія остановилась и готовится расположиться лагеремъ внѣ города; инка былъ намѣренъ переночевать и уже на слѣдующій день вступить въ городъ. Пизарро очень хорошо зналъ, какъ томительно будетъ ожиданіе развязки для его солдатъ, и потому попытался отворотить Атагуальпу отъ его рѣшенія. Онъ приказалъ сказать Атагуальпѣ, что приготовилъ угощеніе именно на сегодняшній день и потому ждетъ инку къ себѣ ужинать: отказъ инки огорчить его. Инка подался на эти лукавыя слова; онъ оставилъ большую часть войска внѣ города и вступилъ туда только съ одной свитой. Конечно ему и въ голову не приходило, что горсть пришельцевъ можетъ на него напасть. Цѣлая толпа людей въ матеріяхъ чисто бѣлаго, бѣлаго и краснаго—расположенныхъ шашками—и наконецъ лазореваго цвѣтовъ вошла въ городъ. Атагуальпу

внесли на золотомъ массивномъ тронѣ несмѣтной цѣны: паланкинъ, прикрывавшій инку, пестрѣль яркими перьями тропическихъ птицъ и золотыми и серебряными бляхами; на шеѣ инки висѣло ожерелье изъ изумрудовъ необыкновенной величины и блеска. Не видя никого на площади, Атагуальпа спросилъ: «Гдѣ же чужеземцы?» Въ эту минуту показался доминиканскій монахъ Вальбердъ—съ библіею въ одной рукѣ и крестомъ въ другой. Монахъ сталъ объяснять инкѣ ученіе о Троицѣ, сотвореніи человѣка, грѣхопаденіи и пр; въ заключеніе же онъ предложилъ Атагуальпѣ признать себя данникомъ императора Карла V. Сомнительно—понялъ ли Атагуальпа религиозные доводы монаха; но за то безъ сомнѣнія онъ совершенно хорошо понялъ ту часть рѣчи, которая убѣждала его признать надъ собою власть другаго. Глаза индѣйскаго государя сверкнули гнѣвомъ, и онъ отвѣтилъ: «Я не хочу быть ни чѣмъ данникомъ! Я выше всѣхъ государей на землѣ!... Быть можетъ вашъ императоръ также сильный государь—въ такомъ случаѣ я согласенъ признать его братомъ. Что же касается до моей вѣры — я не измѣню ей!» Потомъ онъ прибавилъ: «Скажи своимъ товарищамъ, что они дадутъ мнѣ отчетъ во всемъ, что сдѣлали въ моемъ государствѣ.» Воротясь къ Пизарро, монахъ сказалъ ему: «Не видишь ты, что, пока мы разговариваемъ съ инкой, площадь наполняется Индѣйцами? Впередъ! разрѣшаю васъ!» Пизарро махнулъ бѣлымъ шарфомъ. Раздался выстрѣлъ. Пизарро крикнулъ: «Санъ—Яго и впередъ!» Испанцы хлынули на площадь. Внезап-

ность нападенія, громъ артиллеріи, эхо, повторявшее пальбу раскатами грома, дымъ—все это навело на Индѣйцевъ панической страхъ. Знать и чернь были опрокинуты стремительнымъ натискомъ кавалеріи. Безъ пощады рубили Испанцы на право и налѣво. Ужасъ навели на несчастныхъ туземцевъ мечи, сверкашіе въ сумеркахъ. Всѣ пути къ бѣгству были замкнуты; однакожъ отчаяніе было такъ велико, что туземцы, хлынувъ на стѣну изъ камня и глины, окружавшую площадь, сдвинули ее собою и образовали широкое отверстіе. Испанцы бросились въ погоню за бѣглецами.... Между тѣмъ кровавый бой кипѣлъ вкругъ инки. Подданные инки защищали своего государя своими тѣлами. въ смертныхъ судорогахъ цѣплялись они за ноги всадниковъ и коней. Носилки Атагуальпы колыхались во всѣ стороны, повинувъсь напору и отпору толпы. Дѣло не подавалось впередъ. Нѣсколькимъ всадникамъ вздумалось было покончить разомъ — умертвивъ инку. Но Пизарро, громовымъ голосомъ, закричалъ: «Кому дорога жизнь — не тропь инки!» Снова закипѣлъ бой. Носилки опрокинулись. Если бы Пизарро и другіе кавалеры не подхватили инку на руки—онъ упалъ бы на землю. Несчастный Атагуальпа былъ отведенъ въ заключеніе. Населеніе разбѣжалось во всѣ стороны, узнавъ роковую вѣсть о плѣнѣ инки. «Мудрено ли,» говорилъ потомъ одинъ старый индѣецъ испанцу, «мудрено ли, что земляки мои потеряли присутствіе духа, увидѣвъ, что кровь течетъ, какъ вода, и что священная особа инки схвачена и увлечена въ плѣнъ горстью людей?»

Пизарро сдержалъ свое слово: онъ ужиналъ съ Атагуальпой. Плѣнникъ сидѣлъ подлѣ своего побѣдителя. Казалось, онъ не вполне понималъ всю великость своего несчастія. «Это участь войны,» сказалъ онъ. Говорятъ, будто инка упоминалъ при этомъ что до сихъ поръ нисколько не опасался малочисленныхъ Испанцевъ, что заманилъ нарочно ихъ въ горы, думая всѣхъ умертвить и только нѣкоторыхъ оставить въ своей службѣ. Но все это сомнительно. Инка былъ хитеръ; чтобы онъ открывалъ такъ простодушно свои замыслы — это не вѣроятно. Вѣрнѣе всего, что на инку ядовито клеветалъ маленькій Филиппъ, бывший переводчикомъ, и, изъ ненависти, при переводѣ переиначивавшій слова инки.

Пизарро былъ чрезвычайно внимателенъ къ инкѣ. Онъ уговаривалъ плѣнника не приходить въ отчаяніе: «Небу, говорилъ онъ Атагуальпѣ, угодно было смирить твою гордость; тебѣ слѣдуетъ покориться и положить на Испанцевъ, которые очень великодушный народъ.»

Едва ли Атагуальпа проникся великодушіемъ Испанцевъ послѣ только что кончившагося кровопролитія. На другой день Пизарро отправилъ 30 всадниковъ разогнать Индѣйцевъ: они съ суевѣрнымъ трепетомъ смотрѣли на бѣлыхъ людей и безъ сопротивленія разсѣялись. Нѣкоторые изъ Испанцевъ предлагали умертвить взятыхъ въ плѣнъ или по крайней мѣрѣ отрубить имъ руки: эта мѣра сдѣлала бы ихъ не опасными. Пизарро отказался отъ такого варварства; но уже по тому, что оно было предложено —

можно видѣть, что за люди окружали Пизарро! Посланы были люди въ окрестности для фуражировки: они нашли огромные стада ламъ въ окрестностяхъ купалень. Вотъ какъ велика была добыча: убивали, нерѣдко, въ день по 150 перуанскихъ овецъ. Отрядъ, отправленный для разграбленія увеселительнаго инкского дворца, привезъ богатую добычу и серебра, и золота. Съ убитыхъ вельможъ сняты уборы изъ великолѣпныхъ изумрудовъ. Въ Кахамалкѣ нашли кладовыя, наполненныя бумажными и шерстяными матеріями. Матеріи эти навалены были отъ пола до потолка. Каждый солдатъ бралъ себѣ, сколько хотѣлъ.

Теперь Пизарро думалъ двинуться прямо къ перуанской столицѣ. Онъ отправилъ въ Санъ Мегуэль гонца—узнать, нѣтъ ли свѣжихъ подкрѣпленій изъ Панама. Между тѣмъ люди заняли сооруженіемъ церкви въ Кахамалкѣ. Когда она была готова, въ ней, каждый день служили обѣдню доминиканскіе монахи, со всею торжественностію. Но не смотря на религіозное рвеніе Испанцевъ, Атагуальпа вскорѣ открылъ въ нихъ жадность къ золоту. Ею онъ рѣшился воспользоваться для своего освобожденія. Ему необходимо было поторопиться: братъ его Гуаскаръ еще содержался въ темницѣ; онъ могъ завести сношенія съ побѣдителями, и, сдѣлавшись ихъ орудіемъ, вступить при ихъ помощи, на престолъ. Тогда для Атагуальпы все было бы потеряно; теперь стоило только выкупиться; а тамъ взволновать населеніе и уничтожить пришельцевъ.... Такъ по крайней мѣрѣ Атагуальпа рассчитывалъ и раздумывалъ.

Однажды Атагуальпа сказалъ Пизарро, что если тотъ отпустить его, то онъ, въ благодарность, устелетъ золотомъ полъ комнаты, въ которой находился. Присутствующіе недовѣрчиво улыбнулись. Тогда инка отвѣчалъ на эту улыбку не безъ нѣкотораго самохвальства: « Не только покрою я золотомъ полъ, но наполню этимъ металломъ и всю комнату, и такъ высоко, какъ только могу достать; » и ставъ на цыпочки, онъ поднялъ руку по стѣнѣ. Всѣ смотрѣли на него съ изумленіемъ, почитая это пустымъ самохвальствомъ. Но Пизарро серьезно задумался.... Онъ понималъ, что слухи о богатствѣ Перу, а также, слѣдланые Атагуальпой блестящее описаніе столицы, въ которой будто бы крыши храмовъ одѣты золотомъ, стѣны обоями, а полъ плитами тогоже драгоценнаго металла—что все это не могло не имѣть какого нибудь основанія. Во всякомъ случаѣ благоразуміе требовало согласиться на предложеніе инки. Черезъ это можно было разомъ собрать все золото въ одно мѣсто, и предохранять его отъ утайки и расхищенія туземцами. И такъ Пизарро согласился на предложеніе инки, провелъ въ присутствіи свидѣтелей красную черту на той высотѣ, гдѣ инка указывалъ и заключилъ договоръ о выкупѣ. Говорятъ, что до сихъ поръ показываютъ комнату Атагуальпы, гдѣ еще уцѣлѣла красная черта. Сверхъ того инка обѣщалъ еще дважды наполнить серебромъ сосѣднюю комнату, меньшихъ размѣровъ. Онъ отправилъ гонцевъ въ Куско и другія мѣста государства собирать драгоценности.

Все это время Пизарро дружно относился къ инкѣ. Онъ дозволилъ плѣннику имѣть при себѣ любимыхъ женъ; къ плѣннику имѣли доступъ знатнѣйшіе индѣйскіе вельможи: они обыкновенно являлись въ его присутствіе босикомъ и, въ знакъ уваженія къ его особѣ, съ пошей на спинѣ. Испанцы также не упускали случая говорить инкѣ о христіанствѣ, въ этомъ благомъ дѣлѣ обыкновенно подвизался отецъ Вальвердъ. Инка слушалъ съ важностью и наружнымъ вниманіемъ рассказы отца, а думалъ, разумѣется, о своемъ освобожденіи. Узнавъ о замыслахъ Гуаскара бѣжать изъ заключенія, о чемъ предъугадывалъ заранѣ, — онъ, не задумываясь, велѣлъ умертвить брата. Умирая Гуаскаръ воскликнулъ, что бѣлые люди отомстятъ за его смерть. Инкѣ донесли о смерти брата, онъ притворился, будто это было неожиданною для него новостью, и не замедлилъ опечалиться.

Прошло уже нѣсколько недѣль съ тѣхъ поръ, какъ разсланы были приказанія свозить въ Кахамалку сокровища. Но разстоянія были велики, и сборъ выкупа производился медленно; всего чаще привозились массивныя золотыя блюда, изъ которыхъ нѣкоторыя вѣсили по *пятидесяти* и по *семидесяти* пяти фунтовъ. Были привозимы и предметы цѣпностію въ 900,000 руб. сер. — каждый; корыстолюбивые завоеватели пожирала сказочныя груды сокровищъ. Они, убѣдившись теперь совершенно въ справедливости обѣщаній инки, дѣлались все корыстолюбивѣе, все нетерпѣливѣе. Они стали уже поговаривать, что инка нарочно тянетъ дѣло и имѣетъ тайныя сношенія со своими поддан-

ными, желая доказать чистоту своихъ намѣреній. Атагуальпа предложилъ отправить Испанцевъ въ Куско и другія мѣста царства, для личнаго наблюденія за сборомъ сокровищъ и за населеніемъ. Такъ въ Куско послали нѣсколькихъ Испанцевъ, а Гернандо Пизарро съ 20 всадниками поручено было осмотрѣть окрестности. Онъ нашелъ населеніе спокойнымъ и потомъ скоро получилъ приказаніе ѣхать въ Пашакамакъ. Тамъ находился оракулъ древняго божества того же имени. Религія Пашакамака, религія предшествовавшая религіи инковъ, была даже до сихъ поръ особенно сильна въ народѣ. Инки не посмѣли истребить ее. Изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ стекались въ Пашакамакъ богомольцы. Черезъ нѣсколько недѣль пути прибыли сюда Гернандо и его спутники: каменный храмъ стоялъ на горѣ; его покрывала соломенная крыша, какъ то обыкновенно бываетъ въ странахъ, гдѣ рѣдко идетъ дождь. Испанцы были остановлены привратниками, но Гернандо объявилъ, что пришелъ слишкомъ издалека, чтобы воротиться назадъ; онъ вошелъ силою и проникнулъ чрезъ галерею на гору, къ той самой площадкѣ, на которой стоялъ храмъ. Индѣйцы снова стали умолять Пизарро не продолжать пути. Въ эту минуту раздались раскаты землетрясенія. Для Индѣйцевъ это было голосомъ оскорбленнаго божества; но Пизарро не обратилъ на землетрясеніе никакого вниманія; онъ принялся ломать двери. Испанцы надѣялись найти въ храмѣ золотыя и серебряныя сокровища; но каково же было ихъ удивленіе, когда они увидѣли сырую, мрачную пещеру, наполненную зловонными газами.

Лишь на землѣ найдено было нѣсколько кусковъ золота, да нѣсколько изумрудовъ — признакъ того, что жрецы уже успѣли припрятать сокровища. Со злостію принялись Пизарро и его люди ломать безобразнаго идола, найденнаго въ самомъ темномъ углу храма. На мѣстѣ его они поставили крестъ, и крестъ этотъ, переживъ сотни злодѣяній и поколѣній, стоитъ тамъ еще до сихъ поръ... Впрочемъ походъ свой совершилъ Гернандо Пизарро не даромъ; онъ сдѣлалъ два приобрѣтенія; во первыхъ—онъ открылъ часть сокровищъ, зарытыхъ въ окрестностяхъ храма, во вторыхъ—узналъ, что въ окрестныхъ горахъ стоитъ съ сильнымъ войскомъ Чалькучима, родственникъ Атагуальпы. Чалькучима считался лучшимъ перуанскимъ полководцемъ; захватить его было особенно важно. Гернандо такъ и думалъ поступить; а думать—значило сдѣлать. Не теряя времени, онъ отправился черезъ горы. Труденъ былъ этотъ горный переходъ: подковы лошадей истерлись о скалы; для новыхъ не было желѣза; было только золото, да серебро — и подковы сдѣлали изъ послѣдняго металла, какъ болѣе крѣпкаго. Гернандо удалось мирно свидѣться съ Чалькучимой, и онъ сталъ уговаривать индѣйскаго полководца отправиться съ нимъ въ Кахамалку. Индѣецъ колебался, но наконецъ согласился въ надеждѣ лично объясниться со своимъ повелителемъ и получить отъ него приказанія. Въ путь отправился Чалькучима съ большою пышностію; однако вся эта пышность исчезла въ присутствіи инки. Смирненно, босикомъ и съ ношей на спинѣ явился военачальникъ передъ своимъ повелителемъ. «О, если бы

я былъ здѣсь! этого бы не случилось!» воскликнулъ онъ, глядя на плѣннаго Атагуальпу. Потомъ онъ припалъ къ его ногамъ, облобызалъ его руки и ноги и облилъ ихъ слезами. Атагуальпа со своей стороны не выказалъ никакой чувствительности; онъ иначе и не могъ бы поступить: по понятіямъ Перуанцевъ, его званіе ставило его неизмѣримо выше каждаго изъ его подданныхъ. Педро Пизарро приводитъ интересный примѣръ того, какъ подданные страшились разгнѣвать своего инку: когда Атагуальпа былъ уже испанскимъ плѣнникомъ, онъ позволилъ одному изъ вельможъ съѣздить на опредѣленный срокъ въ отдаленное мѣсто; вельможа запоздалъ, и когда явился къ инкѣ—колѣна его такъ тряслись, что онъ едва стоялъ.

Вскорѣ по возвращеніи Гернандо Пизарро изъ Пашакамака, возвратились и Испанцы, посланные въ Куско. Они подтвердили рассказы о богатствѣ и великолѣпнн перуанской столицы. По словамъ ихъ, великій храмъ солнца буквально былъ покрытъ золотомъ; они видѣли также находившіеся въ храмѣ муміи инковъ; каждая посажена была на престолѣ, убранномъ золотомъ.

Число блудъ, взятыхъ изъ храма для выкупа, простиралось до 700, но въ храмѣ осталось еще много сокровищъ, напримѣръ золотой карнизъ, опоясывавшій все зданіе; да и въ другихъ городскихъ храмахъ и зданіяхъ было разсыяно множество драгоценностей. Испанцы въ Куско обнаружили самую отвратительную хищность; они

безъ сомнѣнія были бы разорваны на куски туземцами, если бы эти не уважали въ нихъ посланцевъ своего государя.

Въ Кахамалку доставлено было двѣсти вьюковъ золота, чѣмъ значительно пополнился выкупъ... При такихъ то обстоятельствахъ, когда казалось участь Атагуальпы должна была уллучиться, она только сдѣлалась хуже: прибыли подкрѣпленія на трехъ корабляхъ подъ начальствомъ Альмагро;— а чѣмъ сильнѣе становились Испанцы, тѣмъ болѣе бѣдствій могли ждать себѣ ихъ противники.

Альмагро, оставленный Пизарро въ Панамѣ для сбора подкрѣпленій, долго не зналъ ничего о своемъ сотоварищѣ. Онъ случайно провѣдалъ объ основаніи Санъ-Мигуэля и уже здѣсь только восхищенъ былъ новостями о движеніи Пизарро за горы, о плѣнѣ инки и огромномъ выкупѣ, имъ предложенномъ. Вскорѣ по прибытіи своемъ въ Санъ-Мигуэль Альмагро снесся съ Кахамалкой, а потомъ явился и самъ сюда. Въ февралѣ 1533 года солдаты Пизарро вышли на встрѣчу своимъ землякамъ. Увидѣлись и оба капитана, и, по крайней мѣрѣ, на эту торжественную минуту забыли свою взаимную непріязнь. Испанцы были рады Испанцамъ: но не были рады имъ Индѣйцы... они смотрѣли на нихъ, какъ на новое стадо саранчи, прилетѣвшей опустошать ихъ отчизну... Солдаты какъ то увидѣли на небѣ что-то въ родѣ метеора или кометы и указали Атагуальпѣ. Онъ смотрѣлъ на явленіе ви-

мательно въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ и потомъ воскликнулъ съ печальнымъ видомъ: «такое же явленіе было видно незадолго до смерти отца моего!» Съ этой минуты уныніе овладѣло имъ, и онъ сталъ со страхомъ ждать будущаго.

Когда сплавили все золото, собранное для выкупа, его оказалось на *двадцать два съ половиною милліона рублей серебромъ*. Въ исторіи нѣтъ другаго примѣра, чтобы такая громадная сумма, и притомъ металломъ, досталась въ руки ничтожной горсти искателей приключеній. Возникли было споры относительно дѣлежа собранныхъ сокровищъ. Именно солдаты Альмагро, не участвовавшіе въ плѣненіи Атагуальпы, требовали себѣ одинаковой съ солдатами Пизарро доли сокровищъ. Они говорили: «если мы не помогали захватить инку, за то мы помогали стеречь и его, и собранныя сокровища». Однако, по соглашенію Пизарро и Альмагро, такая просьба не была признана основательною. Уладивъ затрудненія, военачальникъ торжественно принялся за дѣлежъ. Пизарро, приступая къ нему, молилъ небо «помочь исполнить дѣло совѣстливо и справедливо». Конечно, такая молитва была не умѣста при раздѣлѣ неравной добычи. Всѣ получили баснословныя доли; такъ Пизарро досталось золота на 970,000 руб. сер., серебра — болѣе 4½ тыс. фунтовъ; кромѣ того онъ взялъ себѣ золотой тронъ инковъ въ 425,000 руб. сер; не будемъ упоминать о доляхъ другихъ; скажемъ только, что каждый изъ шестидесяти простыхъ всадишковъ получилъ на 15000 руб. золота и 700 фунт. серебра. При раздѣлѣ ни слова не

было сказано ни объ Альмагро, ни о Лукъ. Первымъ дѣломъ, по окончаніи дѣлежа, было — порѣшить съ Атагуальпой. Конечно, такіе люди, какъ Испанцы XVI вѣка, собирались поступить не такъ, какъ требовала справедливость, а такъ, какъ было выгодно. «Если, думали они, — мы отпустимъ инку, мы возставимъ противъ себя весь край; держать же его въ плѣну и возить всюду съ собой затруднительно».... А тутъ еще инка громко требовалъ себѣ свободы! Онъ обращался съ этою просьбой и къ нѣкоторымъ кавалерамъ, и особенно къ де-Сото, съ которымъ былъ въ дружескихъ сношеніяхъ. Де-Сото передалъ просьбу Атагуальпы — Пизарро, но послѣдній уклонился отъ прямого отвѣта. Какъ нарочно, слухи о замышляемомъ туземцами нападеніи опять стали распространяться. Трудно разгадать откуда шли эти слухи: быть можетъ отъ Индѣйцевъ, мстившихъ за Гуаскара и, слѣдовательно, изъ ненависти, старавшихся вредить Атагуальпѣ; быть можетъ — отъ Филипелло, ненавидѣвшаго инку.... Какъ бы тамъ ни было, слухи эти указывали прямо на Атагуальпу, какъ на виновника замышляемаго зла. Мрачно посматривали на инку Испанцы.... Пизарро прямо обратился къ нему за объясненіями. «Зачѣмъ, сказалъ онъ ему, — замышляешь ты злое противъ меня, противъ меня, который всегда обращался съ тобой почтительно, довѣряя твоимъ словамъ, какъ словамъ брата?» — «Ты шутишь, отвѣчалъ Атагуальпа, — ты вѣчно шутишь со мною. Кто смѣетъ замышлять, чтонибудь противъ людей столь храбрыхъ, какъ Испанцы? Умоляю тебя — не шути со мною такъ жестоко!»

Эти слова, какъ по крайней мѣрѣ казалось, сказаны были съ видомъ спокойствія и чистосердечія. Предъ Атагуальпой раскрывалось мрачная бездна.... Горько жаловался Атагуальпа на отсутствіе своего доброжелателя Гернандо Пизарро, уѣхавшаго въ это время въ Испанію. Можетъ показаться страннымъ, но этотъ высококомѣрный кавалеръ сильно былъ тронуть несчастіями царственного индѣйца. «Развѣ я, повторялъ несчастный инка, — не злополучный плѣнникъ, находящійся въ вашихъ рукахъ? Могу ли я питать замыслы, подобные тѣмъ, въ которыхъ обвиняете меня; вѣдь я первый долженъ пасть ихъ жертвою! Мало знаете вы народъ мой, если думаете, что возстаніе можетъ произойти въ мое отсутствіе, когда сами птицы не смѣютъ летать тамъ, гдѣ имъ не велю!»

Многіе прямо и громко стали требовать смерти Атагуальпы, болѣе же другихъ спутники Альмагро; эти видѣли въ инкѣ лишь задержку для себя: имъ хочется идти поскорѣе впередъ, да обогатиться, а тутъ еще возятся съ плѣнникомъ! Пизарро по видимому неохотно прислушивался къ такимъ кровавымъ внушеніямъ; по видимому онъ раздѣлялъ миролюбивыя наклонности де-Сото и нѣкоторыхъ другихъ. Не смотря на это, положеніе инки стало еще опаснѣе: послѣдній настоящій его заступникъ — де-Сото былъ уланъ изъ Кахамалки, съ порученіемъ развѣдать: точно ли въ окрестностяхъ нѣтъ никакихъ военныхъ приготовленій. По отъѣздѣ этого кавалера волненіе между Испанцами только увеличилось: Пизарро согласился немедленно нарядить судъ надъ Атагуальпой. Глав-

нѣйшими обвиненіями противъ Атагуальпы были слѣдующія: 1) онъ похитилъ власть, умертвивъ своего брата Гуаскара, 2) онъ расточалъ государственные доходы уже по завоеваніи края Испанцами, слѣдовательно доходы не свои, 3) онъ виновенъ въ идолопоклонствѣ и многоженствѣ, 4) онъ замышлялъ возстаніе противъ Испанцевъ. Одно уже исчисленіе этихъ нелѣпыхъ обвиненій показываетъ, что гибель инки рѣшена была заранѣе. Послѣ столь же нелѣпаго судебного слѣдствія поднялся жаркій споръ: выгодно или нѣтъ предать Атагуальпу смерти. Нашли, что выгодно.... и инка былъ приговоренъ къ сожженію живымъ на кахамалкской площади. Жестокосердый монахъ Вальвердъ, отъ котораго много зависѣло утвержденіе приговора, написалъ, что «по его мнѣнію во всякомъ случаѣ подсудимый заслуживаетъ смерти».

Выслушавъ рѣшеніе своей участи, инка въ первую минуту совершенно упалъ духомъ. «Чѣмъ, восклицалъ онъ съ горестью, — я или дѣти мои провинились и заслужили такую участь? И при томъ еще отъ васъ!... отъ васъ, которыхъ народъ мой встрѣтилъ радушно и дружески; съ которыми раздѣлилъ я свои сокровища и которые, кромѣ добра, ничего отъ меня не видѣли!» Самымъ жалостнымъ голосомъ умолялъ онъ, чтобы жизнь его была пощажена. Одинъ очевидецъ рассказываетъ, что Пизарро казался растроганнымъ, выслушавъ слова Атагуальпы. Наконецъ, когда Атагуальпа убѣдился, что участь его не отворотима, онъ сдумѣлъ приобрѣсти то торжественно-спокойное при-

существо духа, которое свойственно индѣйскому воину въ минуту отчаянной опасности.

Осужденіе ийки возвѣщено было трубнымъ звукомъ на площади. Спустя два часа по захожденіи солнца, испанскіе солдаты, при свѣтѣ факеловъ, собрались туда. Это было 26 августа 1533 года. Атагуальпа приведенъ былъ скованный по рукамъ и ногамъ. Отецъ Вальвердъ стоялъ подлѣ него, стараясь утѣшить его и убѣждая принять христіанство; однимъ словомъ—онъ хлопоталъ спасти душу своей жертвы отъ огня на томъ свѣтѣ и охотно обрекалъ тѣло жертвы огню—на этомъ. Но никакое убѣжденіе не могло проникнуть въ душу ийки, хотя онъ и слушалъ внимательно. Наконецъ Вальвердъ въ послѣдній разъ обратился къ Атагуальпѣ и въ ту минуту, когда казнимый былъ уже обвязанъ хворостомъ, подаль ему крестъ; въ награду за принятіе вѣры, монахъ общалъ, замѣнить тяжкую казнь сожженія заживо задушеніемъ отъ дыма. Тогда несчастный спросилъ: дѣйствительно ли это будетъ такъ? и, получивъ утвердительный отвѣтъ, согласился на крещеніе: ему дали имя Хуана де-Атагуальпа, въ честь Іоанна крестителя, патрона того дня, въ который совершалось событіе. Потомъ онъ обратился къ Пизарро и умолялъ сжалиться надъ его дѣтьми... Да развѣ между людьми, которые нахмураясь окружали костеръ, можно было встрѣтить состраданіе? Послѣ, снова принявъ спокойный видъ, на минуту исчезнувшій, ийка отдался своей судьбѣ. Дымъ за клубился. Испанцы,

столпились въ кругъ костра и забормотали свои «сre-dos»—для спасенія души казнамаго!

Такъ погибъ послѣдній инка! Его ликъ выступаетъ передъ нами изъ тумана прошедшаго: прекрасный, строгій, съ глазами, налитыми кровью, придававшими всѣмъ чертамъ выраженіе какой то свирѣпости.... Важный, суровый съ подданными, инка былъ привѣтливъ съ чужеземцами, иногда даже шутилъ съ ними.... И это обращеніе съ Испанцами тѣмъ было привлекательнѣе, что запечатлѣно было грустью.

На слѣдующее утро тѣло инки перенесено было въ церковь Санъ-Франциско, гдѣ совершались похороны съ великою торжественностію... Пизарро и важнѣйшіе кавалеры присутствовали въ траурѣ; солдаты съ набожнымъ вниманіемъ слушали молитвы отца Вальверда объ усопшихъ....

Вдругъ божественная церемонія прервана была громкими криками и воплями, дверь церкви распахнулась, и въ нее вбѣжала толпа индѣйскихъ женщинъ, женъ и сестеръ инки. «Не такъ, кричали онѣ, должно хоронить инку!» Тутъ имъ объявили, что инка умеръ христіаниномъ, и вывели ихъ изъ храма. Многія изъ нихъ умертвили себя въ сладкой надеждѣ слѣдовать за своимъ повелителемъ въ свѣтлые чертоги бога-солнца.

Велико было удивленіе де-Сото, когда онъ, при своемъ возвращеніи, узналъ о смерти инки. Онъ везъ извѣстіе, что не нашель нигдѣ и признаковъ возмущенія. Онъ тотчасъ же отправился къ Пизарро и нашель его, какъ говорятъ, «въ большой шерстяной

шапкѣ, нахлобученной на глаза, въ знакъ печали.» «Ты поступилъ безразсудно, сказала де-Сото Пизарро, — Атагуальпу безсовѣстно оклеветали. Нигдѣ нѣтъ не-пріятеля; жители нигдѣ не шевелятся. На пути я вездѣ встрѣтилъ изъявленіе добраго расположенія, и вездѣ все спокойно. Если нужно было судить инку — его слѣдовало отправить въ Кастилію, къ императору.» Пизарро свалилъ вину всю на другихъ и между прочимъ на Вальверда. Эти обвиненія скоро дошли до этихъ «другихъ». Въ свою очередь они стали корить и уличать Пизарро. Споръ разгорѣлся и всѣ другъ друга уличали во лжи! Вышла самая площадная перебранка, которая конечно сильнѣе чѣмъ что либо другое доказываетъ невинность несчастнаго инки.

Упоминаютъ объ одномъ обстоятельстве, очень объясняющемъ осужденіе Атагуальпы личною злобою Пизарро:

Однажды инка попросилъ одного изъ солдатъ написать какое-то испанское слово на его ногтѣ. Написанное инка показывалъ поочередно каждому изъ своихъ тюремщиковъ, и каждый изъ нихъ при чтеніи произносилъ одинъ и тотъ же звукъ. Это очень забавляло Атагуальпу. Но когда показалъ инка написанное Пизарро, то послѣдній не выговорилъ ни слова, и инка, узнавъ, что Пизарро не умѣетъ читать, почувствовалъ презрѣніе къ военнопольному, менѣе образованному, чѣмъ солдаты. Этого чувства не умѣлъ онъ вполнѣ скрыть, а Пизарро не могъ забыть, ни простить оскорбленія.....

По смерти инки все пришло въ страшную анархію. Деревни были предаваемы туземцами пламени; дворцы и храмы были ограблены; золото, находившееся въ нихъ, похищено (теперь, благодаря урокамъ Испанцевъ, драгоценныя металлы получили цѣну въ глазахъ туземцевъ); драгоценности были отовсюду унесены и зарыты въ лѣсахъ и погребяхъ. Увѣряютъ, что количество золота и серебра, припрятаннаго туземцами, далеко превосходило то количество, которое попало въ руки Испанцевъ. Отдаленныя области уже не признавали власти инковъ. Полководцы возстали.

Виновники всѣхъ этихъ безпорядковъ, Испанцы, все еще находились въ Кахамалкѣ. Конечно имъ лучше всего было бы управлять страной отъ имени туземной власти, т. е. отъ имени инки, только такого инки, который былъ бы имъ совершенно послушенъ. Они такъ и сдѣлали: назначали *своего* инку, Топарку, брата Атагуальпы. По настоящему, инкой слѣдовало быть Манко, брату Гуаскара; но на Манко нельзя было положиться: былъ ли бы еще онъ послушенъ чужеземцамъ! Далѣе, весь отрядъ, въ сопровожденіи Топарки и Чалькучимы, выступилъ изъ Кахамалки въ сентябрѣ 1533 года. Шли къ Куско по большой инкской дорогѣ. Въ иныхъ мѣстахъ она проходила по гладкимъ равнинамъ, въ другихъ слѣдовала теченію горныхъ ручьевъ; въ иныхъ же пролегалла въ самыхъ крутыхъ горахъ. Въ послѣднемъ случаѣ она имѣла видъ лѣстницъ; несмотря на то, что всадники здѣсь спѣшивались, такія утесистыя ступени все таки рѣшительно портили лошадиныя копыта. Кромѣ того тяжелая кавалерія

нерѣдко прорывала своею тяжестью легкіе тростниковые мосты, перекинутые чрезъ рѣки. Много терпѣли путники также въ горныхъ проходахъ: холодный горный вѣтеръ продувалъ насквозь толстую солдатскую аммуницію; но въ особенности страдали бѣдные Индѣйцы, одѣтые очень легко и не привыкшіе къ суровой атмосферѣ. Были впрочемъ и удобства въ пути; такъ въ важнѣйшихъ городахъ Испанцы находили обильные запасы хлѣба — плодъ мудрой предусмотрительности инковъ. Непритель нигдѣ не тревожилъ Испанцевъ; только изрѣдка, какъ темныя тучки, показывались на горизонтѣ небольшіе отряды Индѣйцевъ, но и тѣ скоро скрывались. У города Шоки тучки было соединились въ темное облако; на протекавшей тамъ широкой рѣкѣ сломанъ былъ мостъ, а противоположный берегъ занятъ былъ многочисленными Индѣйцами. Безъ малѣйшаго колебанія бросились Испанцы въ воду — кто въ бродъ, кто вплавъ. Враги ихъ приведены были въ ужасъ этимъ смѣлымъ наступленіемъ и бѣжали. Здѣсь Пизарро вознамѣрился остановиться, основать колонію и между тѣмъ отправить де-Сото для розысковъ. Идя впередъ, де-Сото узналъ, что въ горныхъ проходахъ сидитъ сильная засада Индѣйцевъ. Ему непремѣнно надо было засвѣтло добратся до противоположныхъ скатовъ горъ. Осторожно пустился его отрядъ впередъ на усталыхъ лошадяхъ. Только что вступилъ онъ въ опасныя горныя тѣснины, какъ множество вооруженныхъ воиновъ высыпало изъ пещеръ и кустарниковъ. У Испанцевъ произошло общее разстройство: лошади были ослѣплены и приведены въ

бѣшенство стрѣлами; отчаянные туземцы цѣплялись за ихъ ноги и старались помѣшать ихъ движенію впередъ. Ободря своихъ починенныхъ старымъ воинственнымъ кликомъ, де-Сото прищпорилъ своего утомленнаго коня и пробился сквозь густые отряды туземцевъ; выбрались на широкую равнину. Обѣ противныя стороны остановились здѣсь на нѣсколько минутъ. По равнинѣ протекалъ ручей; напоивъ лошадей, Испанцы бросились въ атаку; Индѣйцы мужественно выдержали бой; только ночь разлучила сражавшихся. Сопротивленіе туземцевъ сильно поколебало духъ Испанцевъ; они со страхомъ ждали утра. Къ счастью, нагналъ ихъ за ночь Альмагро съ подкрѣпленіемъ. Ночь была чрезвычайно темна. Альмагро, опасаясь наткнуться на непріятельскіе бивуаки и желая дать знать де-Сото о своемъ приближеніи, приказалъ трубить. Звуки, дробясь перекатами по горнымъ ущельямъ, прервали сонъ людей де-Сото и показались имъ самою очаровательною музыкою. На разсвѣтѣ Индѣйцы съ ужасомъ увидѣли, что Испанцы выросли числомъ, воспользовались туманомъ и отступили; а Испанцы, съ своей стороны, выбрались изъ ущелій и стали ожидать Пизарро.

Пизарро, стоялъ въ Шокѣ, когда узналъ объ отступленіи враговъ; онъ велѣлъ отслужить благодарственное молебствіе... Однако онъ не поколебался въ это же самое время погубить Чалькучиму, обвиненнаго въ поджиганіи туземцевъ къ мятежу. Пизарро сказалъ Чалькучимѣ, что если Индѣйцы тотчасъ не положить оружіе, то его, Чалькучиму, сожгутъ жива-

го. Индѣецъ съ геройскимъ хладнокровіемъ отвѣчалъ на это Испанцу, что находясь въ заключеніи онъ не имѣеть возможности заставить ихъ покориться. На Чалькучиму надѣли оковы — зловѣщій знакъ! Въ добавокъ, предъ выступленіемъ изъ Шоки умеръ Топарка, и вина этой смерти также была приписана Чалькучимъ. Уже на дорогѣ приговорили индѣйскаго полководца къ казни. Отецъ Вальвердъ не замедлилъ уговаривать его принять христіанство; но всѣ увѣщанія падали на каменное сердце: Чалькучима холодно отвѣчалъ, что не понимаетъ вѣры бѣлыхъ людей. Онъ умеръ среди величайшихъ мученій, мужественно призывая великое имя Пошакамака.

Вскорѣ послѣ этого мрачнаго происшествія, въ станъ Пизарро неожиданно прибылъ Манко. Этотъ братъ несчастнаго Гуаскара заявилъ свои притязанія на достоинство инки. Конечно такая просьба не могла не порадовать Пизарро: какъ изъ земли выросъ новый *испанскій* инка, да еще прямаго перуанскаго, а не квитскаго происхожденія.

Великолѣпное зрѣлище открылось Испанцамъ, когда отрядъ ихъ подошелъ къ Куско. Былъ вечеръ; заходящее солнце золотило своими лучами величественный городъ, вмѣщавшій въ себѣ множество храмовъ. Низкіе ряды зданій, при свѣтѣ солнца, представлялись въ видѣ серебристыхъ линій и покрывали собою долину и покатоги горъ... На слѣдующее утро вступили въ городъ.

Столица инковъ хотя и не оказалась тѣмъ Эльдorado, о которомъ мечтали Испанцы, однако все таки

поразила пришельцевъ красотою своихъ зданій, длиною и правильностию улицъ и роскошью своего населенія. Особеннымъ великолѣпіемъ отличались царскія гробницы; между прочими зданіями многіе дома пестрѣли яркими цвѣтами, а ворота верѣдко были сдѣланы изъ цвѣтнаго мрамора. Самое значительное зданіе была крѣпость, расположенная на скалѣ, высоко поднимавшейся надъ городомъ; что касается знаменитаго «Храма солнца» — онъ уже не былъ такъ богатъ, какъ при инкахъ: его успѣли обобратъ Испанцы.

Пизарро запретилъ своимъ прикасаться къ имуществу частныхъ лицъ; но дворцы и храмы тотчасъ были ограблены. Испанцы сорвали съ царственныхъ мумій драгоценные камни и уборы, ихъ украшавшіе; они верѣдко даже подвергали пыткамъ жителей, добиваясь узнать: гдѣ зарыты клады; они разрывали самыя могилы, ища въ нихъ золота... И что за сокровища попадались въ руки алчныхъ пришельцевъ! Читая вѣкоторыя подробности о нихъ, рѣшительно думаешь, что читаешь какую то прихотливую сказку: такъ въ одной пещерѣ отыскали множество сосудовъ чистаго золота, въ другомъ мѣстѣ — четыре золотыя ламы и десять или двѣнадцать женскихъ статуй, однѣ изъ золота, другія изъ серебра. *«На нихъ даже смотрѣть было пріятно»*, навивно замѣчаетъ одинъ изъ Испанцевъ. Нашли также десять досокъ чистаго серебра; каждая изъ нихъ была: въ 20 футовъ длины, футъ ширины и три дюйма толщины! Доски эти предназначались на укра-

шеніе жилища одного знатнаго индѣйца. Испанцамъ достались кладовыя, переполненные роскошными издѣліями: ярко раскрашенными одеждами, изъ бумаги и перьевъ, золотыми сандаліями, женскими туфлями изъ того же металла; уборами, составленными исключительно изъ однихъ золотыхъ пуговицъ, наконецъ всякаго рода съѣстными припасами.

Всѣ сокровища, какъ въ Кахамалкѣ, свалены были въ одну общую груду. Добыча превосходила даже выкупъ Агагуальпы. По однимъ, на долю каждаго кавалериста досталось добра на 100000, а по другимъ на 10000 руб. сер.

Не къ добру вели всѣ эти сказочныя богатства, добытыя неправеднымъ путемъ: многіе изъ Испанцевъ предались отчаянной игрѣ въ кости и карты. Между прочимъ рассказываютъ объ одномъ кавалерѣ Легуизано слѣдующее: ему на долю досталось изображеніе солнца, на золотой доскѣ; вѣроятно изображеніе это не было, подобно всему остальному, сплавлено въ слитки, благодаря своей рѣдкой отдѣлкѣ. Этотъ богатый призъ проигранъ былъ Легуизано въ одну ночь; отсюда идетъ испанская пословица: *Jueg et sol antes que amanesca*, т. е. «проиграть солнце до солнечнаго восхода».

Не одно только зло расточительности и игры повели за собою легко пріобрѣтенныя перуанскія сокровища; они вызвали также за собою и неслыханную, баснословную дороговизну. Денегъ не знали куда дѣвать; денегъ было больше, чѣмъ чего либо другаго, а съ этимъ и вещи стали особенно цѣнны... Дестъ

бумаги продавалась за 170 руб. сер; бутылка вина за 1000 р; пара башмаковъ—за 500 или 700, а хорошая лошадь за 42,500 руб. сер.

Окончивъ раздѣлъ добычи, Пизарро занялся возведеніемъ Манко въ инкское достоинство. Ничто не было упущено, чтобъ придать церемоніи видъ великаго торжества. По туземному обычаю новый инка сначала соблюдалъ постъ и бдѣніе; потомъ Вальвердъ торжественно служилъ обѣдню; потомъ въ присутствіи всѣхъ Испанцевъ, на инку возложена была, на площади, пурпурная «борла» (діадема инковъ), только возлагалъ ее не жрецъ, какъ прежде, а самъ Пизарро.... При этомъ потребована была общая присяга въ вѣрности кастильскому престолу. Манко выпилъ изъ золотого сосуда *чики*, и Пизарро крѣпко обнялъ новаго инку.... Зазвучали трубы.... Жалкая, грустная комедія! Не торжество, а похоронная процессія перуанскаго государства!.... Солнце «сыновъ солнца» затмилось навсегда!....

За этимъ послѣдовали обычныя пиршества, появились муміи царственныхъ предковъ Манко.... Съ муміями этими по прежнему обходились, какъ съ живыми царями, по прежнему каждая изъ нихъ засѣдала за пиршественнымъ столомъ, на которомъ—увы! уже не видать было золотой посуды, прежде возвышавшей великолѣпіе этихъ празднествъ. Непомѣрно пили, ѣли, а потомъ и плясали легкомысленные Перуанцы!

Испанцы принялись устраивать и упрочивать свою власть въ странѣ: Пизарро побуждалъ переселяться сюда своихъ соотечественниковъ, щедро раздавая имъ земли; самъ онъ въ первый разъ принялъ теперь титулъ «губернатора». Съ своей стороны, монахи не оставались безъ дѣла: они ревностно принялись распространять христіанство между язычниками туземцами. Конечно не всѣ они походили на епископа Куско, отца Вальверда; не у всѣхъ изъ нихъ сердце было изсушено фанатизмомъ и сдѣлало ихъ равнодушными къ бѣдствіямъ несчастныхъ туземцевъ. Былъ между ними и высоко—достоинные люди, и нерѣдко миссіонеръ готовъ былъ мужественно возвысить свой голосъ противъ жестокостей завоевателей или противъ столь же губительной жадности колонистовъ; если увѣщанія оставались безуспѣшными, какъ то часто и случалось, то миссіонеръ старался, хоть сколько нибудь утѣшить несчастныхъ.

Губернаторъ (такъ мы будемъ называть Франциско Пизарро) получилъ нѣсколько вѣстей о многочисленныхъ войскахъ, собранныхъ полководцемъ Квицквицемъ въ окрестностяхъ Куско. Но и эта рать не устояла противъ рѣшительныхъ дѣйствій Испанцевъ. Пизарро рѣшилъ разсѣять ее и—разсѣялъ. Онъ послалъ на Квицквица Альмагро и много Индѣйцевъ, при которыхъ былъ Манко. Затѣмъ послѣдовало рѣшительное пораженіе туземцевъ; Квицквицъ бѣжалъ и былъ убитъ своими же воинами.

Не столько впрочемъ растревожила губернатора вѣсть о скопищѣ Индѣйцевъ, сколько одновременно получен-

ная вѣсть о походѣ испанца Альварадо въ Квито. Этотъ кавалеръ, сражавшійся съ Котесомъ при завоеваніи Мексики, задумалъ завоевать себѣ Квито, независимо отъ Пизарро. Онъ отправился изъ Гватималы, гдѣ былъ испанскимъ правителемъ. Во время этого похода его встрѣтили огромныя трудности. Проводникъ его отряда бѣжалъ на пути и оставилъ Испанцевъ въ непроходимыхъ горахъ; они заблудились и должны были ночевать среди льдовъ и снѣговъ. По мѣрѣ восхода на высоту стужа становилась все сильнѣе и невыносимѣе: люди коченѣли и едва шли впередъ; особенно страдали всадники, не имѣвшіе ни какого движенія. Индѣйцы гибли сотнями... Всякій разъ, на привалѣ, съ безмолвіемъ собирались Испанцы вокругъ огня и въ уныніи ждали утра; но утренній свѣтъ, холодно освѣщавшій безотрадную пустыню, не приносилъ съ собою радости. Путь злополучныхъ странниковъ только и обозначился что лоскутками одежды, обрывками сбруи, растрепанными золотыми украшениями, трупами да полумертвыми людьми, оставленными на гибель. Труповъ лошадей не кидали, — ихъ тотчасъ разрывали на куски и съ жадностью пожирали. Альварадо хотѣлъ было сохранить награбленную казну: онъ предложилъ каждому солдату столько, сколько кто пожелаетъ; но тѣ съ горькою усмѣшкою отвѣчали ему: пища намъ теперь дороже золота! Къ довершенію зла, воздухъ наполнился облаками пыли и пепла: онъ захватывалъ дыханіе. Оказалось, что это было послѣдствіе изверженія величественнаго волкана Котопахи. Наконецъ достигли возвышенной плос-

ности, высоту въ 9 тыс. фут. надъ поверхностью океана; здѣсь съ изумленіемъ увидѣли слѣды подковъ. Тутъ, какъ оказалось проходилъ отрядъ Бенальказара, другаго искателя приключеній. Этотъ Бенальказаръ назначенъ былъ отъ губернатора комендантомъ Санъ-Мигуэля. Ему, подобно Альварадо, вздумалось самовольно завоевать Квито и первому удалось водрузить кастильское знамя на древнихъ башняхъ города того же имени. Случилось такъ, что и Альмагро отправился въ эту же сторону. Онъ посланъ былъ губернаторомъ въ Санъ-Мигуэль для отпора Альварадо, соединенными силами съ Бенальказаромъ. Не найдя въ Санъ-Мигуэль послѣдняго, онъ отправился въ слѣдъ за нимъ и вскорѣ настигъ Бенальказара; они порѣшили вмѣстѣ поджидать появленія Альварадо. Когда этотъ узналъ, что въ Квито нѣтъ никакихъ особыхъ сокровищъ, и что стало быть не изъ чего хлопотать, то согласился продать губернатору, чрезъ посредство Альмагро, свои войска и послѣ того преспокойно удалился въ свою Гватималу; такъ и кончилась его пресловутая экспедиція.

Не зная, чѣмъ окончится столкновение Альмагро съ Альварадо, губернаторъ отправился провѣдать о ней къ морю. Сначала онъ побывалъ въ Шокѣ. Здѣсь инка Манко увеселялъ губернатора зрѣлищемъ большой народной охоты. Множество дикихъ звѣрей было убито; а викуны и другія бродячія по горамъ овцы

загнаны въ ограды и тамъ лишились своей шерсти. Прибывъ въ Пашакамакъ, Пизарро обрадованъ былъ договоромъ, заключеннымъ Альмагро и Альварадо. Здѣсь же послѣдовало и свиданіе послѣдняго съ губернаторомъ. Не смотря на свой повелительный и царственный видъ, губернаторъ много терялъ въ сравненіи съ своимъ собесѣдникомъ: очаровательная наружность, ловкость и веселость Альварадо влекли къ себѣ всѣхъ; его золотистыя кудри доставили ему отъ Мехиканъ названіе «Тоначи», т. е. «сына солнца». Бенальказаръ остался правителемъ Квито; тамъ онъ упрочилъ испанское господство; онъ же распространилъ это господство и дальше на сѣверъ.

Теперь, съ паденіемъ Квито, государство инковъ окончательно рушилось: носившій «борлу» Манко былъ лишь призракомъ инки, и губернатору вполнѣ прилично было подумать теперь объ основаніи *испанской столицы новаго кастильскаго владѣнія*. Куско не годился для это цѣли; онъ лежалъ среди горъ и не могъ соединять въ себѣ выгоды приморскаго города. Можно было выбрать для столицы Пашакамакъ; но губернаторъ предпочелъ ему мѣстность сосѣдней долины Римакъ. Тамъ онъ и заложилъ столицу (1535 г.), названную имъ Ціудаль-де-лосъ-Рейесъ и скоро получившую имя «Лимы», испорченное Римакъ. Для производства работъ собраны были Индѣйцы; но Испанцы и сами не прибрегали мирнымъ трудомъ, подъ личнымъ наблюденіемъ своего начальника. Мечъ уступилъ мѣсто рабочимъ инструментамъ. Лагерь превратился въ сборище усердныхъ земледѣльцевъ, а боевые клики замѣни-

лись говоромъ дѣятельнаго народонаселенія. Между тѣмъ и на *маршала* Альмагро (такъ обыкновенно называютъ его лѣтописцы), находившагося въ Кускѣ, была возложена обязанность: ему поручили самому или чрезъ подчиненныхъ—предпринимать завоеванія странъ къ югу, составляющихъ часть Чили. Казалось, губернаторъ и маршалъ жили въ ладахъ.... Чрезъ эти лады однако сквозила непріязнь; она напимѣръ выразилась недоувѣріемъ второго къ первому: при посылкѣ Гернандо Пизарро ко двору, Альмагро не упустилъ изъ виду отправить туда же и собственно своего представителя.

Послѣдуемъ же теперь за Гернандо и посмотримъ, что дѣлалъ онъ въ Испаніи. Мы видѣли, онъ уѣхалъ изъ Перу незадолго до осужденія и казни Атагуальпы. Въ 1534 году, въ январѣ, онъ благополучно прибылъ въ Севилью. Кромѣ королевской пятой доли добычи, онъ имѣлъ при себѣ еще золота на сумму 8.500,000 руб.! По пріѣздѣ его таможня рѣшительно была завалена сокровищами всякаго рола: слитками металловъ, сосудами различнаго вида, изображеніями животныхъ, цвѣтовъ, водометовъ и другихъ предметовъ—все изъ золота. Изъ всѣхъ окрестностей стекались толпы, чтобы поглазѣть на неслыханныя сокровища. Побывъ недолго въ Севильѣ, Гернандо Пизарро отобралъ самыя лучшіе образцы изъ вещей и отправился съ ними въ Калатаюдъ, гдѣ находился императоръ. Разумѣется, онъ былъ принятъ весьма

милостиво; онъ съ большимъ тактомъ разсказалъ Карлу V всю исторію завоеванія Перу, доведенную въ его повѣствованія до осужденія послѣдняго инки;.... Онъ еще не зналъ, что Атагуальпа переселился уже въ чертоги «Сслица.»

На губернатора посыпались новыя милости: его владѣнія не только утверждены были за нимъ, но и еще болѣе расширены; старикъ маршалъ также не остался безъ награды, и это вѣроятно потому, что собственный его агентъ хлопоталъ за него при дворѣ. Самъ Гернандо причисленъ былъ къ числу кавалеровъ ордена Сан-Яго, самаго уважаемаго въ Испаніи.

Увидѣвъ сокровища, привезенныя Гернандо Пизарро въ Испанію, цѣлыя толпы готовы были снова нахлынуть въ Новый Свѣтъ: торгашъ вмѣсто того, чтобы плыть за произведеніями востока, опять сталъ выгодно поглядывать на западъ; кавалеръ видѣлъ для себя заманчивое поприще на возвышенностяхъ Андовъ. Благоразумно сдѣлавъ губернаторъ, что послалъ съ братомъ сокровища на выставку въ Европу; онъ этимъ заманивалъ переселенцевъ, столь необходимыхъ теперь для колонизаціи новооткрытой земли..... Нѣсколько счастливецъ наталкиваются на печальную добычу; вслѣдъ за ними стремятся тысячи искателей приключеній—и... и погибають. Такъ было со многими, очень многими изъ людей, отправившихся за Гернандо, при его возвращеніи въ Новый Свѣтъ. Эта экспедиція Гернандо была очень несчастлива: едва онъ вышелъ въ море, какъ его встрѣтила буря; когда же прибылъ онъ къ берегу, то ничего не было приго-

товлено къ его прїѣзду; онъ тотчасъ могъ отправиться за горы, въ Перу, и его люди подверглись страшному голоду. Множество изъ нихъ погибло жертвами жаркаго климата и лишеній. Были однако, какъ и всегда, счастливы: этимъ удалось переправиться въ Перу, освоиться тамъ и, впоследствии, получить видныя мѣста.

Альмагро совершенно забылся отъ радости, когда узналъ, что ему предоставлены всѣ земли къ югу отъ Пизарровыхъ владѣній; теперь пришла пора и для него: онъ почувствовалъ себя независимымъ отъ человѣка, глубоко его оскорблявшаго, и не замедлил объявить, что болѣе не намѣренъ давать никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ; его превращенцы только разжигали его, и онъ сталъ наконецъ требовать, чтобы Куско былъ включенъ въ черту его владѣній; онъ упорно стоялъ на своемъ, не смотря на то, что никто еще не зналъ—дѣйствительно ли Куско находится къ югу отъ Пизарровыхъ земель, и, слѣдовательно, долженъ принадлежать Альмагро. Люди Альмагро стали позволять себѣ непростительныя вольности въ Куско: они просто вламывались въ чужіе дѣла и брали себѣ все. Что попадалось имъ подъ руку. Губернатора, жившаго въ Лимѣ, сильно беспокоило новое значеніе маршала; онъ еще не зналъ, что и собственные его предѣлы распространены къ югу, а потому не безъ основанія опасался за Куско; онъ рѣшился во всякомъ

случаѣ не выпускать города изъ своихъ рукъ; съ этою цѣлью отправилъ онъ своимъ братьямъ предписаніе взять Куско въ свое управленіе. Но ни Альмагро, ни его товарищи не хотѣли уступить. Споръ между двумя партіями такъ разгорѣлся, что въ немъ приняли участіе даже Индѣйцы. Дѣло доходило уже до крайности, какъ вдругъ въ Куско прибылъ самъ Пизарро. Прежде всего онъ повидался съ Альмагро. Опять все было прикрито личиною пріязни: рѣшено было хранить дружбу ненарушиме; рѣшено было дѣлить все поровну, всѣ издержки, всѣ будущія завоеванія. Отслужили обѣдную и божественною службою освѣтили дружбу. Такъ-то два старые товарища, разорвавъ всѣ узы пріязни и чести, думали снова скрѣпить ихъ святыми узами религіи. Необходимость именно такой мѣры прямо намекала на непрочность дружескихъ отношеній. Вскорѣ послѣ хитрому Пизарро удалось таки удалить на время Альмагро со сцены дѣйствія: Вѣроятно по его совѣту маршалъ предпринялъ экспедицію въ Чили. Впередъ отправился одинъ его отрядъ подъ начальствомъ офицера де-Сааверда. Маршалъ остался для набора другаго отряда; но скорѣ и самъ выступилъ, потому... потому что боялся оставаться вмѣстѣ съ губернаторомъ! Освободясь такимъ образомъ отъ своего врага, Пизарро тотчасъ же отправился къ берегу моря. Онъ заложилъ еще нѣсколько городовъ, и самый замѣчательный назвалъ, въ честь родимаго своего города, — Трухильо. Онъ роздалъ своимъ спутникамъ множество земель и Индѣйцевъ. Но ничто такъ не обращало на себя вниманіе губернатора, какъ Лима.

И вскорѣ губернаторъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ юная столица его, съ великолѣпными своими садами и зданіями, быстро подвигалась къ окончательному устройству. Среди страданій и опустошеній, которыми Пизарро преисполнилъ отечество инковъ, Лима возвышается какъ самое достославное твореніе его, какъ прекраснѣйшій алмазь, украшающій берега Тихаго океана. Отрадно остановить вниманіе, утомленное кровавыми сцѣнами, на мирной картинѣ труда и пользы.

Казалось бы, что теперь губернатору оставалось пользоваться мирнымъ счастьемъ; но теперь могущество его подверглось опасности оттуда, откуда онъ всего менѣе ожидалъ; именно — со стороны туземнаго населенія. Безмолвно признали туземцы владычество пришельцевъ: они присутствовали при казни одного инки, при возведеніи на престоль другого; смотрѣли, какъ грабались ихъ храмы, и безмолвно сдѣлались слугами Испанцевъ... Все шло такъ, какъ хотѣлось губернатору! Но не такъ шло все, какъ хотѣлось инкѣ Манко. Онъ былъ достойный наслѣдникъ своихъ предковъ: оскорбленный до глубины души нанесенными ему униженіями, онъ уже не разъ требовалъ отъ губернатора, чтобы тотъ облекъ его дѣйствительною властію; Пизарро уклонялся отъ исполненія этой просьбы. Юный инка безмолвно глоталъ нанесенныя ему оскорбленія и только выжидалъ удобнаго време-

ни для мщенія. Такое время теперь представилось: несогласія Испанцевъ и недружныя ихъ дѣйствія были особенно благоприятны для исполненія плановъ Манко. Манко задумалъ общее возстаніе; ему необходимо было для этого оставить Куско, гдѣ онъ теперь жилъ. Сдѣлать это было не легко; въ Куско было много Индѣйцевъ воинственнаго канарскаго племени, преданнаго Испанцамъ и враждебнаго инкѣ; Индѣйцы эти зорко стерегли Манко. Первая попытка Манки бѣжать не удалась, благодаря имъ. Счастіе улыбнулось индѣйскимъ патриатамъ въ лицѣ Гернандо Пизарро, по возвращеніи изъ Испаніи назначеннаго правителемъ Куско. Гернандо, какъ мы уже разъ упоминали, былъ сострадателенъ къ побѣжденнымъ. Онъ приказалъ освободить Манко изъ заключенія, въ которомъ тотъ находился послѣ перваго своего побѣга, и хитрый индѣецъ умно воспользовался своею свободою. Онъ вздумалъ сообщить своему освободителю о несмѣтныхъ сокровищахъ, зарытыхъ въ потаенныхъ мѣстахъ. Выигравъ тѣмъ довѣріе Гернандо, онъ возбудилъ его корыстолюбіе, рассказавъ ему о статуѣ своего отца, сдѣланной изъ чистаго золота. Хитрый перуанецъ просилъ позволенія привезти эту статую изъ пещеры, находящейся среди окрестныхъ Андъ. Ослѣпленный жадностью, Гернандо согласился на отъѣздъ инки. Инка уѣхалъ но прошла недѣля, а онъ не возвращался. Тогда Гернандо понялъ, въ чемъ дѣло, и тотчасъ отправилъ своего брата Хуана искать бѣглеца. Хуанъ нашелъ весь край погруженнымъ въ совершенное безмолвіе: нигдѣ не было и слѣда Манко.

На послѣдокъ онъ встрѣтилъ тѣхъ двухъ Испанцевъ, которые даны были Манко въ проводники: эти извѣстили, что инку не иначе можно будетъ захватить снова въ свои руки, какъ остриемъ меча. Справедливость этихъ слуховъ подтвердилось, когда Хуанъ встрѣтилъ цѣлое скопище Индѣйцевъ. Многие изъ нихъ были прекрасно вооружены: они одѣты были въ нагрудники изъ стеганой хлопчатой бумаги, имѣли шиты, обтянутые кожей, а шлемы ихъ, богато украшенные золотомъ и осыпанные драгоценными камнями, походили формою на голову дикихъ звѣрей: въ нихъ видѣлись ряды зубовъ, страшно оскаленныхъ надъ головою воина. Все войско отличалось особенною свирѣпостью. Во время боя Индѣйцы пускали тучу стрѣлъ и сыпали вокругъ себя тяжелые удары своими топорами и массивными дубинами. Каждый помнилъ, что сражается предъ глазами своего инки. Только тогда дрогнули Индѣйцы, когда Хуанъ Пизарро пустилъ въ ихъ центръ густую колонну своихъ воиновъ. Онъ утѣшалъ себя мыслью, что этимъ онъ далъ хорошій урокъ бѣжавшему врагу, расположился у подножій горъ, но на слѣдующее утро онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что всѣ горные проходы заняты темными рядами воиновъ. Всѣ выгоды мѣстности, неблагоприятной для дѣйствій кавалеріи, были на сторонѣ туземцевъ: они скатывали сверху огромные камни и бросали, чѣмъ попало, въ Испанцевъ. Хуану оставалось ограничиться бесполезными стычками. Такъ провелъ онъ одинъ или два бесполезныхъ дня, отовсюду запертый. И въ эгомъ то безпомощномъ положеніи онъ вдругъ полу-

чилъ извѣстіе отъ брата Гернандо, который умолялъ его возвратиться въ Куско, осажденный непріателемъ! Безъ замедленія онъ сталъ отступать; еще до наступленія ночи онъ достигъ столицы, тѣснымъ непріателемъ и сопровождаемый его воинственными кликами; зрѣлище, ожидавшее его здѣсь, совсѣмъ не походило на то, которое представлялось ему во время выступленія изъ Куско. На сколько глазъ человѣческой могъ осмотрѣть мѣстность, она покрыта была многочисленной арміей изъ двухсотъ тысячъ человѣкъ; длинныя ряды Индѣйцевъ тянулись до самыхъ горъ; повсюду видѣлись только развѣвающіяся знамена военачальниковъ, смѣшанныя съ богатыми украшеніями изъ перьевъ. Вездѣ надъ толпами возвышался цѣлый лѣсъ длинныхъ кошіи и боевыхъ топоровъ, обдѣланныхъ мѣлью, которые, находясь въ дикомъ безпорядкѣ, сіяли на лучахъ заходящаго солнца. Но если мужественныя кавалеры и почувствовали невольный трепеть, зато неминуемая опасность сразу вдохнула въ нихъ бодрость... Они приготовились кровью проложить себѣ путь въ осажденный городъ. Къ удивленію, непріатель разступился и далъ смѣлчачкамъ свободный пропускъ. Гернандо Пизарро съ радостію встрѣтилъ брата. Теперь соединившіяся силы испанцевъ равнялись 200 человѣкамъ, да была еще тысяча индѣйскихъ союзниковъ.

Осада Куско началась въ февралѣ 1536 г.; она представляетъ самые блестящіе подвиги храбрости съ обѣихъ сторонъ.

Наступившая ночь нисколько не скрывала отъ

встревоженнаго глаза Испанца грозной численности враговъ: всюду загорались огни — и въ долинѣ, и на вершинахъ холмовъ. По утру Испанцы были разбужены пронзительными звуками раковинъ, трубъ и литавровъ; цѣлыя тучи снарядовъ полетѣли въ городъ: горящія стрѣлы и раскаленные до красна камни, обвязанные хлопчатою осмоленною бумагою живо произвели пожаръ: Куско запылалъ одновременно съ разныхъ концовъ. Жаръ сдѣлался невыносимъ. Облака дыма, висѣвшія въ видѣ погребальнаго покрыва надъ городомъ, производили смрадъ и удушье.

Чтобы предохранить себя отъ пламени, Испанцы должны были выбраться на площадь и держаться здѣсь вдали отъ строеній... Такъ пошли пожары ежедневно; ночью дѣйствія ихъ казались еще страшнѣе: при свѣтѣ пламени несчастные Испанцы видѣли отчаяніе, начертанное на блѣдныхъ лицахъ товарищей; въ предмѣстьяхъ, въ сумракѣ толпились ликующіе враги;... а съ сѣверной стороны высоко надъ городомъ поднималась темная крѣпость, рѣзко обозначаясь на пламени, и, казалось, угрюмо смотрѣла на развалины прекрасной столицы. Только вдали рисовались Анды, уединенно, величаво углублявшіеся въ полосу вѣчнаго молчанія... далеко внѣ тревоги, кипѣвшей у ихъ подножіи!

Не хотѣли осажденные однако поддаться безмолвно неистовствамъ непріятели: они по временамъ дѣлали вылазки и давали ему отпоръ. Сильно мѣшали имъ сначала упавшія бревна и груды развалинъ; но когда преграды бывали уничтожаемы, кавалерія бур-

но кидалась на непріятеля рубила его мечами, колола пиками и обращала въ бѣгство. Со стороны враговъ было одно особенно страшное оружіе, это—*массо*, длинныя веревки съ петлею на концѣ: перуанецъ ловко набрасывалъ ее на испанскаго кавалериста, запутывалъ ею и человѣка, и ноги лошади, и заставлялъ того и другую падать.

Къ усугубленію бѣды Испанцевъ, крѣпость была уступлена ими при самомъ началѣ осады: съ ея вершинъ непріятель могъ мѣтко и безнаказанно осыпать городъ всякими снарядами. Уныніе Испанцевъ, среди ихъ тяжкаго положенія, еще увеличилось, благодаря разнымъ весьма мрачнымъ слухамъ: поговаривали, что всѣ Испанцы, жившіе на плантаціяхъ, умерщвлены; что Лима, Трухильо и другіе города окружены... Въ подтвержденіе всѣхъ этихъ слуховъ на площадь Куско было брошено нѣсколько человѣческихъ головъ, и Испанцы съ ужасомъ узнали въ нихъ головы своихъ соотечественниковъ. Многие стали предлагать: броситься на непріятеля съ мечемъ въ рукѣ и уйти къ морю. «Лучше, говорили они, — погибнуть мужественно въ полѣ, чѣмъ задохнуться отъ дыму въ порахъ, подобно лисицамъ». Но братья Пизарро не согласились на это: они думали лучше умерѣть, чѣмъ покинуть вѣреннѣйшій имъ постъ. Да другаго выбора и не было больше: всѣ пути сообщенія были отрѣзаны. На одно только можно было надѣяться: ежедневно могли прибыть подкрѣпленія изъ колоній.... Вопросъ состоялъ стало быть въ томъ: какъ бы продержаться до

прибытія помощи? Надо было постараться нанести врагу ударъ покрупнѣе. Въ условленный для нападенія день впередъ были посланы піонеры для расчищенія пути; потомъ нѣсколько отрядовъ разомъ двинулось по главнымъ улицамъ. Въ схваткѣ Перуанцы обнаружили много порядка и званія дѣла, но не смотря на то, много ихъ было потоптано или изрублено. Инка развѣзжалъ въ своемъ войскѣ на боевомъ скакунѣ; онъ былъ одѣтъ по европейски и съ искусствомъ управлялъ лошадыю. Замѣчательный примѣръ быстрой переимчивости! Теперь, давъ урокъ противникамъ, слѣдовало попытаться—возвратить крѣпость. Это опасное порученіе возложено было Гернандомъ Пизарро на его брата Хуана, кавалера замѣчательной храбрости. Крѣпость была грозная: со стороны города она стояла на недоступной крутой скалѣ; съ прочихъ сторонъ ее прикрывали полукруглыя стѣны, сложенныя изъ цѣлыхъ скалъ. Уже за этими стѣнами возвышалась стѣна самой крѣпости съ тремя крѣпкими башнями, изъ которыхъ двѣ были заняты непріателемъ. Гарнизономъ начальствовалъ знатный вельможа инкского рода, человекъ испытанной храбрости. Узкій входъ былъ заваленъ камнями: только разобравъ эту преграду, можно было проникнуть до самой крѣпости. Хуану Пизарро удалось совершить эту трудную и опасную работу въ полной тишинѣ; но движеніе ко второй крѣпостной стѣнѣ совершилось съ нѣкоторымъ шумомъ. Гарнизонъ переполошился и наполнилъ весь внутренній дворъ. Времени нельзя было терять. Хуанъ,

спрыгнуть съ лошади, велѣлъ тоже самое сдѣлать половинѣ своихъ и, находясь впереди всѣхъ, приказалъ дѣлать проломъ въ второй стѣнѣ. За нѣсколь-ко еще дней Хуанъ раненъ былъ въ челюсть, такъ что, не могъ носить шлема. Онъ снялъ его и, прикрываясь лишь своимъ щитомъ, отбѣнилъ Индѣйцевъ; затѣмъ онъ вскочилъ на крѣпостную террасу; но въ эту минуту большой камень упалъ ему на голову. Жестоко раненый, онъ еще продолжалъ ободрять своихъ подчиненныхъ, пока они не заняли террасы. Вскорѣ его страданія сдѣлались невыносимы, и его отнесли въ городъ; тамъ онъ скончался чрезъ двѣ недѣли въ неописанныхъ мукахъ. Гернандо Пизарро поручилъ начальство въ Куско другому своему брату, Гонзалю, и лично явился довершать дѣла Хуана. Одна изъ башенъ скоро сдалась. Другая, и самая страшная, упорно держалась. Самъ предводитель оборонялъ ее. Этотъ великанъ, одѣтый въ испанскую броню, расхаживалъ вдоль ломанныхъ зубцовъ, держа въ рукѣ грозную дубину, усаженную мѣдными гвоздями. Онъ поражалъ своимъ страшнымъ оружіемъ всякаго, кто только осмѣливался являться на башню. Говорятъ, онъ собственноручно убилъ нѣсколько Индѣйцевъ, совѣтовавшихъ сдаться. Дѣятельность страшнаго инки равнялась его исполинской силѣ: онъ поспѣвалъ всюду. Наконецъ Испанцы разомъ представили множество лѣстницъ со всѣхъ сторонъ и одновременно полезли отовсюду. Вида, что дальнѣйшее сопротивленіе бесполезно, инка бросился къ углу зубцовъ: сначала онъ зашвырнулъ свою дубину, потомъ

закутавшись въ свой плащъ, кинулся головою внизъ..
Онъ умеръ, какъ древній римлянинъ!

Проходила недѣля за недѣлею, а все подкрѣпленія не являлось. Испанцы стали чувствовать голодъ, и для нихъ ужасна мысль, что они заброшены внутри чужого края, что они удалены отъ всякой человѣческой помощи. Хотя Индѣйцы одновременно осадили и Шоки, и Лиму однако подѣ Лимой губернатору удалось скоро раздѣлаться съ непріателемъ, и онъ послалъ уже на помощь Куско цѣлыхъ четыре отряда; но всѣ они погибли безслѣдно. Онъ пришелъ въ ужасъ. Поговаривали даже о томъ, чтобы воспользоваться имѣющимися кораблями и отправиться въ Панаму; однако Пизарро рѣшительно воспротивился такому малодушному совѣту, обрекавшему погибели тѣхъ, кто находился внутри края. Онъ написалъ письмо къ Альваро вѣ Гватималу, умолявшее о помощи. Помощь прибыла во время. Между тѣмъ обстоятельства неожиданно приняли самый благопріятный оборотъ: сами туземцы стали чувствовать недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ. Подоспѣлъ и августъ—время полевыхъ работъ. Инка зналъ, что если населеніе будетъ занято военнымъ дѣломъ, упустятъ время посѣвовъ, и слѣдствіемъ этого будетъ голодъ. Поэтому онъ распустилъ половину воиновъ по домамъ, а самъ отступилъ на югъ отъ Куско. Испанцы были въ восторгъ; они съ жаромъ принялись добывать сѣстные припасы: имъ посчастливилось захватить до двухъ тысячъ перуанскихъ овецъ; но это стоило имъ лучшей рыцарской крови.

С Л О Н Ъ .

— онъ принадлежитъ къ (съ англійскаго).

Слонъ имѣетъ теплую кровь, кормитъ своихъ дѣтенышей молокомъ и покрытъ толстою кожею; почему и причисляется къ классу млекопитающихъ, разряду толстокожихъ. Ото всѣхъ извѣстныхъ намъ животныхъ слонъ отличается тѣмъ, что голова его оканчивается хоботомъ, которымъ онъ можетъ охватывать предметы точно такъ же какъ мы руками. Нерѣдко находятъ въ землѣ окаменѣлыя остатки животныхъ, остовы, кости, явно не принадлежаще ни къ одной изъ живущихъ нынѣ породъ. Эти ископаемыя породы теперь уже вымерли, но оставшіяся отъ нихъ кости показываютъ, что они существовали нѣкогда, быть можетъ за нѣсколько тысячъ лѣтъ до насъ. Между ними нѣкоторыя имѣютъ хоботъ, хотя и не такой какъ у слона: такихъ животныхъ открыто два: дипатериумъ, огромнаго роста, даже выше слона; хоботъ похожъ

на слоновый, но нѣсколько меньше; и палеотріумъ, котораго длинная верхняя губа сходна съ слоновымъ хоботомъ. Изъ животныхъ, теперь живущихъ на землѣ, что то подобное хоботу имѣютъ носорогъ и тапиръ. У перваго верхняя губа способна удлиниться и укорачиваться, какъ у насъ языкъ, и ею носорогъ можетъ охватывать небольшіе предметы и щипать траву. У тапира верхняя губа такъ же довольно велика, и если ее вытянуть во всю длину, нѣсколько походить на хоботъ слона. Хоботъ составляетъ продолженіе носа и прикрѣпленъ къ головѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинаются ноздри. Ноздри продолжаются въ хоботѣ двумя каналами, идущими по всей длинѣ его. Когда слонъ пьетъ, то всасываетъ этими каналами воду и вливаетъ ее въ ротъ, подобно тому, какъ накачивается вода изъ пожарной трубы. Кромѣ того хоботомъ слонъ дышетъ, какъ мы иногда дышемъ носомъ. До какой степени необходимъ хоботъ—видно изъ того, что шея слона такъ коротка и толста, что не гнется, и по этому. еслибы хобота не было, слонъ не могъ бы доставать себѣ пищу, состоящую изъ травы, овощей и зерновыхъ хлѣбовъ и проч. Съ перваго взгляда кажется, что хоботъ прикрѣпленъ къ головѣ черезъ чуръ высоко; но разсматрѣвъ повнимательнѣе, увидимъ, что такое кажущееся уродство необходимо: подъ хоботомъ помѣщаются большіе клыки, которые при основаніи своемъ такъ широки, что для предохраненія челюсти отъ тренія необходимо было поставить ноздри высоко, иначе, не было бы мѣста клыкамъ. Большая часть читателей, безъ сомнѣнія видѣла живого слона и знаетъ

для чего ему служить хоботъ. Мы уже сказали, что хоботомъ слонъ втягиваетъ воду и беретъ пищу. Исключеніе изъ этого правила представляетъ молодой слонъ, который сосетъ не хоботомъ, а ртомъ, и тогда мать его должна опускаться, для того, чтобы слоненокъ могъ достать до ея сосковъ. Отъ такого неудобнаго положенія мать избавляютъ тѣмъ, что подкладываютъ подъ ея животъ комъ земли, на который слоненокъ становится и достаетъ соски, такъ что мать не наклоняется. Замѣтимъ впрочемъ, что тотъ же слоненокъ, когда ему даютъ молоко въ ведрѣ, пьетъ его не ртомъ, а хоботомъ. Надобно удивляться гибкости и ловкости хобота, когда слонъ достаетъ имъ какой нибудь предметъ. Маленькіе предметы онъ беретъ особымъ пальчикомъ, который находится на концѣ хобота; когда же предметъ довольно великъ, хоботъ охватываетъ его во всю ширину и сильно сдавливаетъ. Хоботъ укорачивается и удлиняется по волѣ слона, какъ у насъ языкъ. Ко всѣмъ этимъ достоинствомъ хобота можно прибавить еще и то, что жареный хоботъ очень лакомое кушанье. Подвижность и сила хобота зависятъ отъ того, что въ немъ много мускуловъ, которые могутъ двигаться независимо одинъ отъ другаго. Ученый Кювье сосчиталъ, что въ хоботѣ слона содержится до 40,000 мускуловъ. Какъ велико это число—видно изъ того, что въ цѣломъ человѣческомъ тѣлѣ считается не болѣе 600 мускуловъ. Хоботъ и всѣ другія части тѣла слона покрыты кругообразно усаженными волосками.

Читатели наши безъ сомнѣнія знаютъ, что кости слона цѣнятся довольно дорого и употребляются на выдѣлку билліардныхъ шаровъ, игральныхъ костей, ручекъ для зонтиковъ, тростей и т. п. Подъ именемъ слоновой кости въ торговлѣ извѣстны собственно зубы слона, выходящіе изъ верхней челюсти его и называемые клыками. Съ каждой стороны хобота помѣщается по одному клыку; назначеніе ихъ защищать хоботъ отъ ушибовъ, когда слону приходится пробираться сквозь лѣсныя чащи, гдѣ онъ любитъ жить. Клыки довольно тяжелы и вѣсомъ бываютъ до 60 фунтовъ каждый; понятно, что при такой тяжести клыковъ для прикрѣпленія ихъ къ головѣ нужно много сильныхъ мускуловъ. На этомъ то законѣ природы, по которому каждый органъ животнаго соразмѣренъ другимъ органамъ его, и основанъ употребляемый учеными способъ узнавать и отгадывать по одной найденной части животнаго остальные части и такимъ образомъ узнавать весь наружный видъ и величину животнаго. Такъ поступалъ знаменитый натуралистъ Кювье: по одной какой нибудь косточкѣ давно исчезнувшаго животнаго онъ узнавалъ его видъ, форму тѣла, величину и даже отчасти образъ жизни. Разсмотримъ же этотъ способъ открывать и узнавать существованіе такихъ животныхъ, которыхъ никто никогда не видалъ. Положимъ, что слоны исчезли съ земли, и только кусокъ клыка попалъ въ руки какого нибудь ученаго. Взявъ клыкъ, онъ задаетъ себѣ вопросъ: какой части тѣла животнаго принадлежить онъ? Сравненіе со всѣми роговыми и костяными

животными веществами живущих животных пока-
жетъ, что это не ребро, не рогъ, не копыто, не че-
шуя—слѣдовательно это долженъ быть зубъ. Измѣривъ
ширину его и зная, что длина соотвѣтствуетъ ширинѣ,
ученый заключить, что этотъ зубъ имѣлъ по крайней
мѣрѣ $2\frac{1}{2}$ аршина длины и, въ такомъ случаѣ, долженъ
былъ выходить наружу рта.

Узнавъ такимъ образомъ что такое найденный ку-
сокъ кости, можно узнать размѣръ головы. Изъ формы
и состава зуба слѣдуетъ, что животное питалось рас-
теніями, и слѣдовательно внутренніе зубы его были съ
плоскими коронками и по величинѣ своей соразмѣрны
вышшимъ т. е. клыкамъ; значитъ эта масса зубовъ
была тяжела, и для поддержанія ея животное
должно было имѣть большую голову и толстую корот-
кую шею, потому что еслибы шея была длинная и тон-
кая, то на ней не могла бы держаться большая голова,
Черепъ долженъ быть достаточно великъ, но въ то
же время не слишкомъ тяжелъ. Стало быть устрой-
ство черепа должно напоминать строеніе такого тѣла,
которое соединяло бы въ себѣ два качества большіе
размѣры и легкость. Этой цѣли удовлетворяетъ губка
и слѣдовательно внутренность черепа, наполнена была
губчатою массою, покрытою тонкимъ слоемъ кости.
Толстая короткая шея должна быть прикрѣплена къ
широкимъ спиннымъ позвонкамъ, а если позвонки ши-
роки, то и туловище велико.

Теперь какъ же догадаться, что животное имѣло хо-
ботъ? Изъ того, что у животнаго были длинные клыки,
мѣшавшіе ему доставать ртомъ до земли и короткая

шея, не позволявшая ему наклониться, очевидно, что оно не могло щипать траву такъ, какъ щиплять ее другія животныя, напр. лошадь, корова и т. д. Оно такъ же не могло подносить себѣ пищу ногами, подобно обезьянѣ, потому что ноги его были толсты и не гибки. Остается значить поискать — нѣтъ ли у другихъ животныхъ намека на такой органъ, кромѣ рукъ и ногъ, который могъ бы служить орудіемъ питанія. Такія животныя дѣйствительно существуютъ; напр. вышеупомянутые тапиръ и носорогъ, у которыхъ есть что-то похожее на то, что мы называемъ хоботомъ. Если ученый знаетъ уже носорога и тапира, онъ непременно скажетъ, что у objaняемаго имъ животнаго, было что нибудь въ родѣ верхней губы носорога, но только гораздо длиннѣе, и такимъ образомъ догадается о хоботѣ. Такъ по одному только клыку нашъ ученый мало по малу дошелъ до устройства головы и шеи животнаго. Остается еще опредѣлить форму туловища и ногъ; это уже не трудно. Изъ устройства головы и шеи видно, что животное было толсто и тяжело, следовательно имѣло толстыя короткія ноги, потому что длинныя и тонкія не сдерживали бы тяжести тѣла. Ноги по короткости и толщинѣ своей не могли гнуться и животное ступало, ставя ихъ прямо. Вотъ уже составилъ довольно полный образъ животнаго, остаются только мелкія подробности. Устройство зубовъ показываетъ, что животное питалось растеніями значить можно узнать и устройство желудка.

Слоновъ, какъ извѣстно два вида: африканскій и азійскій. У африканскихъ слоновъ и самецъ,

и самка имѣютъ клыки, только у самцевъ они больше; у азіатскихъ же только у самца есть клыки. У слона молодого вырастаютъ молочные клыки, которые на 13 и 14 мѣсяцѣ выпадаютъ и замѣняются другими, постоянными. Эти послѣдніе отличаются отъ молочныхъ тѣмъ, что внутри пусты, и пустота эта расширяется къ основанію клыка. Она наполнена мягкимъ бѣловатымъ тѣстомъ, которое отдѣляетъ изъ себя свѣжіе слои костянаго вещества, для наполненія убылыхъ слоевъ клыка. Часто, внутри клыковъ, находили пули или желѣзные осколки, совершенно вросшіе въ кость, и не понимали—какимъ образомъ они могли туда попасть, тѣмъ болѣе, что съ наружной стороны клыка не было замѣтно ни щели, ни отверстія, черезъ которыя могли бы войти осколки. Зная, какъ образуется клыкъ, не трудно объяснить это явленіе. Мы уже сказали, что въ замѣнъ старыхъ убылыхъ слоевъ клыка въ немъ образуются новые; если пуля, сдѣлавъ отверстіе, засѣла въ клыкѣ, то новые слои мало по малу закрываютъ это отверстіе и облегаютъ пулю. Тоже самое бываетъ, когда мы занозимъ себѣ руку; вся разница только въ томъ, что заноза облегается кожею, а пуля костью. Изъ самаго способа образованія клыка видно, что онъ не можетъ быть одинаково плотенъ и одинаково тяжелъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, сравнивая кусокъ кости, вырѣзанный изъ внутренности клыка, съ другимъ, равнымъ ему по длинѣ и ширинѣ, но взятымъ съ наружи, увидимъ, послѣдній легче перваго, потому что наружные слои старѣе внутреннихъ, слѣдовательно суше и легче ихъ.

Хотя разница въ вѣсѣ внутреннихъ и внѣшнихъ слоевъ не велика, но иногда она важна, напр. при выдѣлкѣ такихъ вещей, какъ билліардные шары и игральныя кости. Если шаръ или кость будутъ не одинаково плотны, т. е. если одна сторона ихъ тяжелѣе другой, то шаръ будетъ катится невѣрно, а кости неровно падать. По этому въ Англии, для предохраненія отъ обмана, игральныя кости представляются на разсмотрѣніе правительства, послѣ чего на нихъ накладывается штемпель. Для билліардныхъ шаровъ стараются выбрать такой кусокъ клыка, который во всѣхъ своихъ частяхъ имѣлъ бы одинаковый вѣсъ или, по крайней мѣрѣ, вѣсъ со всѣхъ сторонъ равномерно увеличивался бы отъ поверхности къ срединѣ. Клыки, предназначенные для выдѣлки этихъ вещей, рѣжутъ на довольно большіе куски, куски эти развѣшиваютъ для просушки, которая продолжается годъ или около того, и потомъ уже ихъ употребляютъ—куда слѣдуетъ. Клыки, это наружныя зубы слона; внутренніе образуются точно такъ же, но совершенно отличаются отъ клыковъ своею формою.

Слонъ питается растеніями и потому долженъ имѣть широкіе съ тонкими коронками зубы, между которыми пища растиралась бы, какъ зерна трутся между жерновами. Для хорошей перемолочки мало жернова, зубы должны еще имѣть шероховатую поверхность; точно такъ же долженъ быть устроенъ и слоновый зубъ. Поверхность его не гладкая, а покрыта или бугорками, какъ у азійскаго слона, или лезвіями, какъ у африканскаго. Самый зубъ состоитъ изъ трехъ частей: эмали, костя-

ного вещества и мягкаго вещества. Слонь ѣсть много, по этому зубы его довольно велики. Но какъ ни велика видимая часть слоновьяго зуба, выставляющаяся изъ десенъ, другая нижняя, находящаяся внутри десны, еще больше, и весь зубъ такъ тяжелъ, что поднять его можно только обѣими руками.

Представьте себѣ, какъ долженъ страдать слонъ, когда у него сдѣлается зубная боль. Слонъ, принадлежащій одной купеческой компаніи, вдругъ заболѣлъ и взбѣсился безъ всякой видимой причины. Его убили и, разрѣзавъ трупъ, нашли, что онъ страдалъ отъ поврежденія зуба. Слона этого убивали самымъ мучительнымъ образомъ: стрѣляли въ голову, что только производило боль и страданіе, но не съ разу убило его. Стрѣлявшіе не знали устройства тѣла слона: известно, что голова слона покрыта такою толстою кожей, что никакая пуля не пробьетъ ее насквозь. Впрочемъ, иногда и лучшіе охотники впадали въ такую же ошибку. Такъ одинъ англичанинъ Горданъ Кумангъ въ самую критическую минуту выстрѣлилъ въ голову слона и за эту ошибку едва не заплатился жизнью. Здѣсь кстати будетъ привести одно очень интересное описаніе охоты на слонѣвъ этого знаменитаго охотника. «Черезъ пять минутъ прибѣжалъ развѣдчикъ, говоря, что онъ видѣлъ стадо слонѣвъ. Я остановился на минуту, велѣлъ одному изъ провожатыхъ дѣйствовать отдѣльно, а другому слѣдовать за мною; но когда дошло до дѣла, я остался одинъ, какъ это часто бываетъ. Выпивъ воды и закинувъ ружье за плечо, я сѣлъ на лошадь, а проводнику велѣлъ идти впередъ. Едва

прошли мы небольшое разстояніе, какъ онъ закричалъ «клоу» (слонъ). Въ 150 шагахъ отъ насъ стояло стадо огромныхъ слоновъ. Я сталъ подкрадываться тихонько, но къ несчастію былъ замѣченъ, и слопы съ страшнымъ ревомъ, приподнявъ вверхъ свои хоботы, унеслись далеко въ лѣсъ, оставивъ за собою только облако пыли. Что было дѣлать? Мнѣ живо представились дальность преслѣдованія и трудность охоты, но подумавъ нѣсколько, я преодолѣлъ себя, вскочилъ на сѣдло и въ короткое время, безъ особенныхъ приключеній прискакалъ въ тотъ лѣсъ, гдѣ были слоны. Стадо состояло изъ шести слоновъ, четырехъ большихъ, старыхъ и двухъ поменьше, молодыхъ. Изъ большихъ два имѣли лучшіе клыки, и я сталъ выбирать—какимъ бы изъ нихъ завладѣть. Вдругъ, одинъ изъ этихъ двухъ слоновъ ударилъ другого и тѣмъ обнаружилъ, что онъ самый сильный и слѣдовательно самый достойный противникъ мой. Подкравшись я прицѣлился въ него, но онъ замѣтилъ меня и такъ заревѣлъ, что земля задрожала подъ моими ногами, и я бросился въ сторону, но слонъ пустился за мною въ погоню. Онъ бѣжалъ скоро: деревья, кусты, вѣтви нисколько не мѣшали ему, онъ рвалъ и разбрасывалъ ихъ по сторонамъ и все продолжалъ гнаться. Наконецъ онъ кажется усталъ и повернулъ назадъ. Я за нимъ, прицѣлился, и слонъ почувствовалъ пулю въ плечѣ своемъ, затрясся вѣмъ тѣломъ и страшно подпрыгнулъ на мѣстѣ. Собаки мои, сторожившіе въ это время другихъ слоновъ, услышавъ выстрѣлъ, прибѣжали на помощь. Слонъ

опять бросился за мною и былъ встрѣченъ пулею въ бокъ; но ее онъ какъ будто и не замѣтилъ. Видя, что выстрѣлы мои не достигаютъ цѣли, я рѣшился бить на вѣрняка и не стрѣлять до тѣхъ поръ, пока не буду увѣренъ въ вѣрности выстрѣла. Однакожь верхомъ не было возможно стрѣлять вѣрно: конь мой пугался, прыгалъ, храпѣлъ, не оставаясь ни на минуту въ покоѣ. Потерявъ наконецъ терпѣніе—я отогналъ отъ себя всякую мысль объ опасности, соскочилъ съ сѣдла и, прокравшись между деревьями, такъ что слонъ не могъ видѣть меня, выстрѣлилъ ему прямо въ лобъ. Слонъ заревѣлъ и бросился на собакъ, которыя, какъ казалось ему, были причиною выстрѣла. Прогнавъ ихъ, онъ воротился и сталъ за терновый кустъ, обратившись ко мнѣ головою. Онъ стоялъ тамъ не долго и, увидѣвъ меня, во всю прыть пустился въ мою сторону: я стоялъ твердо на своемъ мѣстѣ, и когда между мною и слономъ оставалось не болѣе 15 шаговъ, выстрѣлилъ ему прямо въ голову, думая убить его на повалъ. Но ударъ пули только еще пуще разъярилъ его: онъ побѣждалъ еще быстрее, и чуть чуть охота не кончилась моею гибелью. Однако на этотъ разъ, проворство спасло меня: увертываясь за деревьями, я оставилъ позади страшнаго врага, кое какъ добѣжалъ до лошади, вскочилъ въ сѣдло и такимъ образомъ очутился внѣ опасности. Только избѣжавъ смерти, я не хотѣлъ болѣе рисковать, и слѣдующій мой выстрѣлъ былъ данъ съ лошади: пуля попала въ плечо, и слонъ опять погнался за мною. Между тѣмъ лошадь сильно меня безпокоила; она

безпреставно фыркала, становилась на дыбы. Къ счастью, горю этому помогъ одинъ изъ туземцевъ, смотрѣвшихъ на охоту; онъ оказалъ мнѣ весьма кстати важную услугу, вызвавшись держать лошадь въ то время, какъ я заряжалъ и стрѣлялъ. Еще шесть пуль получилъ отъ меня противникъ мой. Послѣ каждаго выстрѣла онъ гонялся за мной, и не смотря на это безпреставное бѣганье, не смотря на множество ранъ, оставался бодръ и свѣжъ, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ. Между тѣмъ солнце садилось; скоро должна была наступить ночь, а вмѣстѣ и окончаніе охоты; я видѣлъ, что надо было предпринять что нибудь рѣшительное, что бы не упустить добычи, и подѣхавъ къ слону на близкое разстояніе, соскочилъ съ сѣдла, далъ разомъ залпъ въ правую и лѣвую сторону головы, и какъ только завидѣлъ, что слонъ гонится за мной, тотъ часъ побѣжалъ прочь. Теперь я уже не боялся быть пойманнымъ: слонъ такъ усталъ, что бѣжалъ тише меня. Послѣ я далъ еще выстрѣлъ, слонъ опять погнался, но уже въ послѣдній разъ. Утомленный ранами онъ гнался недолго, забрался въ кусты и сталъ тамъ. Послѣ слѣдующаго выстрѣла онъ уже не трогался съ мѣста, а только усиленно махалъ хоботомъ вверхъ и внизъ, трясясь, въ тоже время, всѣхъ тѣломъ и издавая жалобные звуки, что очень радовало дикарей, видѣвшихъ въ этомъ предвѣстіе близкой смерти. Я пустилъ еще пулю въ плечо слона. Онъ повернулъ въ кустарникъ, и когда я приближалъ туда, думая еще однимъ выстрѣломъ окончить все — слонъ упалъ на бокъ и издохъ.

Чувства мои въ эту минуту поймутъ только тѣ, кому случилось бывать въ подобномъ положеніи.» Авторъ въ этомъ описаніи рассказываетъ про свои охотничьи похождения такъ легко и просто, какъ будто дѣло идетъ о домашнихъ уткахъ. На самомъ же дѣлѣ охота на слоновъ довольно опасна, и если оплошавшій охотникъ попадется какъ нибудь въ хоботь разсвирѣѣвшему дикому слону, то отъ охотника останется лишь безобразный кусокъ мяса. Случается, что и домашніе слоны бѣсятся, и тогда они очень опасны. Подобный случай былъ недавно въ Америкѣ. У фермеровъ, рессѣлявшихся съ одного мѣста на другое, былъ слонъ. Вдругъ на одной станціи слонъ убѣжалъ. Посланные въ погоду кое какъ поймали бѣглеца, но изъявили опасеніе, чтобы онъ не сдѣлалъ чего нибудь худого во время остальнаго пути. Дѣйствительно въ одинъ прекрасный день этотъ слонъ вдругъ ни съ того, ни съ сего бросился на дорожную фуру, разбилъ ее въ дребезги и разорвалъ клыками запряженную въ нее лошадь. Потомъ тоже было и съ другою фурою, но лошадь этой послѣдней была счастливѣе: она оторвалась, и хотя слонъ долго за нею гнался, однако она успѣла убѣжать. Взбѣшенный неудачей слонъ разломалъ попавшуюся ему на дорогѣ тележку и убилъ лошадь. Замѣчательно, что сперва онъ отнесъ трупъ лошади въ оврагъ, но черезъ нѣсколько времени, какъ бы раздумавъ, принесъ его на то мѣсто, гдѣ лошадь была убита. Третью лошадь постигла также участь; четвертая убѣжала, услыхавъ шаги слона. Онъ погнался за нею, но она убѣжала въ хозяйскій

сарай. Слоно́ началъ было ломиться туда, но встрѣтилъ совершенно неожиданнаго противника, бульдога, который, ни мало не медля, вцѣпился ему въ ногу, такъ что слонъ долженъ былъ бѣжать отъ этого ничтожнаго въ сравненіи съ нимъ врага. Слоно́ уходился: усталость и нападеніи бульдога нѣсколько разсѣяли его бѣшенство. Между тѣмъ пришли вожаки и окончательно укротили его, сковавъ цѣпями. Люди, сидѣвшіе въ фурахъ, не избѣжали ударовъ слона, но удары были незначительны, потому что слонъ обратилъ все свое вниманіе на лошадей, а люди умѣли скрыться, отдѣлавшись легкими ушибами.

Жители Индіи употребляютъ умъ и силу слоновъ въ свою пользу, т. е. дѣлаютъ ихъ ручными; на противъ того въ Африкѣ туземцы охотятся за слонами ради клыковъ, но никогда не приходило имъ въ голову дѣлать ихъ ручными. Вѣроятно это происходитъ отъ различія умственныхъ способностей индѣйскаго и африканскаго племени. Первое и развитѣе, и смысленнѣе и потому подчинило себѣ слона; второе же, менѣе способное, не успѣло этого сдѣлать.

При разсмотрѣніи зубовъ слона естественно представляется вопросъ, изъ чего состоитъ пища животнаго, о которомъ идетъ рѣчь. Слоно́ питается растеніями, но иногда не отказывается отъ куска мяса. Онъ ѣстъ листья, траву, рѣпу, морковь, свеклу и другія овощи и все это въ большомъ количествѣ. У молодыхъ слоновъ аппетитъ доходитъ до самыхъ крайнихъ размѣровъ,

какъ у дѣтей. Большую часть дня молодой слонъ сидитъ въ заперти и учится у своего жоака индѣйца, который ласкаетъ его, если онъ ведетъ себя хорошо, и бьетъ по головѣ, если слонъ упрямится. Въ извѣстные дни слонъ показываетъ свое искусство публикѣ, чѣмъ доставляетъ себѣ свободу и прибыль хозяину. Слонъ очень любитъ мелкую монетку, которую тотъ часъ же промѣниваетъ на слоеные пироги и сладкія яблоки. Слонъ большой мастеръ бросать камни и очень ловко мститъ тому, кто какъ нибудь оскорбитъ его.

Мы упоминали уже о дикомъ и ручномъ слонѣ. Теперь посмотримъ, какимъ образомъ дикихъ слоновъ дѣлаютъ ручными. Нельзя не удивляться тому, что укрощаютъ большею частію взрослыхъ слоновъ, когда все дикія привычки, такъ сказать, вкорепены въ нихъ. Ловля слоновъ производится двумя способами: или захватываютъ все стадо безъ различія возраста, или выбираютъ и загоняютъ слоновъ поодиначкѣ. Опишемъ первый способъ, когда все стадо загоняютъ въ такъ называемый *кеддахъ*. Открывъ стадо, охотники начинаютъ звать, кричать, стрѣлять и вообще стараются надѣлать какъ можно болѣе шуму, чтобы испугать слоновъ и заставить ихъ собраться въ кучу. Потомъ, чтобы слоны не могли повернуться или убѣжать въ сторону, стадо окружаютъ цѣпью огней. Слоны страшно боятся этой огненной цѣпи и рѣдко осмѣлываются проскочить сквозь нее, и она служитъ такъ же дѣйствительно, какъ самая крѣпкая ограда. Теперь остается поймать слоновъ. Для этого ихъ гонятъ въ особаго рода

западню, называемую кеддахъ. Кеддахъ—большая изгородь, состоящая изъ живыхъ деревьевъ вмѣсто столбовъ съ положенными между ними бревнами. Кеддахъ заключаетъ въ себѣ три отдѣленія: первое—широкое и можетъ вмѣстить все стадо, другія два—узкие и помѣщаютъ не болѣе одного слона. Словомъ, кеддахъ—стропіе, составленное изъ живыхъ деревьевъ и прикрытое вѣтвями, такъ что слоны думаютъ, что это мѣсъ и преспокойно входятъ въ него. Когда ихъ подведутъ къ кеддаху, то огненный кругъ разрываютъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ кеддахъ, и испуганные звѣри бросаются туда; если же какойнибудь слонъ повернетъ въ сторону, то тотъ часъ пугаютъ крикомъ и выстрѣлами, заставляя идти—куда слѣдуетъ. Такимъ образомъ все стадо загоняютъ въ первое широкое отдѣленіе кеддаха, который такъ хорошо закрытъ вѣтвями и деревьями, что животныя и не замѣчаютъ опасности. Тогда слоны, увидѣвъ, что входъ кеддаха закрытъ, начинаютъ бѣситься, кидаться во все стороны и бросаются во выходъ, ведущій въ маленькое отдѣленіе. Выходъ этотъ запирается тотъ часъ, какъ какойнибудь слонъ войдетъ въ отдѣленіе кеддаха. Отсюда ведетъ дверь въ третье отдѣленіе, откуда слону уже нѣтъ выхода. Тогда бѣшенство пойманнаго слона доходитъ до высшей степени: онъ мечется во все стороны и кидается къ изгороди, чтобы сломать ее, но тутъ его пугаютъ крикомъ и разложенными вокругъ сѣнями; когда все

это удалось, охотники строят для себя въ кеддахъ шалаши и прорываютъ канавы, чтобы давать слонамъ пить; ѣсть же имъ не даютъ. Проморивъ ихъ нѣсколько дней голодомъ, приносятъ имъ наконецъ и пищу, но кладутъ ее не въ кеддахъ, а въ узкій коридоръ, ведущій изъ послѣдняго отдѣленія. Слонъ, завидя пищу, тотъ часъ бросается въ коридоръ, и тогда сей же часъ просдвигаются сзади его бревно, такъ что онъ не въ состоянн двигаться ни назадъ, ни впередъ. Побѣсивъ слона, еще нѣсколько времени, охотники подходятъ къ нему, связываютъ ему ноги и отдаютъ двумъ домашнимъ слонамъ, которые отводятъ его куда нибудь, и тамъ охтники привязываютъ его къ дереву и оставляютъ одного.

Слонъ снова начинаетъ бѣситься и рваться; но все напрасно: канатъ крѣпокъ, ему не уйти. Пищу приносятъ черезъ нѣсколько дней, когда слонъ достаточно попустился. Если слонъ смиренъ, ему даютъ ѣсть; въ противномъ же случаѣ нѣтъ; такимъ образомъ, видя, что сердиться не выгодно, слонъ становится все смиренѣе и смиренѣе, првыкаетъ къ тому, кто его кормитъ, и наконецъ начинатъ слушаться его приказаній.

Прежде, чтобы сдѣлать слоновъ послушными, морили ихъ голодомъ; но теперь съ ними обращаются иначе. Часто связанный веревками слонъ, стараясь освободиться, повреждалъ себѣ ноги, и вообще подобное обхожденіе до такой степени портило его характеръ, что раздражительность оставалась въ немъ на всю жизнь; отъ чего онъ дѣлался непокорнымъ, а иногда и опаснымъ. Но тѣмъ не менѣе туземцы вѣроятно еще долго ловили бы

слоновъ по прежнему, еслибы не явились европейцы и не завели охоту по своему. Слоны, пойманные ими, бывають гораздо смиренѣе, и самая охота обходится дешевле. Кеддахъ долженъ быть весьма великъ и проченъ, по этому его нельзя строить наскоро. Часто стадо окружается охотниками за 30 или 40 миль отъ кеддаха, такъ что нужно употребить нѣсколько дней единственно для того, чтобы пригнать его къ входу въ огромную западню. При этомъ слоны иногда прорываютъ огненную цѣпь, и охотникамъ приходится снова согнать ихъ въ кучу. На это опять тратится по необходимости время, и нерѣдко вся охота приостанавливается.

Иногда столько слоновъ разомъ ударяетъ на одно мѣсто, что нѣтъ возможности противиться напору, и они прорываются сквозь ряды факельщиковъ и огней. Когда случится подобное несчастье, охота кончена, потому что за бѣглецами тотчасъ слѣдуютъ остальные, и это дѣлается такъ быстро, что охотники не успѣвають удержать ни одного слона. Какъ скоро стадо прорвалось, старожилы подають съ окрестныхъ холмовъ условленные сигналы, и охотники стараются составить новую цѣпь. Если это и удается, то приходится начинать всю охоту снова, съ тою только разницею, что теперь она гораздо труднѣе; теперь слоны дѣлаются еще неукротимѣе и, разъ прорвавшись сквозь цѣпь, непременно попытаются сдѣлать тоже самое и въ другой разъ, потому что разсуждають слишкомъ здраво для того, чтобы такая простая мысль могла отъ нихъ укрыться.

Слоновъ ловятъ еще и другимъ, очень любопытнымъ способомъ. Нерѣдко слоны самы бродятъ въ одиночку. Такіе слоны большею частію бываютъ самые лучшіе, поэтому охотники сильно острятъ на нихъ зубы. Но не диковинка увидать дикаго слона; другое дѣло поймать его... Завидѣвъ одного такого скитальца покрасивѣе, охотники берутъ себѣ на помощь двухъ ручныхъ, учевыхъ слоновъ самокъ. Умныя эти животныя начинаютъ медленно прохаживаться мимо него, спокойно пощипывая траву, какъ будто не замышляютъ ничего дурного, а просто вышли прогуляться. Потомъ онѣ приближаются къ своей жертвѣ и вступаютъ съ ней въ разговоръ, — на слововьемъ языкѣ. Между тѣмъ охотники на сторожѣ; какъ только увидать они, что слонъ совершенно увлекся, то тихонько подползаютъ сзади и съ помощію самокъ свутываютъ слона толстыми веревками по всѣмъ четыремъ ногамъ. Если случится тутъ же дерево, то плѣшига тотъ часъ къ нему привязываютъ, а нѣтъ, — такъ стягиваютъ ему заднія ноги толстымъ канатомъ, конецъ котораго волочится по землѣ. Послѣ этого самки слоновъ удаляются, а слонъ пытается слѣдовать за ними, но перепутанный веревками, не можетъ бѣжать и безпрестанно спотыкается. Тутъ только онъ смекаетъ коварный обманъ и приходитъ въ бѣшенство; однако обыкновенно достаточно бываетъ однихъ веревокъ, чтобы унять ярость слона; если слонъ слишкомъ разсвирѣпѣеть, то подходятъ самки и бьютъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не успокоится. Затѣмъ нѣсколько дней слона морятъ голодомъ, и когда его совершенно укротятъ, его отводятъ съ тѣми же двумя сам-

ками по бокамъ и начинаютъ обучать по известнымъ правиламъ: черезъ мѣсяць или два слонъ изъ свободного обитателя родныхъ пустынь превращается въ терпѣливаго послушнаго раба.

Нельзя не удивляться искусству, съ какимъ ручные слоны преслѣдуютъ свою добычу и достигаютъ цѣли. Самки, особенно искусныя въ ловлѣ дикихъ слоновъ, очень дорого цѣнятъ туземцами. Замѣчательно, что ловля дикихъ слоновъ повидимому доставляетъ ручнымъ слонамъ огромное наслажденіе. Также самая склонность замѣчается и у охотничьихъ птицъ, т. е. у тѣхъ птицъ, которыхъ птицеловы размѣщаютъ въ кѣтъкахъ кругомъ сѣтей, для того чтобы онѣ пріемъ своимъ заманивали въ сѣти другихъ птицъ. Ловцы изъ всей мочи стараются завлечь въ засаду своихъ собратій и чрезвычайно рады, когда имъ это удастся. Слоны способны къ выучкѣ только потому, что у него есть хоботъ. Поэтому въ величинѣ и силѣ хобота, изумительнаго по своему устройству, заключается все достоинство животнаго: слонъ съ дурнымъ или поврежденнымъ хоботомъ не найдетъ себѣ покупателей; такой слонъ не въ состояніи ѣсть самъ (безъ посторонней помощи), и его приходится кормить руками; онъ совершенно не можетъ пить и потому постоянно страдаетъ отъ жажды. Зная цѣну и важность своего хобота, слонъ обходится съ нимъ бережно, и свернувъ его, подобно тому какъ бабочка завертываетъ свой хоботокъ, кладетъ его между клыками для защиты отъ ударовъ. Хоботъ чрезвычайно чувствителенъ; это доказывается тѣмъ, что вожаки отражаютъ иногда всѣ нападенія бѣшенаго слона

одними ударами трости по хоботу. Одному несчастному погонщику пришлось, нѣсколько сутокъ сряду просидѣть на спинѣ взбѣсившагося слона. Погонщикъ не смѣлъ слезть, страшась, чтобы бѣшеное животное тотъ часъ же не бросилось на него. Но и въ этомъ неудобномъ положеніи погонщикъ все таки не допускалъ до себя постоянно протянутой и готовый схватить и бросить его о землю хоботъ.

Слоновъ употребляютъ на охоту за тигромъ, львами и проч. На одной изъ такихъ охотъ разсвирѣпѣвшій тигръ вскочилъ на слона, чтобы черезъ его голову броситься на двухъ человекъ, сидѣвшихъ сзади. Тигръ какъ будто чувствуетъ, что врагъ его не слонъ, а вожакъ, и устремляется всегда на послѣдняго, а если наносить раны слону, то случайно царапая его въ то время, когда карабкается за сѣдокомъ. На этотъ разъ когти тигра особенно сильно вцѣпились въ хоботъ и причинили слону страшную боль. Искусанное животное стряхнуло тигра, повернулось и пустилось во всю прыть, опрокидывая на пути своемъ все встрѣчавшееся—слоновъ, лошадей, людей. Вожакъ сохранилъ однакожь присутствіе духа; ему удалось закрыть слону глаза платкомъ; онъ успѣлъ даже направить неистовый бѣгъ животнаго къ деревнѣ, гдѣ одинъ изъ сѣдоковъ спасся на низкую соломенную крышу домика, а другой безстрашно оставался на слонѣ до тѣхъ поръ, пока тотъ не выбился совершенно изъ силъ и снова не покорился хозяину.

Туземные охотники очень высоко цѣнятъ какъ достоинство хобота, такъ и понятливость самага сло-

на, особенно если это кумки учена я самка. Изъ разсказовъ о смѣтливости этихъ животныхъ привожу одинъ случай, сообщенный капитаномъ Вильямсономъ. При распродажѣ имущества оставшагося по смерти хозяина, одинъ господинъ купилъ слона-самку и притомъ кумки. Новый хозяинъ не занимался промысломъ слоновъ и потому нимало не подозрѣвалъ, что пріобрѣтаетъ кумки, и не зналъ, какую выгоду можетъ онъ извлечь изъ своей покупки. Пока онъ оставался еще на площади, многіе изъявляли желаніе перекупить слона и предлагали большія деньги. Такъ какъ каждый торговавшій хотѣлъ пріобрѣсти слона, то чтобы не надать, ни одинъ изъ нихъ не проговорился, что это была кумки. Новой владѣлецъ отказалъ всѣмъ на отрѣзъ, увѣривъ покупателей, что вовсе не имѣетъ намѣренія продавать слона; вожакъ также не сказалъ ничего. Для него было гораздо пріятнѣе жить у новаго господина, чѣмъ поступать къ какому нибудь слонопромышленнику, гдѣ дадутъ меньше жалованья, а работы будетъ больше. Однажды Лючми (такъ звали слона) внезапно исчезла. Сколько не старались, не могли собрать объ ней никакихъ свѣдѣній и считали ее уже совершенно пропавшею, предполагая, что она забѣжала въ окрестныя камыши и пристала тамъ къ дикимъ стадамъ. Если предположеніе это было справедливо, то не оставалось никакой надежды возвратить ее, — развѣ какъ нибудь попадется она вмѣстѣ съ другими въ кеддахъ. Теперь прежнимъ покупателямъ Лючми не зачѣмъ уже было скрывать передъ хозяиномъ, что она была кумки, поэтому они все разсказали

и, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, изъяснили сожалѣніе о потерѣ такого цѣннаго животнаго. Однакожь, спустя недѣлю Лючми снова появилась у стойла, къ которому обыкновенно привязывалась на ночь. Ее разумѣется взяли, осѣдлали, и хозяинъ поѣхалъ на ней прогуливаться. Они отправились вдоль опушки довольно густого тростника. Лючми нѣсколько разъ пыталась повернуть туда, но вожакъ каждый разъ останавливалъ ея порывы, думая, не подичала ли ужь она за время побѣга. Наконецъ Лючми заупрямилась до того, что, не обращая вниманія на жоака, рванулась въ тростникъ и остановилась не прежде, какъ дойдя до небольшой, но густой рощи старыхъ строевыхъ деревь. Представьте себѣ удивленіе перепуганныхъ сѣдаковъ, когда они увидѣли огромнаго слона, переднія ноги котораго были стянуты желѣзной цѣпью, обыкновенно употреблявшеюся прежде для привязи Лючми на ночь.

Есть еще способъ ловить слонувъ, впрочемъ способъ этотъ рѣдко употребляется, потому что довольно опасенъ. Охотники берутъ съ собою нѣсколько выученныхъ слонувъ и достаточное количество веревокъ. Приблизившись къ стаду, они съ разу кидаются на него, связываютъ захваченную жертву, дѣйствуя одною силою, и уводятъ ее.

Ясно, что способъ этотъ не можетъ быть такъ успѣшенъ какъ прежде описанные, чрезвычайно опасенъ и лучшіе слоны обыкновенно избѣгаютъ плѣна, а тѣ которые попадаютъ, часто до того изранены въ борьбѣ дѣлаются совершенно негодными. Одинъ

изъ моихъ пріятелей, очевидецъ, сообщилъ мнѣ описаніе подобной охоты. Разсказъ его дѣлается еще интереснѣе, потому что въ немъ говорится о пенальскомъ королѣ Юнгѣ Багадурѣ.

Пріѣхавъ туда, пишетъ изъ Пенала мой пріятель, — и повидавшись съ королемъ Юнгомъ Багадуромъ, я по приглашенію его отправился съ нимъ на нѣсколько дней на охоту за слонами. Охота была не совсѣмъ удачна. Изъ девяти слоновъ, согнанныхъ въ обширную, обнесенную оградой поляну, со входами и внутренними проходами изъ частокола, самый большой, старый самецъ, былъ такъ свирѣпъ и неукротимъ, что его пришлось застрѣлить. Никакіе канаты не могли удержать этого слона, и навѣрное ему всадили сотни двѣ пуль прежде, чѣмъ ранили его на смерть. Изъ остальныхъ одного удавили въ схваткѣ, а третій удавился самъ, напрасно пытаюсь вырваться; три еще были такъ молоды, что стояли весьма немного. Такимъ образомъ изъ девяти слоновъ только три и по возрасту, и по величинѣ могли имѣть значительную цѣну. Не смотря на то охота очень занимала меня; самыя неудачи, можетъ быть, еще болѣе заинтересовали меня. Очень любопытно было слѣдить за Юнгомъ, какъ онъ, сидя на голой спинѣ ученаго слона, собственными руками ловко обвязывалъ канаты вокругъ шей дикихъ слоновъ, — штука чрезвычайно трудная и довольно опасная, но Юнгъ Багадуръ молодецъ въ полномъ смыслѣ. Чтобы вполне насладиться удовольствіемъ охоты, онъ несетя именно туда, гдѣ больше всего опасности. Съ нѣкоторыми слонами были

жестокія схватки. Одинъ изъ дикихъ слоновъ съ такою яростію напалъ клыками на слона съ сѣдокомъ, что тотъ повалился на землю, а сѣдокъ полетѣлъ черезъ его голову и, благодаря какому то чуду, отдѣлался одними ушибами. Но слону досталось порядкомъ. Бѣшеный дикарь повалился на слона, началъ бодать его клыками и непременно убилъ бы и задавилъ еще другаго слона, еслибъ не былъ отогнанъ охотниками, которые со всѣхъ сторонъ и почти въ упоръ принялись стрѣлять въ него. Заряды разумѣется были холостые и безъ пуль, чтобы не ранить и не испортить слона, который пригодится въ послѣдствіи. Тогда всѣ слоны, и ручные и дикіе, ринулись въ случившуюся близко глубокую рѣку, и здѣсь-то надо было видѣть, какъ они плавали, боролись, ныряли, барахтались и ревѣли самымъ неистовымъ образомъ. Посреди этой суматохи магуты, вожаки слоновъ, крѣпко сидѣли на своихъ слонахъ съ веревкою наготовѣ и сторожили каждый удобный случай, чтобы затянуть на шеѣ дикаго слона роковую петлю. Въ этой схваткѣ одну изъ дикихъ самокъ на половину потопили, а на половину задержали. Она шатаясь побрела къ берегу и тамъ безъ борьбы упала замертво. Жалко было смотрѣть на ея маленькаго дѣтеныша дней десяти. Онъ то ходилъ кругомъ трупа, толкая его и стараясь ласками оживить бездыханную мать, то испускалъ самыя раздрающіе душу стоны, то ложился рядомъ съ матерью, какъ бы стараясь утѣшить ее.

Когда битва кончилась, и слоны съ вожаками столпились къ трупу слонихи, бѣдный малютка съ отчаян-

ной, но бесполезной разумѣется храбростію, бросался во все стороны на каждаго приближавшагося слона, рѣшившись повидимому защищать трупъ матери до послѣдняго издыханія. Ручные слоны были до того умны, что не трогали малютку клыками. Они съ видомъ жалости, можетъ быть, и презрѣнія сдѣлали за неразумными порывами слоненка и осторожно и постепенно отдаляли его отъ матери къ мѣсту, гдѣ было удобнѣе справиться съ нимъ. Стоны и попытки слоненка остаться съ матерью были очень трогательны. Слоненокъ такъ молодъ, что едва-ли переживетъ отнятіе отъ груди, по крайней мѣрѣ я очень боюсь за него. Но если онъ останется живъ, я не потеряю его изъ виду; онъ былъ такъ преданъ матери и такъ геройски храбръ, что ни разу не пытался оставить ее, чтобъ спастись самому, хотя это легко было сдѣлать среди всеобщей суматохи.

Подвижная петля, которою ловятъ слоновъ, набрасывая ее имъ на шею, называется фаупъ и дѣлается изъ самой мягкой веревки. Этимъ фаупомъ дѣйствуютъ на подобіе аркана при ловлѣ дикихъ лошадей. Казалось бы, что хоботъ слона долженъ мѣшать при закидываніи и стягиваніи петли, но на самомъ дѣлѣ препятствіе это уничтожается само собою. Какъ только веревка коснулась хобота, слонъ, который, какъ сказано выше, очень бережетъ свой хоботъ, инстинктивно тотчасъ свертываетъ его въ клубокъ, и петля скользитъ прямо на шею. Обыкновенно закидываютъ на слона два фаупа съ разу, и каждый изъ фауповъ другимъ концемъ своимъ

прикрѣпленъ къ ручному слону, такъ что пойманный крѣпко удерживается двумя слонами и не можетъ уйти. Если же онъ вздумаетъ сильно рвануться, петля тотчасъ затягивается и онъ не можетъ двинуться съ мѣста до тѣхъ поръ, пока ее не ослабятъ, что дѣлается посредствомъ особой веревки, нарочно для этой цѣли приложенной къ петлѣ. Такимъ образомъ побѣжденный слонъ долженъ наконецъ покориться, его приводятъ къ дереву, привязываютъ тамъ и потомъ поступаютъ также, какъ и со слонами, пойманными кумкой. Когда пойманный на фаупъ слонъ удерживается двумя ручными слонами, то стараясь освободиться, онъ сообщаетъ ручнымъ слонамъ толчки иногда до того сильные, что вожаки не могутъ усидѣть на своихъ слонахъ и падаютъ на землю. Одинъ маіоръ англо-индѣйской арміи придумалъ совершенно особенное сѣдло для охоты съ фаупомъ. Онъ досталъ бочку укрѣпилъ ее на спинѣ слона канатами, брусьями и цѣпями, устроилъ въ ней сидѣнье и, взявъ съ собою порядочный запасъ пистолетовъ и мушкетовъ, преспокойно отправился на охоту, думая, что съ такимъ сѣдломъ онъ вполне безопасенъ; однакожь маіоръ былъ выброшенъ изъ своего сѣдла, Онъ довольно опрометчиво помчался за слонкомъ, который былъ гораздо сильнѣе его собственнаго. Когда охотникъ затянулъ фаупъ, дикій слонъ рванулся такъ сильно, что сшибъ съ ногъ маіорскаго слона и вмѣстѣ съ нимъ опрокинулъ на землю маіора, бочку и мушкеты, и еслибъ взбѣшенный слонъ не погнался за своими со-

родичами, и то маіору ужь никогда не пришлось бы охотиться.

Для поимки слоновъ употребляютъ еще ямы въ родѣ волчьихъ. Если слонъ попадется въ такую яму, то европейскій охотникъ, непривычній къ дѣлу, станетъ пожалуй въ тупикъ, какъ вытащить его оттуда. Но туземцы дѣлаютъ это очень легко, разумѣется, когда слонъ уже достаточно успокоился. Яма служитъ для слона смирительнымъ домомъ, потому что хозяинъ держитъ тамъ слона до тѣхъ поръ, пока онъ не привыкнетъ къ послушанію. Когда слонъ совершенно укротился, въ яму бросаютъ плотные связки тростнику. Эти связки слонъ подбираетъ себѣ подъ ноги до тѣхъ поръ, пока не поднимется на столько, что въ состояніи будетъ выступить изъ ямы. Такимъ же точно способомъ высвобождаютъ слона, когда они глубоко завязнутъ въ тицѣ, что случается довольно часто, потому что ноги слона по своему устройству легко тонутъ въ вязкой почвѣ. Когда слонъ завязнетъ и не намѣренъ тратить силъ на то, чтобы освободиться безъ посторонней помощи, онъ ложится на бокъ и спокойно выжидаетъ, пока хозяинъ придетъ къ нему на выручку. Хозяинъ подаетъ завязнувшему слону нѣсколько связокъ камыша, и умное животное тотчасъ начинаетъ засовывать ихъ хоботомъ въ грязь, пока будетъ въ состояніи поставить на нихъ одну изъ переднихъ ногъ. Затѣмъ онъ дѣлаетъ такую же подстилку для другой передней ноги, а слѣдующіе связки укладываетъ уже подъ туловище, къ заднимъ ляшкамъ. Заложивъ надежное основаніе, онъ подается всею

тяжестию тѣла впередъ и ставитъ заднія ноги на подложенныя къ нимъ камышевыя связки. Высвободившись такимъ образомъ изъ грязи, онъ выстилаетъ камышемъ дорожку, по которой можно было бы выбраться изъ топи. Тутъ онъ дѣйствуетъ очень осторожно и прежде, чѣмъ перевалитъ грузъ своего тѣла, тщательно удостовѣрится въ надежности опоры. Чаше всего слоны вьзнутъ въ топкой прибрежной почвѣ широкихъ рѣкъ или на днѣ небольшихъ потоковъ.

Индѣйскіе слоны такъ же какъ и жители Индіа, раздѣляются на касты. Индѣйцы дѣлятъ всѣхъ слоновъ на двѣ большія касты: «Кумари» или царская порода и «Мирги» или охотничья порода. Изъ смѣшенія этихъ двухъ главныхъ кастъ происходятъ нѣсколько второстепенныхъ. Различія между ними, очень важныя для знатковъ, едва ли замѣтны для глазъ европейца. Кумари отличается большимъ ростомъ, крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, длиннымъ хоботомъ и силою; между тѣмъ какъ мирги, меньше, не такъ крѣпокъ, имѣетъ длинныя ноги, легкое туловище и короткій въ сравненіи съ кумари хоботь.

Вотъ краткій списокъ названій и отличительныхъ свойствъ слоновьихъ кастъ: «Сопкери» — смѣсь двухъ главныхъ кастъ поровну: «Даунтиле» или зубоносъ, названъ такъ за отличные клыки; очень ретивъ и управляться съ нимъ трудно. Какъ противоположность ему можно поставить «Муннэ» или мордоноса, который имѣетъ весьма небольшіе клыки, едва выдающіеся изъ за хобота, но за то послушенъ и управляться съ нимъ легко.

За эти качества онъ предпочитается Европейцами; но туземцы любятъ такихъ слоновъ, у которыхъ было бы на что посмотреть, и употребляютъ обыкновенно «Даумтилэ.» Каждая каста получала названіе отъ величины и изгиба клыка; такъ напримѣръ, «Полондаунтъ» или ложезубъ названъ такъ, потому что клыки его до того правильно согнуты, что человекъ можетъ лечь на нихъ какъ на постель, что иногда и дѣлается.

Есть еще и другія касты, какъ «Чурдаунти», «Пѳттилдаунти, Экусданти» ит. д., о которыхъ скажемъ только, что какъ слово «даунтъ» значитъ зубъ, то всѣ онѣ очевидно получили клички по своимъ клыкамъ. Красота слона не мало зависитъ отъ вида его клыковъ, которые должны быть совершенно одинаковой длины, хорошо заострены и съ слабымъ изгибомъ вверхъ. У иныхъ слоновъ бываетъ всего только одинъ клыкъ. Такой слонъ по мнѣнію туземцевъ приносить особенное счастье своему хозяину; если же онъ еще изъ ложезубой породы, то цѣнится еще дороже. Порода «Чурдаунти» или свинозубовъ, у которыхъ клыки смотрятъ внизъ, уважается менѣе другихъ.

Послѣ клыковъ туземцы обращаютъ особенное вниманіе на хвостъ. Извѣстныя части слона пользуются въ глазахъ индѣйца особеннымъ значеніемъ и по недостатку и присутствію ихъ оцѣнивается все животное. Такъ на слона съ короткимъ хвостомъ индѣецъ и не посмотритъ, даже слугу нельзя убѣдить сѣсть на такого урода. Между тѣмъ подобное уродство довольно обыкновенно, потому что слоны въ

игрѣ или дракѣ часто хватаются другъ другу за хвосты и рвутъ ихъ. Подобную забаву часто видѣли въ кедахъ. Только такой хвостъ будетъ по вкусу индѣйца, который очень толстъ въ основаніи и постепенно уменьшается къ концу, который снабженъ двойнымъ рядомъ щетины, имѣетъ около фута длиною, и такъ укрѣпленъ, что представляетъ нѣкоторое подобіе стрѣлы съ перьями. Для индѣйца нѣтъ ничего отвратительнѣе слона съ крысыимъ хвостомъ, но для Европейцевъ подобный недостатокъ скорѣе полезенъ—они мало заботятся о такихъ пустякахъ, покупаютъ слоновъ гораздо дешевле, чѣмъ туземцы.

Знатокъ туземецъ недоволенъ и такимъ слономъ у котораго на ногахъ меньше осемнадцати ногтей, пять на каждой задней ногѣ и четыре на каждой передней. Большее число ногтей встрѣчается очень рѣдко: съ двадцатью ногтями напр., видѣли одного только слона. Слонъ съ пятнадцатью ногтями или какимъ нибудь другимъ нечетнымъ числомъ ужь непременно бракуется. Разсмотрѣвъ слона снаружи, туземный покупатель открываетъ ему ротъ и разсматриваетъ не столько зубы, сколько небо. Если на небѣ есть черныя пятна слонъ забракеровывается. Туземцы думаютъ, что эти пятна—признакъ болѣзни, и что отъ нихъ слонъ становится опаснымъ для сѣдока. Европейцы находятъ однако, что черное небо не дѣлаетъ вреда и приобрѣтаютъ отверженныхъ животныхъ довольно дешево. А можетъ быть и то, что слонъ съ черными пятнами дѣйствительно опасенъ, но только для чернокожихъ, а бѣлымъ Европейцамъ не наноситъ ни какого вреда.

Кости слона соединены между собою такъ плотно, что судя по нимъ, походка слона, казалось бы, должна быть неловкая, тяжелая, неуклюжая, а на самомъ дѣлѣ она ни лишена даже нѣкоторой граціи. Шагъ слона смѣлъ, свободенъ, широкъ; онъ становится на землю едва слышно. Понятно, что устройство ноги, позволяющее животному въ семь тысячъ пудовъ вѣсомъ ступать такъ же тихо, какъ кошкѣ, должно быть удивительно. Ноги слона устроены почти такъ, какъ копыта у лошади. Ступня заключена въ особаго рода роговомъ башмакѣ, который защищаетъ ногу отъ поврежденій о почву и въ тоже время, упругостью своею, ослабляетъ ударъ ступни о землю, когда слонъ идетъ или бѣжитъ. Внутри копыто состоитъ изъ безчисленнаго множества роговыхъ пластинокъ, которыя лежатъ одна на другой краями, но къ срединѣ немного расходятся.

Жаль, что это благородное животное не на одно добро служить человѣку, разуму котораго оно вполне покорилось. Слонъ часто употреблялся вмѣсто палача, и въ точности исполнять приказанія господина, то сразу пресѣкая жизнь осужденнаго, то продолжая его муки, пока повелитель не произнесетъ слова смерти. Во время казни слонъ обыкновенно ставитъ одну ногу на голову, а другую на животъ преступника.

«Я считаю самымъ лучшимъ достоинствомъ моего пера, говорить сэръ Вальтеръ Скоттъ, то свойство его, что оно легко переходитъ отъ серьезнаго къ веселому, отъ описанія и разговора къ разсказу и характеристикѣ.» Слѣдуя его примѣру, я оставлю теперь тяже-

для описанія и освѣжу умъ читателя разсказомъ, имѣющимъ то несомнѣнное достоинство, что онъ набросанъ человѣкомъ принимавшимъ участіе въ описываемомъ происшествіи. Дѣйствіе происходитъ на островѣ Цейлонѣ, и разсказъ тѣмъ цѣннѣе для насъ, что во многихъ мѣстахъ онъ обрисовываетъ характеръ слона въ дикомъ состояніи.

«Мы взбирались на возвышенность. Съ вершины открылся намъ дивный видъ на окрестную равнину. Невольники чуть виднѣлись вдаль. Отъ страха или отъ лѣни, но только они подвигались очень медленно. Мы уже готовы были съѣсть на коней и продолжать путь, какъ Гоферъ указалъ мнѣ на странное смятеніе въ камышахъ неподалеку отъ невольниковъ, которые разбѣгались оттуда во все стороны. Черезъ минуту мы увидѣли въ кустахъ огромнаго слона, стремившагося на небольшой отрядъ невольниковъ. Едва ли можно вообразить что нибудь ужаснѣе паденія разсвирѣпѣвшаго слона. Съ поднятымъ вверхъ хоботомъ, съ страшнымъ, яростнымъ рыканіемъ неся онъ съ такою быстротою, которая показалась бы невѣроятною всякому, кто судилъ бы о ней по неуклюжему складу его тѣла. Кусты гнулись передъ нимъ, и сучья деревьевъ отрывались съ рѣзкимъ мгновеннымъ трескомъ. Звѣри сосѣдняго лѣса, пораженные ужасомъ, чавкали, гукали, визжали, кричали, мычали и ревели изо всей мочи и стали спасаться на ближнихъ деревьяхъ; невольники бросили, разумѣется, нашу поклажу. Слонъ остановился на минуту наль вещами, разбросанными на его пути, — но только на

минуту — и швырнувъ высоко на воздухъ чемоданъ, по прежнему яростно рыча, устремился на невольниковъ.

Туземцы умѣютъ превосходно, лазить по деревьямъ: когда слонъ приблизился къ нимъ, всѣ они уже были на деревьяхъ и слѣдовательно въ опасности. Только одинъ бѣдняга не успѣлъ совершенно взлезть на дерево, и ноги его попали подъ хоботъ чудовища. Товарищамъ его и намъ съ вершины сосѣдняго холма показалась, что онъ былъ уже довольно высоко на деревѣ, и могъ бы укрыться отъ ярости бѣшеннаго звѣря. Схватилъ ли его слонъ хоботомъ или просто ударилъ, и тотъ упалъ, обезумѣвъ отъ страха, — только вскорѣ мы увидѣли, какъ онъ стукнулся спиной объ голову слона. Черезъ минуту тѣло несчастнаго завертѣлось высоко въ воздухъ и съ страшною силою грянулось о землю, и тотчасъ же было стоптано въ безобразную массу. Все это было дѣломъ одной, много двухъ минутъ. Успѣхъ, казалось, еще усилилъ бѣшенство слона. Онъ бросился къ ближайшему дереву, на которомъ притаились два невольника, и двинулъ стволъ своимъ широкимъ лбомъ, отчего затряслась каждая вѣтка. Слонъ ударялъ и старался вывернуть дерево клыками; обхватывалъ его хоботомъ, потомъ отступалъ немного и снова напиралъ на него своимъ тяжелымъ лбомъ, какъ баранъ, который дерется съ другимъ такимъ же бодливымъ бараномъ. Деревья дрожали всѣми своими листьями и страшно тряслись, но никто не свалился, только все громче и громче раздавался крикъ съ дерева, чтобы отпугнуть звѣря; но напрасно. Пока все

это происходило, мы съ холма посылали зарядъ за зарядомъ и кричали такъ, что наконецъ обратили на себя вниманіе слона. Какъ только слонъ замѣтилъ насъ, сейчасъ же оставилъ дерево, которое, казалось, намѣренъ былъ свалить во чтобы то ни стало, и прямо устремился на насъ. Мы отослали своихъ грумовъ на самыя высокія изъ ближнихъ деревьевъ и были вполне готовы встрѣтить слона. Намъ очень хорошо было извѣстно, что стрѣлять какъ ни попало или издали—совершенно бесполезно, и что только мѣткими выстрѣлами на близкомъ разстояніи можно одолѣть слона. Поэтому мы хладнокровно стали ждать его приближенія. Однакожь, прежде чѣмъ слонъ приблизился на достаточное разстояніе, дядя Томъ, мой превосходный скакунъ, пришелъ въ ужасъ при видѣ чудовища и, повернувшись, повесъ меня съ страшной быстротой внизъ по самой крутизнѣ холма. Что было съ Гоферомъ я тогда не зналъ, хотя ясно слышалъ за собой его выстрѣлъ. Послѣ я узналъ, что конь его велъ себя превосходно, и пока сѣдокъ не выстрѣлилъ, онъ никуда не рвался. Пуля Гофера, какъ мы открыли въ послѣдствіи, попала слону въ лѣвый глазъ и вѣроятно причинила ему мучительную боль, но не была смертельна. Выстрѣливъ Гоферъ повернулъ коня и направился за мною по скату, увѣренный, что по тяжести своей головы, слонъ не станетъ спускаться съ крутизны. Между мною и Гоферомъ была та разница, что дядя Томъ совсѣмъ обезпамятѣлъ отъ страха, и управлять имъ сдѣлалось невозможно, между тѣмъ какъ лошадь Гофера оставалась совершенно спокойною

и исполняла малѣйшія желанія сѣдока. Слонь тащился за нами, кровь текла изъ его глаза, и вся наружность выказывала страшную ярость и жестокую боль.

Когда достигъ я подошвы холма, оставивъ врага далеко назадъ, конь мой бросился на всемъ скаку обѣими передними ногами въ небольшую топъ и глубоко завязъ въ ней. Я полетѣлъ черезъ его голову, а самъ онъ повалился на бокъ. Ушиба не было, но потеря каждой минуты могла мнѣ стоить жизни. И такъ, вскочивъ, я крѣпко схватилъ ружье свое и стоялъ, готовый къ оборонѣ. Для меня наступила роковая минута, потому что слонъ, замѣтивъ случившееся со мною, пересталъ гнаться за Гоферомъ и направился на меня. Развязкою всего этого могла быть и жизнь, и смерть моя. Можетъ быть еще было время взобраться на дерево, но я и не пробовалъ прибѣгнуть къ этому средству, рассчитывая только на пулю и горя желаніемъ положить звѣря на мѣстѣ.

Увидавъ это, Гоферъ остановилъ своего коня. Но слонъ все еще несея впередъ, и вскорѣ поравнялся съ нимъ. Гоферъ, рассчитавъ, что теперь обращена къ нему лѣвая и слѣдовательно слѣпая сторона звѣря, сошелъ съ лошади и нацѣлилъ ему прямо въ бокъ за плечевую лопатку. Въ то время, какъ я всадилъ два заряда въ широкій лобъ слова, Гоферова пуля влѣпилась ему въ бокъ. Слонъ приостановился на шагъ, потомъ поднялся еще шаговъ на двадцать и стремглавъ брякнулся на земь, все поворачиваясь на правый бокъ и ударяя по землѣ хоботомъ.

Дядя Томъ умчался назадъ по дорогѣ, по которой мы ѣхали, а слонъ лежалъ вытянувшись передъ нами, и только слабое подергиваніе то ногой, то хоботомъ показывало, что онъ еще живъ. Онъ наполовину погрузился въ топъ; но и остальная масса его туловища все еще поднималась выше моей груди!»

Слонъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ животныхъ, которые любятъ крѣпкіе напитки. Оранжевый и многія обезьяны пьютъ пиво, даже вино; но слонъ предпочитаетъ водку. За водку слонъ готовъ сдѣлать все, что угодно. Въ Индіи самый общепотребительный изъ горячихъ напитковъ—аракъ, и тамошніе хозяева благоразумнымъ употребленіемъ этого возбуждательнаго средства научили слоновъ своихъ самымъ неимовѣрнымъ штукамъ. Приводимъ одинъ замѣчательный случай, въ которомъ особенно выказывается это пристрастіе слоновъ къ водкѣ.

Одинъ господинъ, путешествуя на слонѣ, остановился переночевать и на ночь заперъ своего слона въ конюшню. Утромъ дверь въ конюшню нашли отпертою, а самую конюшню пустой. Хозяинъ былъ до крайности изумленъ, потому что украсть слона далеко не такъ легко, какъ лошадь, да и притомъ врядъ-ли бы слонъ послушалъ чужого. Разослали повсюду сыщиковъ; но день прошелъ и никакого слона не только не нашли, но даже и не видали. Случай облекался теперь въ какую то таинственность: трудно было предположить, чтобы такое огромное животное могло скрыться незамѣченнымъ. Левъ или тигръ еще могутъ скрыться, а слону это, кажется, невозможно. Но

тайна вскорѣ раскрылась. Подъ вечеръ послали слугу въ погребъ за виномъ и къ немалому изумленію его оказалось, что пропавшее животное уютно лежало между бутылками и бочками, очень довольное своимъ положеніемъ. Слоно по широкому крыльцу поднялся къ дверямъ гостиницы, прошелъ переднюю и наконецъ спустился въ погребъ, привлеченный туда по всей вѣроятности запахомъ вина. Какъ бы то ни было—слоно забрался въ погребъ и только послѣ долгихъ убѣжденій согласился выйти оттуда.

Слоно—отличный пловецъ и, какъ все отличные пловцы, до страсти любитъ воду. Обыкновенно въ жаркіе дни слоны совершенно погружаются въ воду, и для свободнаго дыханія оставляютъ на поверхности только концы хоботовъ. Въ этомъ положеніи они охотно остаются цѣлый день; они любятъ воду не потому только, что она доставляетъ имъ прохладу, но потому еще, что въ водѣ они спасаются отъ страшныхъ москитосовъ, противъ которыхъ беззащитна даже толстая кожа слона. Съ этой же цѣлью слоны часто катаются въ грязи, чтобы засохнувъ кругомъ тѣла, она служила имъ щитомъ отъ крошечныхъ, но страшныхъ враговъ.

Иногда страсть слона погружаться въ воду выказывается самымъ неумѣстнымъ и неудобнымъ образомъ. На охотѣ, или просто въ путешествіи часто случается перѣзжать на слонахъ черезъ рѣки. Въ такихъ случаяхъ слону сильно хочется погрузиться и привольно расхаживать по дну, держа на поверхности воды только конецъ хобота. Это очень неудобно для

вожака и сѣдокъ, особенно если съ ними ружья и припасы. Слонъ вообще рѣдко ослушивается своего вожака; но при переправѣ черезъ рѣки его ничѣмъ не заставишь подняться до поверхности и плыть, какъ слѣдуетъ. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока не увеличивается глубина, и слону нельзя уже будетъ прогуливаться по дну, потому что хоботъ не доставитъ до поверхности воды. Сѣдокъ принужденъ или плыть, или становится на сѣдло и держаться, какъ умѣетъ, за укрѣпленныя на сѣдлѣ веревки. Слонъ такъ же очень любитъ втягивать хоботомъ воду и обливаться ею. Если нѣтъ воды, онъ замѣняетъ ее пылью. Въ Парижѣ, въ циркѣ Франкони, слоны постоянно набирали въ хоботъ опилки, покрывавшіе арену, и обсыпали ими себя, при чемъ доставалось разумѣется и бархатнымъ подушкамъ, и зрителямъ.

Когда слонъ не можетъ достать воды для освѣженія своего тѣла, а между тѣмъ сильно страдаетъ отъ жара, онъ восполняетъ недостатокъ ея своею слюною, которая отдѣляется у него въ такомъ количествѣ, что испаренія ея доставляютъ тѣлу нѣкоторую прохладу.

Говоря о парижскихъ слонахъ, я вспомнилъ одного слона въ Ботаническомъ саду (Jardin des Plantes), который обыкновенно подшучивалъ надъ тѣми, кто приходилъ смотрѣть, какъ онъ купается. Онъ на столько погружался въ воду, что видѣлся всего только конецъ хобота. Пришедшіе поздно по большей части не замѣчали кончика въ одиень вершокъ или два на поверхности воды, служившаго единственнымъ при-

знакомъ затонувшаго слона. Когда они жу олвери звѣринца нетерпѣливо ожидали его появленія, слонъ обыкновенно выпускалъ обильный дождь на воздухъ и часто обдавалъ близстоящихъ. Наконецъ штука его сдѣлалась известна, зрители стерегли приближеніе дождя и убѣгали тотчасъ, какъ показывалась вода изъ хобота. Слонъ повидимому очень погрѣшался этой забавой и старался разомъ вынырнуть изъ воды, чтобъ полюбоваться смятеніемъ зрителей.

Слонъ легко повинуется своему вожаку, — сидитъ ли тотъ у него на шеѣ которая считается удобнѣйшею послѣ сѣдла частью животнаго, потому что наимѣнѣе подвержена качкѣ, или просто пѣшкомъ идетъ съ боку. Довольно знака, слова, часто взгляда, чтобъ заставить слона исполнить желаніе вожака. И хотя вожаки постоянно имѣютъ при себѣ желѣзный загнутый крючкомъ пруть, но онъ рѣдко употребляется; имъ дотрогиваются только до головы животнаго, чтобъ указать дорогу.

Но пруть этотъ, называемый гаупкосъ, употребляютъ собственно для того, чтобъ ускорить или мѣрить шагъ животнаго, или заставить его лечь. Для поготовъ же въ сторону нажимаютъ ногою надъ ухомъ слона со стороны противоположной той, въ которую намѣрены повернуть. Приказаніе ускорить шагъ передается нажатіемъ остраго конца гаупкоса немного впередъ; между тѣмъ какъ перпендикулярный нажимъ рукояткой на голову приказываетъ слону ложиться. Многіе слоны нетерпѣливо сносятъ навьючиванье и торопятся встать. Въ такомъ случаѣ вожакъ остается

на шеѣ животнаго и продолжаетъ нажимать гаупкомъ объ голову. Если же слонъ все еще не хочетъ успокоиться, вожакъ упираетъ его на одну изъ вытянутыхъ впередъ переднихъ ногъ и слегка нажимаетъ на неё остриемъ копья, пока не кончится навьючиванье. Не смотря на свое добродушіе и кротость, слонъ — весьма мстительное животное и рѣдко прощаетъ обиду, особенно если лично чувствуетъ себя оскорбленнымъ. Пріятель мой обидѣлъ какъ то одного изъ слоновъ въ Зоологическомъ саду, кажется тѣмъ, что поднесъ ему яблоко и потомъ опять спряталъ его, или чѣмъ то въ этомъ родѣ. Слонъ не выказалъ гнѣва, и пріятель мой ушелъ. Погулявъ по саду, онъ прішелъ сюда снова; но когда онъ подходилъ къ слонамъ, одинъ изъ надзирателей остановилъ его и сказалъ, чтобъ онъ убирался поскорѣе, потому что слонъ наготовилъ для него кучу камней, и если онъ не хочетъ получить это угощеніе, то пусть лучше держится поотдалъ. Это была совершенная правда, потому что слонъ сложилъ въ удобномъ мѣстѣ шесть или семь порядочныхъ камней, и — представься случай, но всей вѣроятности недалъ бы промаха. Это наклонность слона швырять камни выказались такъ же и въ одномъ изъ англійскихъ провинціальныхъ городоѣ, гдѣ какой то недалъовидный малый накормилъ слона порядочнымъ количествомъ горячихъ имбирныхъ лепешекъ. Слонъ немедленно подаль присмотрщику ведро, требуя воды. Опорожнивъ шесть ведеръ, онъ швырнулъ пустымъ сосудомъ въ обидчика съ такою силой и такъ мѣтко, что — не уйди онъ прочь, пока еще было время, онъ вѣроятно былъ бы убитъ

или по крайней мѣрѣ очень сильно ушибленъ. Слонь, кажется, очень хорошо понимаетъ шутки. Какъ всѣ шутники, онъ очень не любитъ быть предметомъ насмѣшекъ, хотя самъ не прочь подтрунить надъ другими. Присутствіе воды всегда располагаетъ слона къ шутливости и ко многимъ страннымъ продѣлкамъ, которыя рѣзко противорѣчатъ его обычной степени. Иногда переплывая рѣку, слонъ, какъ уже было сказано, погружается въ воду до того, что бѣдный вожакъ принужденъ встать на сѣдло или плыть. По временамъ страсть къ шуткамъ разыгрывается до того, что слонъ совершенно исчезаетъ подъ водою, оставляя своего жоака барахтаться на поверхности. Если же вожакъ обидѣлъ чѣмъ нибудь слона, то длинный и гибкій хоботъ охватываетъ его ногу, и потянутый въ воду вожакъ исчезаетъ на нѣсколько секундъ.

Одинъ слонъ въ Индіи былъ нѣсколько страннаго нрава. Онъ въ точности зналъ вѣсъ своего व्यюка, и когда навьючивали его сверхъ обыкновеннаго, онъ на отрѣзъ откывался везти, а если и трогался, то все вертѣлся кругомъ, пока ему не сбросишь тяжести. Однажды офицеръ, начальствовавшій партией, напрасно старался навьючить этого слона. Видя, какъ цѣлый грузъ неоднократно сбрасывался на землю, онъ наконецъ потерялъ терпѣніе и бросилъ въ голову слону коломъ отъ полатки. Слонь не обратилъ на это никакого вниманія; но нѣсколько дней спустя, встрѣтивъ того же самаго офицера, подхватилъ его и ткнулъ между вѣтвей большого тимариндоваго дерева, свѣсившагося

черезъ дорогу, оставивъ его выбиратья, какъ самъ знаетъ. Имя этому слону дано было самое несоотвѣтственное его нраву, Поугуль или дуракъ. Однажды, и только однажды отступилъ этотъ мудрый дуракъ отъ своего правила, и то изъ желанія облегчить поврежденную ногу другого слона, грузъ котораго былъ слишкомъ тяжелъ.

Другому слону, самкѣ, до крайности надоѣли шалости девятилѣтняго мальчика, сына хозяина. Слонь смотрѣлъ на эти проказы мальчишки съ такимъ же пренебреженіемъ, какъ породистая меделянская собака смотритъ на лай маленькаго щенка. Наконецъ мальчикъ до того надоѣлъ слону, что онъ рѣшился положить конецъ этимъ шалостямъ; онъ обхватилъ его хоботомъ по поясицѣ, свернулъ хоботъ съ мальчикомъ въ серединѣ, и слегка пожалъ его на клыки. Бѣдный мальчикъ онѣмѣлъ отъ страха. Слонь испустилъ такой ревъ, что выскочилъ самъ хозяинъ; увидя его, слонъ развернулъ хоботъ и поставилъ мальчика на ноги подлѣ отца. Я не думаю, чтобы кто нибудь позавидовалъ ощущенію мальчика, когда надъ ушами его раздался страшный ревъ слона.

Память слона необыкновенна. Урокъ, однажды заученный, слонъ рѣдко забываетъ, даже если бы протекли цѣлые годы съ тѣхъ поръ, какъ онъ слышалъ его въ послѣдній разъ. Если ручной слонъ убѣжитъ и проживетъ нѣсколько лѣтъ въ лѣсахъ, уроки его хозяина все еще остаются въ его памяти, и совершенная перемѣна жизни, даже возвращеніе къ прежней дикой свободѣ не въ состояніи искоренить въ немъ привычекъ, заученныхъ въ теченіе плѣна. Не разъ

случалось, что прежній вожакъ или хозяинъ смѣло подходилъ къ слону, повидимому дикому, и приказывалъ ему принять его на шею, и животное тотчасъ повиновалось приказу челоѵка, въ въ которомъ узнавало прежняго своего повелителя.

Случалось, что убѣжавшій слонъ бывалъ вторично пойманъ смѣлымъ хозяиномъ. При одномъ изъ такихъ случаевъ звѣрь былъ сначала свирѣпъ, но однажды принявъ стараго хозяина къ себѣ на шею, слонъ сразу сдѣлался такъ покоренъ, что по мнѣнiю присутствовавшихъ, могъ быть тогда же употребленъ на ловлю своихъ дикихъ товарищей.

Было бы совершенно излишне исчислять многообразные виды пользы, приносимой челоѵку слонами. Едва-ли найдется хоть какая нибудь работа, которую бы слонъ не могъ научиться исполнять хорошо. Смышленность слоновъ такъ велика, что они способны принаравливать свое поведенiе къ потребностямъ минуты и отступать отъ заученнаго правила, когда обстоятельства требуютъ этого. Они дѣйствуютъ также и гуртомъ, какъ будто вполне понимаютъ выгоды раздѣленiя труда. На своей родинѣ слоны по истинѣ безцѣнны, и отсутствiе этихъ животныхъ было бы весьма горькимъ неудобствомъ для жителей.

Всякiй, кто разсматривалъ слона, конечно былъ пораженъ особенной формой его большихъ, почти круглыхъ ногъ, которыя ступаютъ на землю плоско, безъ посредства бабковой кости, находящейся у большей части животныхъ.

Простой наружный осмотр заставляет предполагать, что походка такого тяжелого животного должна быть до крайности натянута и целовка и сопровождаться значительною тряскою. На самомъ же дѣлѣ поступъ слона совершенно мягка и производит не тряску, а особаго рода правильную качку, похожую нѣсколько на качку корабля и иногда сопровождающуюся тѣми же послѣдствіями для путешественника. Эта легкость походки слона происходитъ отъ особеннаго устройства кожныхъ суставовъ. Разсматривая ногу слона, не трудно замѣтить, что хотя въ ней нѣтъ бабки, но за то колѣпный суставъ помѣщенъ такъ низко, что совершенно замѣняетъ еѣ; если посмотримъ на ногу слона въ разрѣзѣ, то откроемъ, что механизмъ ея изумителенъ. Для этого кости и мясистыя части ступни слѣдуетъ предварительно отдѣлить; внутренность копыта тщательно очистить отъ всѣхъ слѣдовъ мягкихъ веществъ и, если возможно, слегка просушить. Тогда окажется, что внутренность копыта состоитъ не просто изъ рогового вмѣстилища для ступни, а изъ рода роговыхъ пластинокъ, числомъ въ нѣсколько тысячъ, помѣщенныхъ въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, такъ что ими образуется превосходная система пружинъ.

Подобнымъ же образомъ устроено и копыто лошади, что легко видѣть на дворахъ кожевниковъ, гдѣ совершенно очищенное лошадиное копыто, можно пріобрѣсти за самую дешевую цѣну. У лошади пружины даже яснѣй отдѣляются, чѣмъ у слона, потому что копыто лошади будучи гораздо выше относитель-

но ширины, требуетъ болѣе отчетливаго расположенія пружинъ. Устройство ногъ слона удивительно приспособлено къ его родной почвѣ. Пока слонъ не оставляетъ своихъ дикихъ пустынь, онъ ступаетъ легко и безстрашно; но когда онъ пойманъ, когда ведутъ его по дорогамъ, покрытымъ острыми, угловатыми камышками, — ноги его не выдерживаютъ непривычной почвы. Въ Парижѣ одинъ слонъ до того былъ измученъ жесткостью дорогъ, что хозяинъ долженъ былъ послать за сапожникомъ и заказать для него двѣ пары сапогъ. Сапоги были сшиты, — не по модѣ, разумѣется; однакожь съ помощію ихъ слонъ могъ продолжать путь, не повреждая ногъ.

Хотя слонъ не безъ страха ступаетъ на рыхлую или обрывистую почву, но можетъ взбираться на скалы, недоступныя лошадямъ, быкамъ и даже затруднительныя для человѣка. Цѣлыми стадами поднимаются иногда слоны на весьма крутыя и опасныя высоты. Одинъ изъ нихъ идетъ въпереди и служить вожатымъ.

Только зернистыя и легко разсыпающіяся скалы, или покрытыя слоемъ рыхлой земли, недоступны слону. При подъемахъ очень помогаетъ слону хоботъ, служащій не столько для прицѣпленія и поддержки, сколько для ощупыванія почвы и открытія самыхъ надежныхъ для опоры мѣстъ.

Еще болѣе находчивости и осторожности выказываютъ слоны при спускахъ со скалъ; они уногребляютъ здѣсь тѣ же приемы, что и мулы, спускаясь съ Андодовъ. Передовой слонъ высматриваетъ удобное для

спуска мѣсто, и, нашедши его, садится, подобно собакѣ или кошкѣ, вытянувъ переднія ноги, а заднія подобравъ подъ себя. Затѣмъ онъ съѣзжаетъ внизъ по скату, замедляя, въ случаѣ надобности, спускъ или измѣняя его направление передними ногами. Все стадо слѣдуетъ примѣру передового и невредимо спускается на равнину. Но не въ однихъ только привольныхъ, дикихъ пустыняхъ и въ борьбѣ съ природою родины выказываются дивныя дарованія слона; еще изумительнѣе онъ среди общества. Здѣсь слонъ является не только отличнымъ фокусникомъ, но и въ правильной игрѣ, дѣйствующимъ лицомъ пьесы, наравнѣ съ другими актерами, и выдерживаетъ свою роль до конца, очень отчетливо. А сколько трудностей предстоитъ побѣдить прежде, чѣмъ убѣдишь слона взойти на подмостки. Тотъ, кто бывалъ за кулисами, знаетъ сколько шуму и суматохи предшествуетъ игрѣ; какими изворотами приходится проходить и всегда съ опасностью обжечь себѣ носъ или волосы о лампу, помѣщенную именно тамъ, гдѣ ея менѣе всего ожидаешь; къ ослѣпительному блеску свѣчей прибавимъ хлопанье, шумъ и крики партера, неровность и шаткость подмостковъ; и тогда поймемъ, съ какими трудностями нужно свыкнуться слону, который чрзвычайно боится огня, пугается всякаго неожиданнаго шума и становится на незнакомое мѣсто не прежде, какъ ошупавъ его хоботомъ.

И не смотря на всѣ эти препятствія, слона приучили появляться на сцену и съ совершенной увѣренностью исполнять свою роль до конца.

Одинъ изъ этихъ четвероногихъ актеровъ приобрѣлъ большую славу на театрѣ Амелфи (въ Лондонѣ), гдѣ въ одной пьесѣ онъ являлся въ роли *избавителя* и всегда случался подъ рукою, именно въ ту минуту, когда нужно было спасти героя. Онъ подходилъ, на примѣръ, къ окну тюрьмы, гдѣ находился заключенный прищъ, принималъ плѣннаго героя себѣ на голову и спускалъ его на землю по скату спины. Слоны пользовались славою актеровъ еще на древнихъ театрахъ. Изъ многихъ разсказовъ древнихъ писателей мы приведемъ одинъ, писанный въ подлинникѣ на латинскомъ языкѣ; полное заглавіе книги слѣдующее: «Исторія чудесныхъ вещей въ природѣ, писанная Юганномъ Юнсонусомъ и теперь переданная на англійскій языкъ значительной особой.»

Всѣ писатели настойчиво утверждаютъ, что слонъ имѣетъ душу. Христофоръ Акоста пишетъ о слонахъ невѣроятныя вещи. «Достовѣрно извѣстно», говоритъ онъ, что въ королевствѣ Малабаръ. Они разсуждаютъ между собою и говорятъ человѣческимъ голосомъ. Въ городѣ Кохинъ былъ слонъ, который возилъ грузы къ гавани и работалъ на пристани. Однажды, когда онъ уже усталъ, губернаторъ принуждалъ его тащить галеру изъ гавани въ море. Слонъ отказался, губернаторъ началъ увѣщевать его добрыми словами и наконецъ упросилъ сдѣлать это для короля Португаліи. Тогда слонъ потащилъ галеру и явственно повторилъ два слова: «гу, гу!», что на малабарскомъ языкѣ означаетъ: хорошо, хорошо.

Во времена императора Тиверія былъ другой случай — въ Римѣ. На арену вывели 12 костюмированныхъ слоновъ и размѣстили на ней въ одиночку. Слоны ходили кругомъ такъ свободно, какъ будто танцовали и, по приказу своего хозяина, сходились и плясали круговую. Потомъ они сѣли за столъ, пили и ѣли очень скромно, точно люди. Слоны весьма прилично и почтительно улеглись на матрацахъ и въ такомъ положеніи сидѣли за столомъ. По знаку хозяина они вытягивали морды къ столу, очень скромно брали кушанья и отвѣдывали ихъ. Жадности или обжорства между ними не было; ни одинъ не гнался за большимъ или лучшимъ кускомъ; прислуживашій мальчикъ подносилъ имъ чашу съ виномъ, и они, не перебивая другъ друга, весело выпивали своими хоботами, а остатокъ вина выпрыскивали на близъ стоящихъ людей.»

Что касается до отказа и наконецъ согласія малобарскаго слона, такія обстоятельства встрѣчаются и въ другихъ частяхъ свѣта, хотя, можетъ быть, слоны тамъ и не высказываютъ перемѣны своихъ мыслей ловами: «гу, гу.» А выдумка, будто слонъ говорилъ по малобарски, можетъ соперничать съ фантазіями арабовъ, которые думаютъ, что всѣ животныя говорятъ по арабски, и что между ними особенною ученостью отличаются свиньи.

Часто слоны долго отказываются исполнять приказанія хозяина, если работа не по нимъ. Нѣкоторые

слоны очень настойчивы и упорствуютъ въ отказѣ, между тѣмъ какъ на другихъ можно подѣйствовать убѣжденіями и добротою.

Приведемъ весьма любопытный случай, бывшій въ Индіи, который можетъ служить примѣромъ упрямства слона. Въ одномъ округѣ слоны приучены складывать дрова въ правильныя сажени и исполняютъ это точнѣе всякаго работника. Одинъ слонъ рѣшительно отказывался исполнять эту работу и упрямился цѣлыхъ два года. Слонъ сбѣлся наконецъ до того непослушень, что хозяинъ рѣшился продать его; но никто не хотѣлъ купить животное съ такимъ нравомъ. Наскучивъ упорствомъ слона, хозяинъ оставилъ его въ покоѣ и уже не приставилъ къ нему болѣе съ дровами. Къ крайнему изумленію хозяина, слонъ вдругъ сбѣлся добровольно, самъ, по собственной своей волѣ отправился къ дровамъ и началъ складывать ихъ съ такою точностью, какъ будто обучался этой работѣ наравнѣ съ прочими слонами, изъ которыхъ ни одинъ не могъ превзойти его въ усердіи и правильности въ работѣ.

Количество пищи, потребное для поддержанія громадной массы слона, по необходимости весьма значительно. Въ Англіи обыкновенный дневной кормъ слона состоитъ изъ берковца сѣна, другаго берковца соломы, шести гарнцевъ ячменной каши съ отрубями, тридцати фунтовъ картофеля и шести ведеръ воды. Въ этотъ счетъ не входятъ ленежки и яблоки, даваемые слону въ теченіи дня.

Если не считать жалованья присмотрщикамъ и пр., то и тогда даже содержаніе слона вовсе не бездѣлица, а въ Индіи она еще значительнѣе, потому что тамъ животныя эти достигаютъ большаго роста, чѣмъ въ Англіи.

Туземцы Индіи высоко цѣнятъ подарокъ слона, потому что охота за ними часто сопряжена съ опасностью жизни. Каждый охотникъ страшно рискуетъ; для выигрыша онъ ставитъ на карту жизнь свою и идетъ за добычей въ ея собственныя владѣнія. Вотъ весьма живое описаніе подобной охотничьей сцены, взятое изъ разсказа Сюливана:

«Въ три часа по полудни, не получивъ никакого положительнаго извѣстія отъ развѣдчиковъ, мы прощались около двухъ миль и остановились около большаго пруда, въ надеждѣ, что нѣсколько слоновъ прибѣгутъ туда на вечерній водопой. Длина пруда была около двухъ миль, ширина—около трехъ четвертей мили. Онъ былъ покрытъ лотосомъ и наполненъ скорѣе тинистой грязью, чѣмъ водою.

Сидя на скатѣ и слѣдя за движеніями валяшагося въ водѣ буйвола, мы разсуждали о переправѣ черезъ прудъ и пришли къ заключенію, что даже самому легкому изъ насъ совершенно невозможно пройти нѣсколькихъ шаговъ, не погрузившись цѣликомъ въ воду. По временамъ олень, дикая свинья и буйволъ приходили на противный берегъ напиться. Эти животныя бродили кругомъ въ полномъ невѣденіи о присутствіи

человѣка; заходящее солнце, освѣщавшее своими нѣжными, лучами безконечный лѣсъ, придавало мѣстности покойную, привлекательную красоту.

Мы съ нетерпѣніемъ ждали заката, потому что слоны за $\frac{1}{2}$ часа до захожденія солнца имѣютъ привычку пить. Мы уже начинали скучать, какъ вдругъ главный развѣдчикъ, не шевеля ни однимъ членомъ, прошипѣлъ «Арни.» Едва сдѣлали мы нѣсколько шаговъ на этотъ сигналъ, какъ прямо противъ насъ камышъ тихо раздался и, медленно качаясь, выступила оттуда громадная масса слона.

Мы оставались совершенно неподвижны, и любовались издалека, какъ шесть слоновъ большихъ и одинъ поменьше выступали изъ тростника поочередно и входили одинъ за другимъ, тѣмъ же размѣреннымъ шагомъ на тридцать или сорокъ футовъ въ глубь пруда. Слоны были по крайней мѣрѣ на полъ мили отъ насъ; и съ помощью небольшой зрительной трубки мы разглядывали ихъ на досугъ и занимали мѣста для боя. Цѣль наша была отрѣзать ихъ отъ лѣса и загнать въ прудъ. Мы думали, что слонамъ невозможно перейти прудъ и что они принуждены будутъ повернуться и вступить съ нами въ бой. Для этого, мы держались окраины камышей и обогнули прудъ на разстояніи болѣе мили, пока не стали на противъ нашихъ непріятелей, и за тѣмъ, построившись въ боевой порядокъ, пошли къ нимъ на встрѣчу. Первымъ движеніемъ слоновъ было отступленіе еще далѣе въ прудъ; но какъ только прошли они ярдовъ около ста, вожатый стада, старая самка, сдѣлала полуоборотъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ

напасть. Самка дѣйствительно кинулась; четыре пули въ голову не остановили ея; но послѣ пятого выстрѣла она съ глубокимъ стономъ покатила на землю. Остальные шесть или семь слоновъ, — не помню сколько именно, — пораженные паническимъ страхомъ, столпились, смѣшались и, какъ стадо барановъ, поплелись въ прудъ. Въ это время мы, увлекшись охотой и позабывъ всякую осторожность и наши прежнія заключенія о непроходимости пруда, ударились за ними такъ быстро, какъ это позволяла намъ топь. Но широкая ступня слоновъ давала имъ на болотѣ большое преимущество передъ нами. Напрасно выбивались мы изъ силъ, чтобы опередить ихъ. Все, что мы могли сдѣлать — это поравняться съ ними.

Чтобы заставить слоновъ обернуться, мы начали стрѣлять, но безъ всякой пользы. Напряженный страхъ пересиливалъ въ нихъ чувства ярости и отчаянія, которыя могли бы побудить ихъ къ бою. Послѣ необыкновенныхъ усилій я подползъ наконецъ къ плечу одного огромнаго слона; дуло ружья моего было на два фута отъ него; въ надеждѣ, что онъ повернется, я выстрѣдилъ изъ обоихъ стволовъ ему за ухо; но слонъ не обратилъ даже никакого вниманія на мой выстрѣлъ, какъ будто я стрѣлялъ въ скирду сѣна. Разумѣется, въ то время я былъ крайне опечаленъ своей неудачей, но въ послѣдствіи, пообсудивъ съ товарищами это дѣло, я невольно радовался, что слонъ не попробовалъ обернуться, потому что тогда онъ тотчасъ же смялъ бы меня въ грязь. Чѣмъ дальше шли мы, тѣмъ прудъ становился глубже и тинистѣе, и на каждомъ шагѣ

мы взяли по пояс и даже по грудь. И преслѣдователи, и преслѣдуемые подвигались медленно, и проходили не болѣе полумили въ часъ.

Слоны были уже на уходѣ, когда одинъ изъ нихъ, разгоряченный непрерывными выстрѣлами, повернулся съ намѣреніемъ напасть, но тотчасъ получилъ успокоительное въ видѣ двухъ или трехъ пуль въ лобъ. Остальные однакоже продолжали путь по болоту, а мы свое утомительное преслѣдованіе. Путь нашъ былъ очень труденъ; иногда улавалось намъ пройти нѣсколько шаговъ по твердому грунту, но съ слѣдующимъ шагомъ мы снова взяли по самыя плечи. Снаряды наши замekli; ружья мы принуждены были поднимать къ верху, что бы сохранить ихъ годными къ дѣлу. Крайне истощившись, мы уже готовы были прекратить охоту, какъ вдругъ слоны, уstraшенные, я думаю, возрастающей мягкостью грунта, повернулись въ сторону. Это позволило намъ снова сойтись съ ними. Мы, я думаю, захватили бы двухъ или трехъ, если бы не самоотверженіе одного слона: увидя наше приближеніе, онъ повернулся къ намъ *лицомъ*, замахалъ хоботомъ, пронзительно трубя, и попытался напасть. Но грунтъ былъ слишкомъ вязокъ, а слонъ слишкомъ слабъ и не могъ двигаться скоро; мы пустили ему двѣ или три пули въ лобъ, и онъ какъ собака опустился на заднія ноги. Въ этомъ положеніи нѣтъ возможности выстрѣлить такъ, чтобы пуля попала въ самый мозгъ слона. Однакожь мы не долго ждали: черезъ минуту слонъ приподнялся—съ выпученными и полными сосредоточенной ярости глазами. Стоя по

поясь въ грязи, мы находились въ такомъ безпомощномъ состояніи, что еслибъ слонъ былъ посильнѣе, то легко передушилъ бы насъ всѣхъ. Но утомленный преслѣдованіемъ и обезсиленный ранами, онъ вскорѣ былъ убитъ нашими выстрѣлами. Этотъ послѣдній отпоръ, хотя и стоилъ слону жизни, но далъ время его товарищамъ далеко уйти отъ насъ. И хотя мы продолжали погоню до противоположнаго берега, но не успѣли перехватить ни одного слона. Почти стемнѣло, когда мы достигли берега. Въ совершенномъ изнеможеніи я бросился на сухую землю.

Охота была опасна не потому только, что слоны могли напасть на насъ, но и потому, что мы могли завязнуть въ болотѣ. Конечно, весьма неприятно промокнуть до костей, но еще хуже вязнуть въ болотѣ въ постоянномъ страхѣ, что вотъ-вотъ застрѣлятъ тебя свои же. Сзади насъ шло много невольниковъ съ ружьями для своихъ господъ. Курки разумѣется были на взводѣ, на мѣстахъ; дула торчали во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ. Одинъ несчастный невольникъ, стоя по плеча въ грязи, передавалъ ружье своему господину, ружье нечаянно выстрѣлило, и пуля попала въ голову невольника.

Всѣ такъ были заняты охотой, что никто не обратилъ вниманія на это, кромѣ меня, стоявшаго весьма близко, да еще самого господина несчастнаго невольника.»

Какъ почти всѣ дикія животныя, слонъ чрезвычайно нервнаго сложенія. Его очень можно оглушить вне-

запнымъ, неожиданнымъ шумомъ. Бывали примѣры, что окруженный стадомъ дикихъ слоновъ, человѣкъ избѣгалъ опасности, внезапно хлопнувъ руками. Слоны такъ поражались этою неожиданностью, что человѣкъ, пользуясь ихъ ужасомъ, успѣвалъ увернуться и скрыться. Странный или непривычный глазу предметъ такъ же дѣйствуетъ на слона и нарушаетъ спокойствіе его духа. Способъ ѣзды на слонахъ у разныхъ сѣдоковъ различенъ. Туземные вожаки садятся просто на шею, безъ всякаго сѣдла, а Европейцы и зажиточные Индѣйцы устрояютъ себѣ сѣдла, подушку или что нибудь въ этомъ родѣ. Сѣдло похоже на обыкновенное лошадиное и снабжено стремями. Сѣдло годится впрочемъ только для небольшихъ слоновъ. Если слонъ высокъ то придется дѣлать такое широкое сѣдло, что сѣдоку неудобно будетъ держаться на немъ. Иногда употребляютъ длинную подушку, къ которой прикрѣплено нѣсколько паръ стремянъ, такъ что разомъ могутъ сидѣть два человѣка и болѣе. Многіе считаютъ подушку гораздо удобнѣе сѣдла. Самый затѣливый и парадный уборъ—гаудэ. Онъ сдѣланъ прочно, очень тяжелъ и годится только для большихъ слоновъ. Гаудэ—родъ короба или лодки съ прямыми боками и желѣзными перилами спереди и сзади. Къ переднимъ прикрѣпляются ружья и копья, а заднія служатъ опорой сѣдоку. Сзади придѣлывается обыкновенное сидѣнье для спутниковъ, на которое они взлѣзаютъ, держась за хвостъ слона и за веревку, служащую подхвостникомъ. Придворные гаудэ устроены совѣмъ иначе. Это пышные экипажи, съ золо-

ченными балдахинами на столбикахъ изъ слоновой кости, украшенные блестящими шелковыми тканями. Такой гаудэ осыпанъ кругомъ драгоценными каменьями, и головной уборъ слона блеститъ рубинами и алмазами. Но ѣзда въ гаудэ утомительна, и европейцу очень тяжело сѣлать въ немъ двадцать миль, хотя туземцамъ онъ вовсе не кажется неудобнымъ. Гаудэ подтягивается ремнями натуго не ранѣе часа послѣ того, какъ кормился слонъ. Если подтянуть тотчасъ послѣ корма, то подпруги вскорѣ ослабнутъ, и гаудэ начнетъ скользить со стороны на сторону, даже можетъ совершенно съѣхать, что, безъ сомнѣнія, очень опасно для жизни сѣдоковъ.

Чаще, чѣмъ сѣдло и гаудэ, употребляется вьюкъ. Онъ соединяетъ выгоды обоихъ. На немъ можно сидѣть верхомъ, какъ на сѣдлѣ, или растянуться, какъ въ гаудэ. Онъ годится и для большихъ слоньевъ и можетъ вмѣстить четырехъ или пятерыхъ сѣдоковъ. Обыкновенно вьюкъ употребляется при охотѣ на тигровъ, хотя онъ нисколько не приспособленъ для помѣщенія запасныхъ ружей и копій и для укладки снарядовъ. На этихъ охотахъ вьюкъ принимаетъ иногда на себя необыкновеннаго сѣдока, какъ увидите въ слѣдующемъ анекдотѣ, рассказанномъ капитаномъ Уильямсономъ.

Одинъ офицеръ, отличавшійся силою, храбростью и другими достоинствами, собралъ партію и отправился изъ Берамкура внизъ по рѣкѣ, на охоту за оленями. Въ числѣ спутниковъ его былъ одинъ мо-

лодой джентльменъ, такого низкаго роста, что начальство запретило ему исполнять какія либо карательныя обязанности, пока не подрастетъ. Едва успѣли пообѣдать, какъ пришло извѣстіе, что тигръ схватилъ бычка, гулявшаго неподалеку, и утащилъ его въ ближній камышъ. Всѣ тотчасъ приготовились, снарядили слоновъ, и партія съѣла.

Малорослому юношѣ больше другихъ хотѣлось участвовать въ охотѣ, и онъ умолялъ нашего охотника взять его къ себѣ на слона, но получилъ отказъ. Нечего было терять времени на переговоры. Охотники отправились, оставивъ миниатюрнаго прапорщика въ крайнемъ неудовольствіи и досадѣ въ особенности на то, что охотникъ выразилъ ему свое мнѣніе о неспособности его принять участіе въ охотѣ по молодости лѣтъ.

Между тѣмъ тигръ, насытившись, лежалъ невдалекѣ отъ остатковъ своей добычи, совершенно скрытый въ густой и высокой травѣ. Онъ притаялся такъ искусно, что охотники долго сомнѣвались, въ камышахъ ли онъ. Но смущеніе слоновъ при приближеніи къ мѣсту, гдѣ былъ тигръ, заставило охотниковъ упорно продолжать свой поискъ. Джентльменъ, затѣявшій охоту, понукалъ вожака держаться болѣе къ мѣсту, откуда несся сильный запахъ тигра. Слонь издавалъ ужасные звуки, но повиновался. Тогда тигръ, видя, что онъ открытъ и можетъ быть раздавленъ, однимъ прыжкомъ очутился на задѣ слона,

уцѣпившись передними когтями за выюкъ, а задними впившись въ ляшки слона. Пораженный страхомъ, внезапною нападенія и сильною болью, слонъ разумѣется устремился съ невѣроятною быстротою сквозь чащу камыша, который поднимался наравнѣ съ его спиною. Быстрота и неправильность бѣга слона не позволяли тигру освободить свои когти и вскочить выше. Джентльменъ не стрѣлялъ въ своего страшнаго товарища, боясь ранить когонибудь изъ спутниковъ, которые, завидя опасность, неслись во всю прыть на помощь. Между тѣмъ неправильный бѣгъ и частые повороты слона съ тигромъ позволили другимъ слонамъ перегнать бѣглецовъ. И одинъ изъ преслѣдователей, выбравъ удобную минуту, нацѣлил въ тигра и сразу повалилъ его на землю мертвымъ. Тяжесть упавшаго звѣря стянула выюкъ нѣсколько на сторону, и вѣроятно повернула бы его совсѣмъ, еслибъ тигръ могъ держаться долѣе. Достоинно замѣчанія, что займи только малорослый юноша мѣсто, котораго такъ сильно добивался, онъ непремѣнно погибъ бы, потому что ногти тигра уцѣпились именно тамъ, гдѣ слѣдовало ему сидѣть».

Природное отвращеніе слона къ тигру такъ сильно, что необходимо заботливо и долго готовить слона, прежде, чѣмъ можно будетъ рѣшиться выѣхать на немъ противъ тигра. И даже послѣ самой тщательной дрессировки многіе слоны не въ состояніи стать лицомъ къ лицу съ врагомъ своимъ и обращаются въ бѣгство тотчасъ, какъ завидятъ прыжокъ или слышатъ сердитый рыкъ тигра. Подобному слону вовсе

не слѣдуетъ довѣряться, и кто хоть сколько нибудь дорожитъ жизнью, не рискнетъ охотиться на немъ за тигромъ.

Первый шагъ къ обученію слона для такой охоты — заставить его довѣрчиво пройти мимо спрятанной въ травѣ чучелы тигра, потомъ слона заставляютъ щупать чучелу ногою и переворачивать её, чтобы удостовѣриться, что она не можетъ вредить ему, далѣе четвероногій ученикъ напираетъ на неё всѣмъ своимъ туловищемъ, наконецъ поднимаетъ чучелу на клыки и откидываетъ её, когда она будетъ борошена ему на голову. Затѣмъ учатъ пронзать чучелу клыками, становясь на колѣно и втыкая клыки въ землю сквозь чучелу. Каждый удовлетворительно повторенный урокъ награждается какимъ нибудь лакомствомъ. Всѣ эти уроки довольно легки и почти всякаго слона можно приучить безъ страха смотрѣть на бездушную чучелу тигра. Но слѣдующій за ними опытъ всегда сопряженъ съ опасностью. Внутри чучелы помѣщаютъ мальчика, который приводитъ её въ движеніе. Это всегда пугаетъ слона, и онъ слѣдуетъ за движущейся чучелой нѣсколько боязливо. Когда слонъ привыкнетъ хладнокровно выносить движенія своего поддѣльнаго врага, мальчикъ начинаетъ выть, стараясь какъ можно ближе подражать голосу тигра. Такъ понемногу свывается слонъ со звукомъ тигрова голоса. Потомъ мальчика замѣняютъ телѣнкомъ и заставляютъ слона раздѣлаться съ мнимымъ тигромъ. Превращеніе это дорого обходится бѣдному телѣнку: если ученикъ хорошо запомнилъ свой урокъ, иско-

верканый телёнок остается на землѣ, пригвожденный къ ней клыками. Чтобъ испытать—успѣшно ли шло обученіе, приносятъ слону трупъ тигра и заставляютъ его бить, подкидывая и пронзая клыками настоящего звѣря точно также, какъ онъ дѣлалъ это до сихъ поръ съ подложными. Если слонъ дозволяетъ класть мертвого тигра себѣ на спину — значитъ самая трудная часть обученія кончена. Но малѣйшая неосторожность можетъ повредить дѣлу. И если слонъ испугается, все прошедшее обученіе потеряно безвозвратно. Слонамъ чрезвычайно противно чувствовать на спинѣ своей тигра. Многіе изъ нихъ, послушные во всемъ остальномъ, и храбрые на охотѣ, не позволяютъ положить на себя мертвого тигра хотя бы даже сами умертвили его. Разумѣется, не всѣ одинаковаго нрава: нѣкоторые ни за что не устоятъ при видѣ живого тигра; но мертвого позволять положить на себя, не обнаруживая ни малѣйшаго беспокойства; но вообще очень трудно заставить слона принять на свою спину трупъ тигра. Однажды убили тигра, и какъ это обыкновенно дѣлается, привязали его къ спинѣ одного слона. Но веревки были не крѣпко завязаны, и тигръ свалился на землю. Это такъ разстроило слона, что онъ не позволилъ уже еще разъ положить на себя тигра, и охотники принуждены были, къ стыду своему, везти его въ телегѣ.

Самые лучшіе охотничьи слоны нападаютъ на тигра клыками или наравятъ сдѣлать такъ, чтобы звѣрь самъ накололся на нихъ во время прыжка. Но изъ десяти, по крайней мѣрѣ девять не пойдутъ на

взбѣшеннаго тигра; такъ что стойкій на тигровой охотѣ слонъ большая рѣдкость и цѣнится очень дорого.

Чтобы слонъ дѣйствительно годился для охоты на тигра, онъ долженъ быть самецъ, значительныхъ размѣровъ, съ длинными и острыми клыками. Малаго роста слонъ немного принесетъ пользы, потому что въ погонѣ за тигромъ онъ не въ состояннн прокладывать дорогу сквозь чащу. Да и сѣдокъ помѣщенъ недостаточно высоко для того, чтобы можно было удобно слѣдить за убѣгающимъ сквозь высокій камышъ тигромъ. Кромѣ того тигру гораздо легче схватить человѣка со спины маленькаго слона, чѣмъ со спины большаго. А если на сѣдлѣ сидитъ еще и вожакъ, то тигръ, не вскакивая даже на спину слона, прямо съ земли можетъ вѣшиться въ ноги сѣдока. Не смотря однакоже на то, что чѣмъ выше слонъ, тѣмъ пригоднѣе онъ для охоты на тигра, многіе сумасброды выѣзжаютъ на слонахъ всего шести или семи футъ ростомъ.

Я упоминалъ уже о той чрезвычайной заботливости, съ которою слонъ предохраняетъ свой хоботъ отъ поврежденій, и она такъ вкоренена въ немъ, что почти невозможно заставить слона тронуть хоботомъ даже мертваго тигра. Онъ будетъ перекидывать его на клыкахъ, колоть ими, комкать и топтать его ногами; но хоботъ свой постоянно будетъ держать свернутымъ между клыками.

Теперешніе слоны не похожи на тѣхъ ископаемыхъ, остатки которыхъ встрѣчаются въ такомъ изобиліи.

Кожа нашихъ слоновъ весьма скудно покрыта толстымъ, грубымъ волосомъ; между тѣмъ, какъ тѣло исчезнувшихъ породъ, кромѣ волосъ, густо облегавшихъ его, было одѣто плотною красноватою шерстью, курчавою какъ у овецъ. Эта особенность показываетъ, что тогда слоны водились въ климатѣ болѣе суровомъ, чѣмъ тотъ, въ которомъ живутъ они въ настоящее время. Жили ли они въ полярныхъ странахъ, это еще нерѣшенный вопросъ. Впрочемъ, по мнѣнію ученыхъ, полярныя страны прежде были гораздо теплѣе, чѣмъ теперь, и это именно обстоятельство и не позволяетъ рѣшительно отвергать, что въ первобытныя времена слоны жили на самомъ дальнемъ сѣверѣ. Одинъ изъ такихъ ископаемыхъ слоновъ былъ найденъ въ концѣ прошлаго столѣтія въ Сибири. Въ теченіи 4-хъ лѣтъ послѣ открытія трупа медвѣди и волки питались мясомъ животнаго, умершаго за нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Къ несчастію, люди, замѣтившіе остова, были безграмотные туземцы, они не понимали важности своей находки, и звѣри съѣли большую часть мяса и кожи: такъ что наука потеряла по всей вѣроятности много важныхъ открытій. Но все-таки осталась значительная часть шкуры, нѣсколько фунтовъ волоса и весь скелетъ, за исключеніемъ одной передней ноги. Клыки, разумѣется, были взяты туземцами на выдѣлку слоновой кости; но ихъ выкупили и послали вмѣстѣ со скелетомъ въ Петербургъ, гдѣ можно видѣть этого слона и теперь. Часть шкуры съ шерстью сохраняется въ музеѣ Медицинской Академіи. Шерсть трехъ сортовъ: одни волосы

толсты, жестки и длиною около 14-ти вершковъ, а красноватая шерсть длиною $1\frac{1}{2}$ вершка.

Открытие это такъ интересно, что я передаю здѣсь рассказъ о немъ, заимствованный изъ каталога музея Медико-Хирургической Академіи.

Одинъ Тунгузъ охотникъ и собиратель ископаемой слоеной кости, поселившійся въ 1799-мъ году на полуостровѣ Ямунѣ, при устьѣ Лены, подь 70° сѣверной широты, замѣтилъ между глыбами льда и мерзлой земли безобразную массу, которая въ слѣдующемъ году обозначилась яснѣе и обнаружила двѣ выдающіяся части. Въ 1803 году часть льда подь найденнымъ тѣломъ, въ которомъ признали трупъ мамонта, растаяла скорѣй остального льда, и громадная масса по тяжести своей упала на песчаный берегъ. Два тунгуза, сопровождавшіе Адамса, передавшаго этотъ случай, были свидѣтелями паденія мамонта. Въ мартѣ 1801 года, тунгузъ, открывшій остова, вырѣзалъ клыки и продалъ ихъ купцу за пятьдесятъ рублей. Два года спустя, или на седьмой годъ по открытіи мамонта, г. Адамсъ посѣтилъ это мѣсто и нашелъ мамонта въ томъ же положеніи, но совершенно изуродованнаго. Окрестные Якуты въ голодное время вырѣзывали мясо на кормъ собакамъ, остальное доѣли дикіе звѣри, медвѣди, волки и лисицы. Но спицной хребетъ и нѣкоторыя другія части скелета, связанныя сохранившейся шкурой, остались цѣлы, за исключеніемъ одной передней ноги. Голова была покрыта сухой кожей; одно ухо съ клокомъ волосъ на немъ также было не тронуто. Конецъ нижней губы былъ обглоданъ,

верхняя губа и хоботъ сѣдены, такъ что коренные зубы выказывались наружу. Мозгъ оставался еще въ черепѣ, но совершенно высохъ. Менѣе повреждены были: одна передняя нога и одна задняя нога; на нихъ сохранились кожа и подошвы; шкура темно-сѣраго цвѣта, три четверти которой еще уцѣлѣла, покрыта была красноватою шерстью съ жесткимъ и длиннымъ чернымъ волосомъ. Сырость мѣста, гдѣ такъ долго лежало животное, нѣсколько попортила волоса. Весь скелетъ отъ передней части скулы до конца обгрызаннаго хвоста имѣлъ 14 футъ, 4 вершка длины; вышина его была 9 футъ 4 вершка; клыки по изгибу имѣли 9 футъ 6 вершковъ; а по прямой линіи отъ основанія ихъ до оконечности 3 фута 7 вершковъ длины.

Г. Адамсъ собралъ кости и отдѣлилъ кожу съ бока, на которомъ животное лежало. Кожа была такъ тяжела, что десять человекъ съ трудомъ перенесли её къ берегу. Потомъ взрыли землю въ нѣсколькихъ мѣстахъ кругомъ, чтобы удостовѣриться, не осталось ли еще костей, но главное для того, чтобы собрать шерсть, которую медвѣди, пожирая я мясо, втоптали въ землю. Такимъ образомъ добыто болѣе 30 фунтовъ шерсти. Клыки были выкуплены въ Якутскѣ, и весь островъ отправленъ въ Петербургъ, гдѣ и теперь находится.

Это не единственный примѣръ; еще до этого случая найденъ былъ цѣлый слонъ, а кости отыскивались часто. Клыки попадаютъ въ такомъ изобиліи, что изъ тѣхъ мѣстъ идетъ много слоновой кости. Но

слонъ, найденный при устьѣ Лены, самый лучшій изъ всѣхъ отысканныхъ. Жаль только, что медвѣди и другіе звѣри съѣли хоботъ прежде, чѣмъ кто нибудь вздумалъ выручить остовъ. Какъ животное попало въ ледъ? Мнѣнія объ этомъ были различны; но вообще полагаютъ, что оно упало въ трещину ледника и тамъ замерзло.

Если бы эти исчезнувшія животныя снова явились въ наше время, то не трудно было бы отличить ихъ отъ Азіатской или Африканской породы слоновъ. Клыки ископаемыхъ слоновъ больше, а стало быть и углубленія головы, изъ которыхъ они выходили, были такъ же больше, а это придавало головѣ при основаніи клыковъ особенную ширину, что и послужило бы намъ характеристическимъ признакомъ ископаемыхъ слоновъ. Есть впрочемъ и другія различія ископаемыхъ слоновъ отъ живущихъ породъ, особенно въ зубахъ. Ископаемый слонъ по наружному своему виду болѣе подходит къ индѣйскому, чѣмъ африканскому слону. Хотя никто не затруднился бы отличить мамонта отъ Азіатскаго или Африканскаго слона, но не такъ легко отличить этихъ послѣднихъ другъ отъ друга. Впрочемъ опытный глазъ даже по одной наружности отличить Азіатскаго слона отъ Африканскаго. Голова Азіатскаго слона выше, уши меньше, лобъ выпуклѣе Африканскаго. Но самый отличительный признакъ даже для неопытнаго глаза, — зубы. Зубы, какъ уже было сказано, покрыты эмалью. Эмаль Азіатскаго и Африканскаго слоновъ расположена не одинаково, такъ что по ней можно различать эти породы. У Азіатскаго

слона она состоитъ изъ узкихъ желобковъ, одинаковой ширины и правильно расположенныхъ одинъ за другимъ, у Африканскаго, напротивъ, эмаль размѣщена весьма неправильно; она по большей части вздувается у него въ серединѣ зуба и отдѣльныя выпуклости ея иногда соединяются узенькою шейкой.

Зубы слона чрезвычайно тяжелы, что можно заключить уже изъ одного того, что у него, кромѣ клыковъ, только по четыре зуба въ каждой челюсти. При постановкѣ слонаго скелета въ Оксфордѣ, найдено, что вѣсъ клыковъ, зубовъ и черепа вмѣстѣ почти ровнялся вѣсу всего остального скелета. Вотъ до какой степени тяжела голова слона!

Всякій, по одному взгляду на скелетъ, сразу угадаетъ нѣкоторые изъ употребляемыхъ слонами способовъ нападенія и защиты; но едва ли догадается онъ о всѣхъ, потому что слонъ можетъ защищаться двумя совершенно неожиданными способами. Если на слона нападетъ тигръ, кабанъ и т. п., онъ иногда раздавливаетъ звѣря, внезапно повалясь на него всею тяжестью своего тѣла. Одинъ несчастный охотникъ былъ убитъ именно такимъ образомъ—слонъ неожиданно упалъ на него. Слонъ умѣетъ также лягаться и притомъ чрезвычайно сильно. Это покажется невѣроятнымъ, если взглянуть на устройство его ногъ. И дѣйствительно слонъ не можетъ лягаться по лошадиному. Чтобъ лягнуть, онъ перевалитъ прежде всю тяжесть тѣла на три ноги, и освободивъ такимъ образомъ четвертую ногу, вскидываетъ ее на своего противника.

Одинъ небольшой слонъ, самка, отражалъ весьма страннымъ способомъ нападенія кабана. Онъ прежде всего старался залучить звѣря подъ себя, потомъ переталкивалъ его отъ ноги къ ногѣ до тѣхъ поръ, пока совершенно не изувѣчилъ и такимъ образомъ не лишилъ его возможности ускользнуть.

Всѣ слоны очень не любятъ маленькихъ животныхъ, или лучше сказать животныхъ, малыхъ въ сравненіи съ ними. Слоны не любятъ, чтобы на охотѣ были собаки и обнаруживаютъ большое замѣшательство, когда онѣ слѣдуютъ за ними. Но ничто такъ не разстроиваетъ слона, какъ мчащаяся за нимъ лошадь.

Рѣзкій стукъ подкованныхъ копытъ сильно беспокоитъ слона, если онъ и видитъ лошадь; но страхъ его еще болѣе усиливается, когда топотъ слышится сзади. Нѣкоторыхъ животныхъ слоны не могутъ терпѣть, даже, еслибъ тѣ не двигались съ мѣста. Тигръ, какъ мы видѣли, одно изъ такихъ животныхъ. Здѣсь есть впрочемъ и причина ненавидѣть, но почему слонъ отказывается подойти близко къ верблюду, — это не совѣмъ понятно. Слонъ еще будетъ идти безъ большого отвращенія вмѣстѣ съ верблюдами, когда они навьючены; но терпѣть не можетъ подходить къ верблюду, когда тотъ безъ всякой клади.

Одинъ офицеръ прислалъ изъ Индіи слѣдующій рассказъ объ охотѣ на слоновъ другу своему въ Лондонѣ. Такъ какъ здѣсь описана первая встрѣча его съ подобнымъ врагомъ, то рассказъ объ ней довольно интересенъ: «Черезъ нѣсколько дней послѣ битвы нашей

съ тигромъ, мы встрѣтили слона на травянистой равнинѣ. Навабъ, жадный до всевозможныхъ охотничьихъ развлеченій, тотчасъ составилъ полукругъ изъ четырехъ сотъ слоновъ, и направилъ ихъ такъ, чтобы обойти и окружить добычу. Я былъ въ первый разъ на охотѣ за дикимъ слономъ и, признаюсь, чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко. Не смотря на это, я держался подлѣ Наваба, увѣренный, что не оробѣю въ минуту опасности. Когда нашъ боевой строй приблизился на двѣсти шаговъ къ дикому слону, онъ, казалось, изумился, но не струсилъ. Два большихъ «ярыхъ» слона были посланы противъ него. Подпустивъ ихъ на двадцать шаговъ, дикарь напалъ на нихъ. Ударъ былъ страшень: однакожь дикій побѣдилъ и погналъ слоновъ передъ собою. Когда онъ проходилъ мимо насъ, Навабъ послалъ нѣсколько самыхъ сильныхъ самокъ съ канатами. Тѣ пошли рядомъ съ нимъ, а вожаки между тѣмъ пользовались каждымъ случаемъ, чтобы закинуть петли съ подвижными узлами. Попытка была однакоже неудачна. Дикарь перерывалъ всѣ веревки, и ни одинъ ручной слонъ не могъ остановить его. Навабъ, видя невозможность поймать слона, приказалъ убить его. Раздался залпъ. Болѣе ста пуль было выпущено и нѣкоторыя попали въ слона, но онъ, казалось, ничего не замѣтилъ, и продолжалъ двигаться къ горамъ. Мы поддерживали непрерывный огонь около получаса. Навабъ и большая часть охотниковъ выпускали пули отъ 15 до 20 золотниковъ вѣсомъ, но онъ, пробивъ толстую кожу слона, оставались въ ней. Я подѣхалъ на своемъ слонѣ на

двадцать шаговъ къ ликому слону и выстрѣлилъ ему въ голову; хлынула кровь, но черепъ остался неповрежденнымъ. Нѣсколько кавалеристовъ подскакали къ нему и начали рубить его саблями. Онъ обратился противъ всадниковъ; нѣкоторыхъ ранилъ, а другихъ убилъ. Но слонъ видимо началъ ослабѣвать; три тысячи ружейныхъ выстрѣловъ, и нѣсколько сабельныхъ ударовъ отняли у него много крови.

Онъ убавилъ шагу, но все еще былъ спокоенъ и гордъ, и какъ герой рѣшился, по видимому, встрѣтить близкую смерть съ непоколебимой твердостью. Я не могъ не пожалѣть благородное животное и воображалъ, что вижу великаго Эпаминонда, окруженнаго Лакедемонцами въ битвѣ при Мантиней. Всадники, видя немощь слона, слѣзли съ коней, и начали рубить саблями сухожилья заднихъ ногъ его. Они скоро перерубили ихъ и слонъ не могъ ужъ болѣе двигаться. Благородный царь лѣсовъ пошатнулся, взглянулъ съ выраженіемъ презрѣнія и полуукора на своихъ бездушныхъ враговъ и, какъ гора, упалъ на бокъ безъ жалобы, безъ стона.

Тогда подошли люди съ топориками и принялись за его огромные клыки, а солдаты между тѣмъ начали пробовать на распростертномъ героѣ остроту своихъ сабель, силу рукъ и непобѣдимое мужество. Зрѣлище было трогательное. Слонъ еще дышалъ, и дышалъ безъ стона. Онъ тоскливо повелъ глазами по окружающей толпѣ, и, сдѣлавъ послѣднее усиліе подняться, испустилъ духъ.

Навабъ возвратился въ свою палатку, надменный и торжествующій, какъ Ахилъ. Остатокъ дня и нѣсколько слѣдующихъ были посвящены безконечнымъ разговорамъ о побѣдѣ, въ которыхъ дѣйствительность украшалась всевозможными изобрѣтеніями лести и самаго заносчиваго воображенія.

Съ горъ мы направили путь къ Бакра-Джилю, куда прибыли 4 декабря. Бакра-Джилъ очень большое озеро, у подошвы Горокпурскихъ холмовъ. Камыши, окружающіе озеро, полны дикихъ слоновъ, единороговъ, тигровъ, леопардовъ, дикихъ быковъ, оленей и всякой дичи. Это мѣсто назначалось для главной охоты; цвѣтистыя описанія Наваба сильно подстрекали наше нетерпѣніе; 5 декабря, рано утромъ, позвали насъ на лѣсную войну. Линія въ 1,200 слоновъ вытянулась на сѣверной сторонѣ озера, лицомъ къ востоку; и мы, въ ожиданіи роскошной охоты, быстро подвигались сквозь высокій камышь. Достигнувъ восточнаго конца озера, замѣтили огромное стадо слоновъ, которые паслись и рѣзвились у подножія горъ; я насчиталъ ихъ болѣе ста семидесяти. Въ эту рѣшительную минуту слонъ одного изъ спутниковъ Наваба оступился въ скрытую яму; джентельмень, сидѣвшій на немъ, упалъ и ушибся такъ сильно, что Навабъ остановилъ отрядъ и отправилъ раненаго въ паланкинъ назадъ. Это дало слонамъ время рассмотреть нашъ страшный строй и оправиться отъ изумленія.

Многіе изъ нихъ стали улепетывать къ горамъ. Навабъ раздѣлил всѣхъ 1,200 слоновъ на четыре отряда и послалъ ихъ въ погоню за дикими, чтобы

забрать или перебить ихъ. Я остался съ отрядомъ самаго Наваба. Мы напали на самаго большого слона и, послѣ долгой битвы, убили его точно такъ, какъ за нѣсколько дней тому назадъ убили другого слона на равнинѣ. Мы убили еще четырехъ, поменьше. Отряды, посланные въ погоню за убѣжавшими слонами, поймали еще 16 штукъ, такъ что всего мы захватили 21 слона, и съ большимъ торжествомъ отправились съ ними въ лагерь.

Я далъ только краткій очеркъ этой огромной охоты, такъ какъ ничье перо не въ состоянii описать, что мы тогда видѣли и чувствовали. Смятеніе, шумъ, пальба, крикъ 1,200 ручныхъ слоновъ и 170 дикихъ, бьющихся въ страшномъ безпорядкѣ, представляли ужасную свалку, какой не вообразить и самой роскошной фантазіи. Было выпущено около 13 тысячъ пуль, и нужно удивляться, что, не смотря на суматоху, потеря съ нашей стороны была очень мала.

Мы потеряли около полудюжины лошадей и человекъ двадцать было убито или изувѣчено.

Многіе изъ нашихъ ручныхъ, «ярыхъ» слоновъ, высланные противъ дикихъ, были побиты и обращены въ бѣгство. Самый большой изъ убитыхъ слоновъ былъ десяти футъ ростомъ и стоилъ бы 20,000 рупій, еслибъ былъ пойманъ. Наша добыча въ этотъ день можетъ, безъ преувеличеній, быть оцѣнена въ 50 тысячъ рупій; но вы знаете, что не страсть къ прибыли руководила нами.»

Слово «ярый» встрѣчается нѣсколько разъ въ предъидущемъ описаніи и требуетъ поясненія.

Періодически, въ известное время, слонъ дѣлается неукротимымъ и не слушается даже своего хозяина; онъ горитъ какимъ-то дикимъ желаніемъ нападать на всѣхъ и на все.

Это продолжается недѣлю, или дней десять, въ теченіи которыхъ слонъ завется «ярымъ». На охоту, особенно сопряженную съ большими опасностями, стараются брать ярыхъ слоновъ, потому, что они теряютъ, на время своего помѣшательства, всякое чувство страха, и готовы напасть на все, что находится передъ ихъ глазами. Но для яраго слона требуется весьма осмотрительный и ловкій жокакъ; такому слону все равно на кого идти: на врага или на друга. Слоны обыкновенно бываютъ темнаго цвѣта, иногда довольно близко подходящаго къ черному. Впрочемъ, хотя и рѣдко, но попадаются слоны молочнаго цвѣта. Эти альбиносы, такъ они и дѣйствительно называются, по своей рѣдкости цѣнятся очень высоко.

Царь Авы забираетъ всѣхъ бѣлыхъ слоновъ себѣ, и поэтому къ титуламъ своимъ придаетъ еще особый титулъ — «царь бѣлыхъ слоновъ». Когда бѣлый слонъ пойманъ, сей часъ дается знать королю, который немедленно приказываетъ прислать его къ себѣ. По приходѣ бѣлаго слона, начинаются увеселенія, и затѣмъ король проситъ свой дворъ отдать визиты новому гостю. Король врядъ ли рѣшится когда нибудь оставить этотъ обычай, потому что, по принятому обыкновению, каждый кладетъ при этомъ небольшую сумму денегъ; и хотя сумма каждого посѣтителя дѣйстви-

тельно ничтожна, но гостей перебиваетъ столько, что царскіе сундуки получаютъ не малую прибыль.

Послѣ этой церемоніи каждый можетъ осматривать слона, хотя слонъ принадлежитъ уже царю и помѣщается въ царскихъ конюшняхъ, если можно назвать такимъ плебейскимъ именемъ великолѣпный домъ, въ которомъ слонъ даже и ѣсть съ серебра.

Путешественница г. Джоусонъ рассказываетъ разные анекдоты о безумныхъ издержкахъ, расточаемыхъ на приобрѣтеніе и содержаніе бѣлыхъ слоновъ. Такъ, наприимѣръ, однажды донесли царю, что видѣли, гдѣ-то очень далеко, бѣлаго слона, но что поимка его и охота по воздѣланнымъ полямъ нанесутъ убытокъ на десять тысячъ риса. Но такая жертва ничего не значила для царя, когда дѣло шло о бѣломъ слонѣ и тотчасъ отдано было повелѣніе начать охоту.

Мы видѣли, какимъ опасностямъ подвергается охотникъ за словами и какъ гибельна бываетъ охота даже для тѣхъ, у которыхъ есть и мѣткія ружья и быстрые кони. Какова же должна быть опасность для бѣдныхъ дикарей, которые, побуждаемые надеждой на долгій пиръ, преслѣдуютъ слона нѣсколько дней къ ряду и наконецъ закалываютъ его копьями? Но велико за то и торжество, когда падетъ наконецъ мощный противникъ. Надъ поверженнымъ врагомъ каждый произноситъ рѣчь. Это не такъ трудно, какъ кажется съ перваго взгляда, потому что рѣчь состоитъ преимущественно изъ ругательствъ надъ падшимъ слономъ и

его предками за нѣсколько поколѣній, съ примѣсю похвалъ мужеству самаго оратора. Такъ какъ разсказъ повторяется снова и снова, то изъ этихъ бѣдныхъ матеріаловъ составляется наконецъ весьма длинная рѣчь. Когда рѣчи кончены и каждый доказалъ, къ своему величайшему удовольствію, какого презрѣнія достоинъ былъ слонъ и какъ храбръ онъ самъ, начинается великое дѣло—слона потрошатъ. Трое или четверо буквально входятъ въ слона чрезъ отверстіе, прорѣзанное въ боку его. Люди, находящіеся внутри слона, выбираютъ оттуда лучшія части, которыя, по мнѣнію всѣхъ дикихъ племенъ, непременно находятся во внутренностяхъ. Самый лакомый кусокъ—печень и часть ея обыкновенно поѣдается сырою. Наружность этихъ черныхъ дикарей вовсе непривлекательна и люди со сколько нибудь деликатными органами обонянія найдутъ за лучшее держаться поодаль отъ нихъ на вѣтрѣ. Какому нибудь дикарю вздумается придать своей наружности видъ непобѣдимаго героя. И вотъ онъ влезаетъ во внутренность слона, обкладываясь весь запекшеюся кровью и въ такомъ видѣ, очень довольный собой и въ особенности своей страшной наружностью, выходитъ изъ этой оригинальной уборной. Если онъ еще и доброй малый, шутникъ, то захватить съ собою двѣ пригорсти того же самаго красиваго вещества и обмажетъ имъ всякаго, кто повернется ему подъ руку. Въ жаркомъ климатѣ разложеніе происходитъ чрезвычайно быстро, такъ что чрезъ нѣсколько часовъ по окончаніи туалета, прелести добраго малаго выкажутся во все своей силѣ.

Между тѣмъ нѣсколько человѣкъ сдираютъ кожу, чтобы достать тонкую, упругую нижнюю кожу, которую они вырѣзаютъ большими листами и употребляютъ потомъ на выдѣлку боченковъ для воды. Другіе отрѣзаютъ мясо полосами и гирляндами и развѣшиваютъ его на ближнихъ вѣтвяхъ, для просушки на солнцѣ.

Ноги и хоботъ убитаго слона обыкновенно приготавливаются тутъ же на мѣстѣ. Поваръ вырываетъ въ землѣ по ямѣ для каждой ноги и для хобота. Глубина ямъ около двухъ футовъ, ширина около трехъ. Земля изъ ямы разбрасывается по краямъ, такъ что образуетъ нѣчто въ родѣ стѣнки. Надъ ямами раскладывается сухое дерево и сожигается. Въ деревѣ недостатка не будетъ, потому что слоны ломаютъ обыкновенно очень много сучьевъ и вѣтвей.

Когда грудa сгоритъ, отъ нея распространяется такой сильный жаръ, что даже туземцы, привычные къ жгучему солнцу, не могутъ стоять вблизи. Поэтому, что бы сгрести горячіе угли, употребляется жердь въ 16 футовъ длиною. Самое выгребаніе производится нѣсколькими близъ стоящими дикарями. Каждый беретъ жердь и гребетъ помощію крюка, прикрѣпленнаго къ ней. Когда дикарь не въ состояніи сносить долѣе жара, то передаетъ жердь другому, а самъ убѣгаетъ. Совершенное очищеніе ямы отъ углей требуетъ поэтому большого труда. А между тѣмъ оно необходимо, потому что прикосновеніе раскаленнаго дерева сильно испортило бы кушанье. Пока продолжается эта церемонія, другіе дикари отрѣзываютъ переднія ноги у щетокъ и разрубаютъ хоботъ на куски приличной

длины. Нѣсколько человѣкъ посильнѣе берутъ отрѣзанные куски и бросаютъ ихъ въ нагрѣтую яму. Потомъ опять принимаются за длинныя жерди и забрасываютъ ямы съ мясомъ землею, на которую снова накладываютъ горячихъ углей. Надъ этой подземной печью устроивается другой костеръ и зажигается. Когда костеръ догоритъ, кушанье готово. Печи раскрываются и выпеченное мясо вынимается остроконечными палочками. Обыкновенно къ мясу пристаётъ снаружи много сухой земли, такъ что каждый кусокъ хорошенько выбивается, потомъ оскабливается коньями, послѣ чего его облупляютъ и прокалываютъ острыми кольями, чтобы удобнѣе было нести.

Высушенныя полосы мяса извѣстны подъ названіемъ «Бильтонгъ» и употребляются, какъ у насъ хлѣбъ, причемъ жиръ изъ слоновыхъ внутренностей замѣняетъ наше масло. Когда куски совершенно сухи, они складываются вмѣстѣ и стягиваются въ связки волокнами внутренней коры милюзоваго дерева.

Милюза, подобно липѣ, имѣетъ волокнистую внутреннюю кору, полоски которой могутъ вполнѣ замѣнять лыки.

Кому нравятся прелести дикой жизни, пусть представитъ себѣ слѣдующую картину: Мѣсто дѣйствія — кустарникъ въ южной Африкѣ. Посрединѣ лежитъ обезображенное тѣло слона; его красныя ребра, голыя, почти совершенно обнаженныя, рѣзко выдаются, какъ ребра корабля на верфи. Кусты и шипы терновника покрыты большими кусками багроваго мяса, скоро чернѣющаго подъ лучами жгучаго африканскаго солнца.

Внутри слона роется полдюжаны людей, облѣпленныхъ кровью и жиромъ, и по временамъ вылетаютъ оттуда лакомые куски, которые тотчасъ же и съѣдаются сырыми.

Пятьдесятъ или шестьдесятъ человѣкъ подобнымъ же образомъ разукрашенныхъ дикарей копаются вокругъ трупъ и криками и воемъ выражаютъ свою неистовую радость. Отвратительный запахъ распространяется отъ этой массы живыхъ существъ, которыя не знаютъ, что значить умываться и, кромѣ свѣжихъ украшеній настоящаго дня, постоянно обмазываются еще съ головы до ногъ самымъ протухлымъ саломъ.

Посмотримъ на нихъ три или четыре часа спустя. Вся масса дикарей, мужчины и женщины, старые и молодые, лежатъ кругомъ трупъ, до того набѣвшіея, что не могутъ подняться съ мѣста.

Дикарь всегда бросается въ крайности. Если попался ему крѣпкій напитокъ, онъ натягивается до пьяна; если есть табакъ, онъ нюхаетъ его изъ ложки, чтобы ноздри посинѣли; если попалъ онъ на мясо, то ѣстъ до тѣхъ поръ, пока не повалится на землю; ему недоступна мысль о сбереженіи на завтра. Въ такомъ положеніи останется цѣлое племя и не ступитъ шага для новой охоты, пока не будетъ съѣденъ послѣдній кусокъ. Рассказываютъ, что одинъ дикарь построилъ себѣ небольшой шалашъ возлѣ убитаго звѣря, и не покинулъ этого мѣста, пока не съѣлъ всего.

Изъ всѣхъ частей слона наиболѣе цѣнится дикарями жиръ, который выполняетъ у нихъ два назна-

венія: вопервыхъ онъ составляетъ вкусное блюдо, во вторыхъ размазывается по тѣлу, замѣняетъ наши косметическія средства. Обыкновенно дикарь заканчиваетъ свой туалетъ большимъ кускомъ жира, который кладетъ себѣ на макушку головы. Изъ этого куска, какъ изъ резервуара, постоянно стекаютъ жирныя ручьи по волосамъ, по плечамъ и оттуда по всему тѣлу. Жиръ такъ цѣнится дикими, что племена Бекуана, напримѣръ, готовы отправиться Богъ знаетъ въ какую даль для того только, чтобы добыть немного жира. По большей части они достаютъ жиръ изъ слоновъ, во внутренности которыхъ онъ лежитъ большими пластами, и потому смерть слона для дикарей большой праздникъ. Жиръ не простое украшеніе дикихъ, а въ высшей степени полезная защита отъ лучей солнца, которые иначе жестоко обжигали бы ихъ ничѣмъ не прикрытое тѣло. Наружное употребленіе жира или масла туземцами жаркихъ странъ винушено имъ какъ бы самую природою, гдѣ они скудно прикрываютъ свою наготу. Въ центральной Африкѣ существуетъ совершенно особый родъ охоты на слоновъ, если только такая охота можетъ быть названа охотой. Главная роль принадлежитъ здѣсь двумъ охотникамъ и лошади. Одинъ изъ охотниковъ совершенно безоруженъ, а другой вооруженъ саблей, острой, какъ бритва. Какъ только завидятъ они одинокаго слона или цѣлое стадо, оба садятся на одну лошадь: вооруженный саблею помѣщается сзади безоружнаго, обязанность котораго управлять лошадью. Приблизясь къ слону, они начинаютъ обычныя руга-

тельства надъ слономъ и всѣми его родственниками, особенно достается нѣжному полу. Оскорбленный этой наглостью, слонъ или останавливается подивиться на своихъ ничтожныхъ клеветниковъ, или сразу бросается на нихъ. Этого только охотники и ждали. Когда слонъ сойдется съ ними, они быстро ворочаютъ лошадь всторону; второй сѣдокъ соскакиваетъ и однимъ ударомъ сабли перерубаетъ слону большое сухожилие задней ноги, затѣмъ снова вскакиваетъ на лошадь и отправляется за другой жертвой. Между тѣмъ раненый слонъ совершенно не въ состояннн двинуться, и пока побѣдитель его высматриваетъ новую добычу, онъ издыхаетъ подъ копытами людей, стоявшихъ на готовѣ у мѣста битвы. Часто случается, что сухая жила не перерубается сразу, а только подрѣзывается; но почти всегда она перерывается сама собою послѣ нѣсколькихъ шаговъ слона, вздумавшаго преслѣдовать враговъ своихъ.

Изъ разсказа путешественника, описывающаго поведение раненаго такимъ образомъ слона, можно заключить, что наружность бѣднаго животнаго, ожидающаго вѣрной смерти, должна быть самая трогательная. Раненый будто заранѣе знаетъ свою участь, и его рыданія и стоны въ этомъ случаѣ, говорятъ, до крайности жалостны.

Въ тѣхъ же странахъ существуетъ еще болѣе остроумный способъ убивать слоновъ. Извѣстно, что слоны, послѣ заката солнца и часто весьма издалека, каждую ночь отправляются на водопой къ однимъ и тѣмъ же прудамъ. И не одни слоны идутъ къ водѣ: всѣ осталь-

ныя животныя такъ же приходятъ пить. Потому-то нигдѣ нельзя встрѣтить столько дичи, какъ по берегамъ рѣкъ, источниковъ и другихъ водохранилищъ, тѣмъ болѣе, что Африка вообще весьма скудно надѣлена водою. Слоны держатся обыкновенно одного и того же пути и потому натаптываютъ весьма замѣтныя тропы. Эти дороги очень облегчаютъ слонамъ переходъ до водоюя, но часто приводятъ ихъ къ гибели. Туземцы слѣдуютъ по этимъ тропамъ, пока не дойдутъ до весьма высокаго дерева. Охотникъ взбирается туда и беретъ съ собою нѣсколько очень длинныхъ копій, вооруженныхъ странными клинками до двухъ футъ длиною. Древко, слишкомъ длинное для всякой другой цѣли, сдѣлано изъ самаго легкаго дерева. Когда охотникъ слышитъ приближеніе слоновъ, то беретъ одно изъ своихъ копій и держитъ его надъ тѣмъ мѣстомъ, по которому должны пройти слоны. Вскорѣ одинъ изъ нихъ подходитъ подъ клинокъ, который тотчасъ опускается въ спину животного. Раненый звѣрь, отъ боли, съ бѣшенствомъ кидается впередъ, а длинное древко качается съ каждымъ движеніемъ слона; клинокъ входитъ все глубже и глубже въ тѣло и производитъ страшныя раны. Измученное животное бросается въ лѣсъ, думая тамъ найти себѣ убѣжище, но отъ непрестанныхъ ударовъ копья о деревья рана еще болѣе увеличивается. Даже крѣпкій слонъ не можетъ выдержать подобной раны и скорѣ безъ жизни подаетъ на землю.

Слоны до того бываютъ вѣрны своему постоянному пути къ водоюя, что не только слѣды ихъ

служать указаніями охотникамъ, но даже обломан-
ныя вѣтви, усыпающія дорогу, и самыя стволы при-
дорожныхъ деревьевъ, которые обыкновенно бываютъ
сглажены на семь или восемь футовъ отъ земли отъ
постояннаго тренія грузнаго туловища путешествен-
никовъ. Нѣкоторыя дороги совершенно очищаются
этими умными животными отъ всѣхъ острыхъ камень-
евъ, и въ полномъ смыслѣ слова бываютъ выложены
крупнымъ булыжникомъ, который отъ постояннаго
давленія слоновыхъ ногъ входитъ въ землю и обра-
зуетъ надежную мостовую.

Волчьи ямы не въ большомъ употребленіи у Аф-
риканцевъ, потому что слоны окружаютъ такую
яму и освобождаютъ упавшаго туда своего со-
брата. Послѣ этого они, по своей обычной осторож-
ности, удаляются изъ страны, гдѣ встрѣчаются по-
добныя опасности. Иногда въ дно ямы вбивается ос-
трый колъ, чтобы слонъ, попавъ на него, не въ
состояніи уже былъ выйти; но и это не всегда упо-
treбляется, потому что вытащить его изъ ямы не
легко, а дикари не терпятъ трудной работы.

Присутствіе слоновъ служить всегда радостнымъ
признакомъ для утомленнаго зноемъ и жаждою пут-
ника: вода, и непременно въ изобиліи, должна быть
по близости. И въ нашемъ прохладномъ климатѣ сло-
ны требуютъ огромнаго количества воды, и изъ это-
го ужь можно заключить, какъ много должны они
употреблять ея на своей жаркой родинѣ. На песчан-
ной почвѣ эти смышленныя животныя часто собствен-
ными ногами выкапываютъ колодцы и терпѣливо

ждуть, пока наберется достаточно воды; тогда они выпивают ее хоботами, при чем стараются стоять, как можно дальше от колодца, чтобы под тяжестью их не осыпался песокъ.

Слонъ, какъ многія другія дикія животныя, не ограничивается своей обыкновенной пищей. Львы и тигры, напримѣръ, весьма любятъ саранчу, кузнечиковъ, жуковъ, стоножекъ и въ немаломъ количествѣ истребляютъ этихъ насѣкомыхъ. Точно такъ и слонъ не довольствуется одними травами и листьями; онъ отыскиваетъ также ароматныя корни, выкапывая ихъ клыками. Тонкость обонянiя у слона такова, что онъ безошибочно угадываетъ присутствiе желаемыхъ корней, единственно по ихъ запаху. Эта тонкость чутья очень вредитъ охотнику. Дикiе слоны всегда открываютъ своего врага, человѣка, хотя бы онъ находился больше чѣмъ на милю отъ нихъ, лишь бы только вѣтеръ дулъ отъ охотника къ слонамъ. По этому охотникъ долженъ приближаться къ своей добычѣ противъ вѣтра; малѣйшiй запахъ въ воздухѣ непременно будетъ услышанъ тонкимъ чутьемъ слоновъ; а они такъ страшатся человѣка, что если дитя пройдетъ подъ вѣтромъ на четверть мили отъ стада, то цѣлая сотня мощныхъ слоновъ обратится въ безпорядочное бѣгство.

Слонъ часто преслѣдуетъ хищныхъ животныхъ и ѣстъ саранчу, которая иногда въ безчисленномъ множествѣ появляется на мѣстахъ, посѣщаемыхъ слонами.

Впрочемъ на счетъ пищи слоновъ намъ извѣстно весьма немного.

Люди, которые могли бы лучше всякаго другого разузнать объ этомъ предметѣ, по большей части совершенные навѣжды въ немъ. Какъ напримѣръ незнать обитателямъ южной Африки, что больше всего любить слонъ. А между тѣмъ, странно сказать, жители Мыса Доброй Надежды выказываютъ такое полнѣйшее незнаніе слоновъ, которое изумило бы у насъ порядочно воспитаннаго шестилѣтняго ребенка.

Какъ большая часть животныхъ, съ сильно развитыми умственными способностями, слонъ имѣетъ много нѣжнаго чувства, и привязанность свою къ супругѣ, малюткѣ и даже хозяину выражаетъ часто самымъ трогательнымъ образомъ. Не много найдется такихъ животныхъ, которыя отказываются защищать дѣтей своихъ до послѣдней минуты жизни. Даже самыя робкія и самыя слабыя животныя теряютъ, по видимому, всякое чувство страха подъ вліяніемъ материнской нѣжности и не колеблясь бросаются на своихъ, самыхъ свирѣпыхъ враговъ, если только думаютъ, что ребенку ихъ можетъ грозить какая нибудь опасность. Я знаю, что многіе естествоиспытатели отвергаютъ это и зовутъ материнское чувство животныхъ простымъ инстинктомъ, которому животное не въ состояніи противиться. Но я не согласенъ съ этимъ и не могу понять, почему на насѣкомое мы должны смотреть, какъ на машинку, которую стоитъ только завести и она сама собою будетъ продолжать работу?

Зачѣмъ творенія Божьи ставить на одну доску съ часами, или паровозомъ?

Возьмите, напримѣръ, тѣхъ тварей, которыя, по общему мнѣнію, наименѣе одарены разсудкомъ. У рыбъ, кажется, немного ума, и онѣ дѣйствуютъ болѣе по инстинкту, чѣмъ по какимъ либо соображеніямъ. Но что мы видимъ на дѣлѣ? Въ Парижѣ, въ Тюльрійскомъ саду, есть много карповъ, которые въ нѣсколько лѣтъ до того избаловались, что приплываютъ на край пруда и высовываютъ изъ воды свои большіе рты, чтобъ получить пирожковъ отъ гуляющей публики. Для многихъ Парижанъ кормленіе карповъ обратилось въ ежедневное занятіе.

Около Оксфорда есть также прудъ, изобилующій карпами; однажды я отправился туда удить и поймалъ семь карповъ; на слѣдующій день я пришелъ опять, но не поймалъ ни одного, и съ тѣхъ поръ мнѣ удалось поймать очень немногихъ, хотя прудъ полонъ карпами. Не очевидно ли, что поведеніе рыбы въ этомъ случаѣ подчиняется указаніямъ разсудка. И если бы парижскій и оксфордскій пруды обмѣнялись нѣсколькими карпами, то каждый изъ нихъ скоро присталъ бы къ привычкамъ своихъ новыхъ товарищей. Разсужденіе оксфордской рыбы очевидно слѣдующее: «Я не дотронуся до этихъ соблазнительныхъ червяковъ, потому что иначе меня потащутъ изъ воды, какъ потащили моихъ товарищей.» Представимъ это въ формѣ силлогизма:

«Всѣ тѣ карпы, которые брали червяковъ, вытасщены изъ воды; если я возьму червяка, меня выта-

щатъ также», или, въ другомъ случаѣ: «Тѣ, которые ѣли пирожки, не схвачены; если я съѣмъ пирожокъ, меня не схватятъ.»

Всякій удильщикъ знаетъ, что рѣки, часто посѣщаемыя рыболовами, порядочно испытываютъ его рыболовскія способности. Въ такихъ рѣкахъ рыба сдѣлалась такъ осторожна, что не поддается на обыкновенную приманку. Чтобы привлечь хоть одну рыбу на крючекъ, рыболовъ долженъ побѣдить ея разсудокъ своимъ собственнымъ. Извѣстно также, что если рыба сорвется съ крючка, то всѣ другія немедленно уходятъ. Здѣсь очевидно дѣйствуетъ разсудокъ. А если мы признаемъ разсудокъ въ одномъ случаѣ, то почему не признать его и въ другихъ?

Но вернемся къ слонамъ. Любовь этихъ животныхъ къ своимъ малюткамъ чрезвычайно сильна, и, что еще удѣшительнѣе, привязанность ихъ встрѣчаетъ полную взаимность. Одинъ кропечный слоненокъ, врядъ ли больше ослѣнка, пытался освободить свою раненую мать, и нападалъ такъ бѣшено, что охотники должны были убить его изъ страха за самихъ себя; толкаясь объ нихъ онъ могъ сломать комунибудь ногу или руку; бѣдное дитя не въ силахъ было сдѣлать чтонибудь больше.

Какъ превосходитъ слонъ другихъ животныхъ своими умственными способностями, такъ, кажется, превосходитъ онъ ихъ въ любви къ дѣтямъ. Онъ не только подставляетъ свою собственную жизнь, чтобы только отклонить бѣду отъ малютки, но идетъ еще дальше. Были примѣры, что мать принуждала своего

малютку выдерживать боль, если только знала, что это принесетъ ему пользу. Одинъ слоненокъ получилъ жестокую рану въ голову и такъ разъярился отъ боли, что никто не могъ подойти къ нему перевязать рану. Нѣсколько времени хозяева сильно тревожились; но наконецъ одинъ изъ нихъ какъ-то ухитрился вразумить мать слоненка, чего именно отъ него требовали. Умная мать тотчасъ отправилась къ своему малюткѣ, принесла его къ оператору и удерживала хоботомъ, пока перевязывали рану. Каждый день послѣ того она приносила свою безпокойную крошку на тоже мѣсто и, не смотря на борьбу его и стоны, принуждала его подчиниться благодѣтельной операціи.

Разсказываютъ много случаевъ, что раненый слонъ добровольно подчинялся лекару; но такъ какъ и другія животныя, собака и лошадь на примѣръ, поступали, сколько извѣстно, подобнымъ же образомъ, то я не придаю этимъ случаямъ большой важности. Думаю однакожь, что не много было примѣровъ, чтобъ какое нибудь другое животное принуждало дѣтей своихъ подчиниться страданіямъ для ихъ собственной пользы.

Слоны, предназначавшіеся для войны, одѣвались въ старину желѣзными бляхами, сдѣланными на манеръ латъ, защищавшихъ ихъ господъ. Самыя нѣжныя мѣста, каковы начало хобота, уши и прочее, защищались тщательнѣе другихъ частей тѣла слона.

Кстати, — не многіе, можетъ быть, знаютъ, какъ чувствительно основаніе хобота слона.

Селливанъ рассказываетъ, что однажды онъ неожиданно наткнулся на слона. На разстояніи шести шаговъ онъ выстрѣлилъ и попалъ вершка на три выше корня хобота. Чудовищный звѣрь тотчасъ же умеръ, опустясь, по словамъ Селливана, какъ большой стогъ, и упалъ на землю, занося одну ногу, чтобъ повернуться. Немного спустя другой слонъ подошелъ посмотреть, что случилось и, получивъ пулю въ тоже самое мѣсто, упалъ за-мертво, точно также, какъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ его товарищъ. Причину такой внезапной смерти не трудно понять, если взглянуть въ черепъ слона. Ноздри помѣщены на черепѣ очень высоко и если отрѣзать хоботъ, будутъ вершка на три выше его основанія. Пуля по всей вѣроятности вошла въ ноздрю и сразу проникла въ мозгъ. Само собою разумѣется, что только очень искусный стрѣлокъ можетъ отважиться на попытку убить слона на повалъ, попавъ въ это именно мѣсто; потому что, попади онъ вершкомъ или двумя всторону, — выстрѣлъ только разъярилъ бы слона до бѣшенства; а пуля зашла бы не въ мозгъ, а въ костяхъ, отдѣляющихъ его отъ наружной части черепа.

Всѣ охотники замѣчали одну постоянную особенность слоновъ. Раненый слонъ ложится только умирать. Всѣ другія животныя могутъ послѣ раны снова подняться на ноги и искать спасенія въ бѣгствѣ. Способность эта замѣчается въ особенности у оленей и сайгъ. Но для слона, если онъ легъ, все кончено. Слонъ, кажется, проникнуть убѣжденіемъ, что ему ужьне встать болѣе, если разъ уже онъ легъ. Поэтому слонъ ста-

рается, какъ можно дольше, удержаться на ногахъ, какъ бы ни былъ онъ удрученъ ранами или болѣзною.

Читатель, однако, не долженъ думать, что въ обыкновенное время слонамъ сколько нибудь затруднительно измѣнить лежачее положеніе на стоячее. Напротивъ, имъ это также легко сдѣлать, какъ и всякому другому животному, и обыкновенно они отдыхаютъ, лежа на боку. Слоны, кажется, разъ на всегда выбираютъ для этого уютное мѣстечко и возвращаются къ нему каждую ночь. Для отдыха слоны обыкновенно выбираютъ большія муравейники отъ 10 до 14 футъ вышиною. Что слоны дѣйствительно лежатъ на боку, это доказывается углубленіями, дѣлаемыми въ землѣ тѣмъ клыкомъ, который приходится при этомъ снизу.

Впрочемъ слонъ не всегда ложится на бокъ, а часто опускается на землю, вытягивая свои ноги, такъ что корпусъ постепенно осѣдаетъ до земли и остается между ногами, но не лежитъ ни на одной изъ нихъ. Такое положеніе мертваго слона самое удобное для вырубки клыковъ; потому что голова покоится на переднихъ ногахъ и оба клыка можно отнять въ одно и то же время. Иначе, чтобъ добраться до нижняго клыка, приходится отрубить слону голову, а на эту работу идетъ много времени и труда. Клыки самца гораздо труднѣе вынимаются изъ своихъ гнѣздъ, чѣмъ клыки самки. Причина этого та, что клыки самца гораздо длиннѣе и потому гораздо крѣпче сидятъ въ гнѣздахъ. Кёмминъ говоритъ, что у него былъ клыкъ въ 10 футъ и 9 вершковъ длиною, и сто семдесятъ три фунта вѣсомъ.

Такая вещь имѣть свою прелесть, потому что сто фунтовъ слоновой кости стоятъ, смотря по достоинству своему, отъ 28 до 30 фунтовъ стерлинговъ (отъ 168 до 180 р. с.); такъ что охота за слонами не одна забава, какъ охота на лисицъ или тигровъ, а выгодное коммерческое предпріятіе, — само собою разумѣется, если спекуляторъ не особенно дорожить своимъ тѣломъ, здоровьемъ и жизнью.

Кёмминъ рассказываетъ про одну чрезвычайно удачную свою спекуляцію слоновой костью. Прихожу рассказъ этотъ безъ сокращеній.

«На слѣдующій день рано утромъ показался король въ сопровожденіи нѣсколькихъ воиновъ, несшихъ его боевые уборы. Я еще лежалъ, и видя, какъ король заглядывалъ ко мнѣ въ фуру, прикинулся спящимъ. Потомъ я замѣтилъ дикаря, который принесъ на плечахъ слоновый зубъ и положилъ его подъ фуру. Вскорѣ поспѣлъ кофе, я всталъ, и король позавтракалъ со мною. Я принялъ за правило, какъ можно меньше говорить на счетъ торга клыковъ и казаться совершенно равнодушнымъ. Туземцы, во всякое время туги на сѣлки, а тѣмъ болѣе, когда знаютъ, что купцу очень хочется приобрести ихъ товаръ.

Во время завтрака Сикоми сообщилъ мнѣ, что отправилъ людей недалеко за слоновыми зубами, и что готовъ покушать все и какъ можно скорѣе, чтобы дать мнѣ возможность уѣхать до прибытія Матабили. Слухъ на счетъ прибытія Матабили я счелъ сначала за выдумку, но впоследствии удостоверился, что слухъ этотъ былъ вполне основателенъ. Передъ

обѣдомъ я занялся въ фурѣ своимъ дневникомъ и замѣтилъ, что король сильно досадовалъ на мое равнодушіе къ мѣнѣ. Наконецъ онъ попросилъ меня выйти изъ фуры, говоря, что у него есть для меня подарокъ и вытащилъ слоновый клыкъ, лежавшій подъ фурую. Поблагодаривъ его, я предложилъ ему, взаменъ, столько бисеру, сколько стоилъ клыкъ. Онъ спросилъ о цѣнѣ моихъ ружей. Четыре большихъ клыка за каждое отвѣчалъ я. Послѣ этого король пошелъ въ ближнюю рошу и нѣсколько часовъ совѣщался тамъ со своими спутниками.

Наконецъ съ двухъ разныхъ сторонъ появились два человѣка, и каждый несъ по слоновому клыку. Когда они подошли, Сикоми приказалъ имъ сложить ношу передо мною и, позвавъ Исаака, обратился ко мнѣ съ длинною рѣчью, толкуя всякій вздоръ и убѣждая меня уступить ружье за эти два клыка. Наконецъ принесли третій клыкъ, маленькій. Было далеко за полдень; я сказалъ королю, что хочу прогуляться въ горы, чтобъ осмотрѣть страну. Онъ объявилъ, что намѣренъ купить одно ружье немедленно и упрашивалъ меня не оставлять фуры. Проговоривъ со мною до заката солнца, онъ снова предложилъ мнѣ два клыка за ружье. Я отвѣчалъ, что уже объявилъ цѣну. Тогда король сказалъ, что идетъ теперь домой и не знаетъ, вернется ли опять, торговаться со мною.

Еслибъ онъ въ самомъ дѣлѣ рѣшился не торговаться, то никакая просьба съ моей стороны не могла бы. По этому я отвѣчалъ, что никогда не спрашивался на мѣну, и что для меня совершенно все

равно, продасть ли онъ клыки или нѣтъ; что другія лица готовы раскупить мои товары, и что настоящая цѣль моего прибытія въ эту страну полюбоваться слоновою охотой. Сказавъ это, я пожелалъ ему спокойной ночи, вскинулъ на плечо ружье свое и отправился стрѣлять дичь.

На другой день рано утромъ Сикоми былъ у фурь; позавтракавши, онъ еще разъ попытался купить ружье за два клыка. Наконецъ я объявилъ, что продамъ ружье за три клыка, если только они будутъ большіе. Послѣ продолжительныхъ споровъ третій клыкъ былъ принесенъ и я обмѣнялъ ихъ на ружье. Затѣмъ король началъ просить формочку для отливки пуль, которую я и отдалъ ему въ придачу. Получивъ формочку, онъ сталъ убѣждать меня уступить и ложку для свинца. Я отвѣчалъ, что ложка не продается при одномъ ружьѣ, но обѣщалъ уступить ее, если онъ будетъ вести дѣло честно. Онъ долго надождалъ съ ложкой и потомъ началъ толковать о покупкѣ другого ружья. Принесли три клыка, и мы почти закончили, когда нѣкоторые изъ его совѣтниковъ сказали, что ему слѣдовало бы получить вмѣстѣ съ первымъ ружьемъ еще порохъ и пули. Онъ началъ приставать ко мнѣ, но я упорно держался своего, и объявилъ, что торгъ оконченъ. Однакоже король тянулъ ту же пѣсню до вечера, и я, какъ наканунѣ, объявилъ, что иду на прогулку и прибавилъ, что если онъ думаетъ, что далъ за ружье слишкомъ много, — пусть отдастъ его и возьметъ свои клыки назадъ. Посовѣтовавшись немного съ своими мудрецами, онъ возвратилъ ружье

и получилъ клыки обратно. Я взялъ свою винтовку и пошелъ къ колодцамъ напоить собакъ. Мнѣ сдѣлалось досадно, что цѣлыхъ два дня потрачено даромъ и что мнѣ не удалось еще вымѣнять ничего. Но дѣлать было нечего, я не могъ дѣйствовать иначе; зато на другой день я былъ вполне награжденъ за стойкость. Хотя торговаться было страшно скучно, но прибыль вполне стоила времени и хлопотъ. За ружье я заплатилъ 16 фунтовъ, а теперь получаю около 3000 на сто, что у торговыхъ людей считается, какъ я слышалъ, изряднымъ барышомъ. Сикоми имѣлъ въ то время множество великолѣпной слоновой кости, да и теперь еще значительное количество ее проходитъ черезъ его руки. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ посѣтилъ Баманвато и показалъ туземцамъ употребленіе ружей, они научились сами убивать слоновъ: но до моего пріѣзда они даже соединенными силами цѣлаго племени не могли убить большого слова. Вся слоновая кость, которою владѣлъ тогда Сикоми, и большая часть той, которая и теперь еще проходитъ черезъ его руки, доставляется однимъ весьма дѣятельнымъ и смѣлымъ племенемъ, населяющимъ отдаленныя страны, лежащія на сѣверо-западъ и сѣверо-востокъ отъ Бамангваты. Я засталъ Сикоми, сидящимъ передъ хижиной, въ горчей бесѣдѣ со своими совѣтниками. Онъ принялъ меня очень радушно и благодарилъ за визитъ. Я пожалъ ему руку и сообщилъ, что по недостатку воды не могу долѣе оставаться здѣсь и пришелъ теперь проститься и предложить ему нѣсколько подарковъ, которые и выложилъ

передъ нимъ. Онъ благодарилъ, сказалъ, что я очень любезенъ, что онъ очень ошастливленъ тѣмъ, что я посѣтилъ его владѣнія; только одно, добавилъ онъ, тяжело моему сердцу: что мы не могли сойтись. Я возразилъ, что это его вина, а не моя; что я предлагалъ ему такія же точно условія, какъ другимъ. Затѣмъ я показалъ видъ, что не могу болѣе медлить. Сикоми спрашивалъ меня остаться еще на одинъ день, обѣщалъ доставить мнѣ множество клыковъ и купить всѣ мои ружья. На это я отвѣчалъ, что очень желаю имѣть съ нимъ дѣло, если только онъ намѣренъ поступать со мною благородно, и далъ замѣтить ему, что это рѣшительно послѣдній день, и что больше я не могу пробыть у него. Тогда всѣ мы отправились къ фурамъ, и на этотъ разъ мѣна пошла такъ живо, какъ прежде была мѣшкатна. Король пилъ кофе и безпощадно нюхалъ табакъ, а огромныя трубки его безпрестанно приносились и переходили изъ рукъ въ руки въ продолженіе цѣлаго дня.

За первыя два ружья Сикоми далъ мнѣ по три большихъ клыка и получилъ еще отъ меня въ придачу нѣсколько пороху и свинцу. Потомъ цѣна понизилась до двухъ клыковъ за каждое ружье. Этимъ условіемъ мѣны вся компанія, казалось, совершенно удовольствовалась, и торгъ продолжался безъ ропота. Огромнаго роста дикари безпрестанно приходили и уходили въ трехъ различныхъ направленіяхъ, принося на плечахъ своихъ дорогіе уборы калигарскихъ слоновъ; къ закату солнца всѣ мои ружья были разобраны. Такимъ образомъ къ концу дня я оказался

владѣльцемъ очень цѣпнаго куша, слоновой кости.»
Въ старину боевые слоны правильно подготовлялись къ своему дѣлу и приучались схватывать людей хоботомъ и разбивать ихъ въ куски, или проноситься сквозь цѣлые отряды конницы, топчя ихъ ногами, и разсѣвая страхъ и смятеніе въ рядахъ непріятельскихъ воиновъ. Иногда слоны вооружались саблями, которыми дѣйствовали съ страшнымъ успѣхомъ.

Въ настоящее время слоновъ держатъ или изъ тщеславія, или какъ вьючныхъ животныхъ, потому что теперь слоны совершенно бесполезны на полѣ битвы. Слоны всегда чрезвычайно боялись огня; но когда огонь этотъ сопровождается ревомъ пушекъ и ружей и мучительными ранами, наносимыми изъ далека, они дѣлаются совершенно неукротимы, и скорѣе обратятся противъ своихъ, чѣмъ бросятся на врага. Но во времена, когда стрѣлы были единственнымъ мстительнымъ оружіемъ, слоны приносили огромную пользу. Они были защищены щитами, непроницаемыми ни для стрѣлъ, ни для копій, и могли почти безнаказанно вносить опустошеніе въ полчища непріятели, такъ что всегда почти побѣждала та армія, въ которой было больше слоновъ. Въ запискахъ императора Бабера есть любопытное мѣсто, показывающее, какого мнѣнія были тогда о слонахъ:

«Войска Алимъ — хана разсѣялись и принялись за хищничество и грабежъ. Войска султана Ибрагима, замѣтивъ, что непріятель не имѣлъ значительныхъ силъ, немедленно выступили, хотя были весьма немногочисленны и имѣли всего только одного слона.

Но едва только войны Алима-хана увидали приближеніе слона, тотчасъ обратились въ бѣгство, не рѣшаясь вступить въ бой съ нимъ.

Возраста, до котораго достигаетъ слонъ на своей родинѣ, нельзя опредѣлить съ точностью, но достоверно, что онъ живетъ очень долго. По общему мнѣнію, продолжительность жизни слона—около ста двадцати лѣтъ, хотя есть разсказы о нѣкоторыхъ слонахъ, которые будто бы пережили два такихъ срока. Впрочемъ разсказы эти подозрительны; мы знаемъ, какъ легко наплывають десять или двадцать лѣтъ, когда считаютъ годы сотнями; и такъ какъ всякій разсказъ необходимо переходитъ изъ устъ въ уста, то едва ли можно думать, чтобы въ немъ не оказалось на послѣдокъ значительныхъ преувеличеній, особенно, когда разсказчики—народъ, не заботящійся о соблюденіи строгой истины.

Изъ разсказа одного новѣйшаго путешественника оказывается, что у слоньевъ, также какъ у людей, существуютъ няньки. Ему неоднократно случалось видѣть, какъ слониха шла между четырьмя или пятью слоненками и заботливо наблюдала за ними. Очень хорошо извѣстно, что слоны рожаютъ по одному дѣтенышу, слѣдовательно всѣ четыре слоненка не могли быть дѣтьми слонихи. А между тѣмъ она ходила за ними, и стало быть, была ихъ нянькой. Перенимая отъ людей хорошее, слонъ подражаетъ также и слабостямъ людскимъ. Милый порокъ слона: при всякомъ удобномъ случаѣ лгнуть губами къ бутылкѣ—не выдумка, а голая правда: слонъ самый отчаянный

пьяница; ему ни почемъ бутылка водки, спирту, или жгучаго папитка, называемаго аракомъ, который гонится изъ сока извѣстнаго рода пальмовыхъ деревь. Слонь такъ пристрастенъ къ этому послѣднему напитку, что, пообщавъ ему нѣсколько араку, можно заставить его сдѣлать что угодно.

Легко было бы наполнить цѣлый томъ анекдотами объ этихъ умныхъ животныхъ; затрудненіе встрѣтилось бы только въ выборѣ разказовъ. Всякій, путешествовавшій по странамъ, гдѣ слоны сдѣлались домашними животными, рассказываетъ множество примѣровъ ихъ необычайной мудрости. Еще плодовитѣе на разказы о слонахъ охотники, которые видятъ ихъ въ ихъ собственныхъ пустыняхъ, слѣдятъ за ними по всему раздолью природы; такъ что выборъ отрывковъ становится еще труднѣе, и статья о слонахъ растетъ въ цѣлую книгу. Мой старинный врагъ, недостатокъ мѣста, беретъ верхъ, и я противъ воли оканчиваю разказъ о слонѣ и оставляю доживать въ записной своей книжкѣ множество анекдотовъ и описаній, которые прежде намѣренъ былъ сообщить. Закрываю статью эту словами моего ученаго друга Іоганнеса Іонстопуса.

« Сужденіе о слонахъ можно почерпнуть изъ Livabius be intellectu bestiarum. Они показываютъ особенную любовь къ лунѣ. Послѣ новолунія, они срываютъ съ деревь сучья, держатъ ихъ по направленію къ небу и, смотря на луну, потрясаютъ ими, будто молятъ свое божество. »

Журналъ «ПОДСНѢЖНИКЪ» выходитъ въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками отъ 140 до 200 страницъ. Смотри по содержанию статей, въ журналѣ будутъ помѣщаться картинки, чертежи, географическія карты, планы и проч.

ЦѢНА за **12** книжекъ въ годъ **ШЕСТЬ рублей**, съ доставкою на домъ — **СЕМЬ руб.**, съ пересылкою въ города **СЕМЬ руб. ПЯТЬДЕСЯТЬ коп. сер.**

Для учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія, **ШЕСТЬ руб.** съ пересылкою.

Казенныя учебныя заведенія могутъ доставлять деньги въ теченіи 1862 года.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С. ПЕТЕРБУРГѢ — въ конторахъ журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ»: при книжныхъ магазинахъ *Василья Алексѣевича Исакова*, на Невскомъ проспектѣ, противъ Католической церкви, и *Д. Е. Кожанчикова*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Демидова.

Въ Москвѣ — въ конторѣ журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», при книжномъ магазинѣ *Н. Щепкина и К^о*, на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина.

Въ тифлисѣ — у книгопродавца *Беренштама*.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ адресовать свои требованія *исключительно въ редакцію журнала*, въ С. Петербургъ, на Мойкѣ, близъ Пьвческаго моста, въ домъ княгини Волконской.

Каждый № журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», по выходѣ, сдается въ наглухо заклеенномъ пакетѣ въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта и дальнѣйшее отправленіе журнала зависитъ уже отъ Экспедиціи. Поэтому, неполучившіе какого-либо № журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», благоволятъ адресоваться съ просьбами о высылкѣ книжки къ господину С. Петербургскому Почтъ-Директору.